

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Sochi Journal of Economy

Scientific periodical. First published in 2007
ISSN 2541-8114. 2018, 12(1)

Editorial Staff:

G. M. ROMANOVA
Editor in Chief – Dr. (Economic), Professor,
Rector of Sochi State University (SGU)
A. A. CHERKASOV
Deputy Editor in Chief – Dr. (History), Professor
(SGU)

O. E. BASHINA
Dr. (Economic), Professor (SGU)
A. M. VETITNEV
Dr. (Economic), Dr. (Medicine), Professor (SGU)
T. E. GVARLIANI
Dr. (Economic), Professor (SGU)
A.A. RYABTSEV
PhD (Economic) (SGU)
N. A. SAVELEVA
Dr. (Economic), Professor (SGU)
P. P. CHUVATKIN
Dr. (Economic), Professor (SGU)

The journal is listed in Russian Index
of Scientific Quotations
Impact factor of Russian Science Citation 2016 – 0,209

Editorial address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000
Tel.: 8(918)201-97-19

Address of the publisher:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Address printing:

94a, Plastyanskaya str., Sochi city, 354000
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Website: www.vestnik.sutr.ru

Proofreader, Editor-translator
V. S. MOLCHANOVA
Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

Editorial Board:

L. ANDRADES CALDITO (Spain)
Department of Business Management and Sociology,
University of Extremadura
E. BRUNAT (FRANCE)
Doctor of Economic Sciences, Institut
d'Administration des Entreprises, L'Université
Savoie Mont Blanc
A. T. BYKOV (SOCHI)
Doctor of Medicine, Professor, Corresponding
Member of Russian Academy of Sciences
F. DIMANCHE (Canada)
Director, Ted Rogers School of Hospitality and
Tourism Management, Ryerson University
V. I. GASUMYANOV (MOSCOW)
Doctor of Economy, Vice President, Director of the
Directorate of Corporate Security – Head of Safety
Unit of PJSC «GMK Norilsk Nickel» (Chairman of
Editorial Board)
G. A. KARPOVA (ST.PETERSBURG)
Doctor of Economy, Professor, Vice-President of
National Academy of Tourism
G. MASTERMAN (Sheffield, the UK)
Head of the Department of Sport, Sheffield Hallam
University
E. L. PISAREVSKY (MOSCOW)
Doctor of Law, Deputy Chairman of the Russian
Social Insurance Fund

The journal is registered in Federal Service in the field of
Communications, Information Technology and
Communications.
Magazine Certificate of Registration
ПН №ФС77-62398 July 14, 2015.

The journal is included in the List of State Commission for
Academic Degrees and Titles of the
Russian Federation editions.

Free price

Passed for printing 25.03.2018.

Format 29,7 × 42/2. Offset paper.
Screen printing. Georgia typeface.

Ysl. Izd. l. 21,04. Ysl. pech. l. 16,2.
Circulation 500 copies. Order 72

Issued from 2007
Publication frequency – once in 3 months

Министерство образования и науки РФ

Sochi Journal of Economy

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Издаётся с 2007 г.
ISSN 2541-8114. 2018, 12(1)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. М. РОМАНОВА
главный редактор — д-р экон. наук, профессор,
ректор Сочинского государственного университета
А. А. ЧЕРКАСОВ
зам. главного редактора — д-р ист. наук,
профессор СГУ

О. Э. БАШИНА
д-р экон. наук, профессор СГУ
А. М. ВЕТИТНЕВ
д-р экон. наук, д-р мед. наук, профессор СГУ
Т. Е. ГВАРЛИАНИ
д-р экон. наук, профессор СГУ
А. А. РЯБЦЕВ
канд. экон. наук, доцент СГУ
Н. А. САВЕЛЬЕВА
д-р экон. наук, профессор СГУ
П. П. ЧУВАТКИН
д-р экон. наук, профессор СГУ

Журнал включен в базу
Российского индекса научного цитирования.
Импакт-фактор РИНЦ 2016 – 0,209

Адрес редакции:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

Адрес издателя:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а

Адрес типографии:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94а
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Сайт журнала: www.vestnik.sutr.ru

Корректор, редактор-переводчик
В. С. МОЛЧАНОВА
Технический редактор, электронная поддержка
Н. А. ШЕВЧЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Л. АНДРАДЕС КАЛДИТО (Испания)
профессор кафедры менеджмента и социологии,
Университет Экстремадуры
Э. БРЮНА (Франция)
д-р экон. наук, профессор, Университет Савуа
Мон Блан
А. Т. БЫКОВ (г. Сочи)
д-р мед. наук, профессор, член-корр. РАМН
В. И. ГАСУМЯНОВ (г. Москва)
д-р экон. наук, вице-президент, директор
дирекции корпоративной безопасности –
руководитель блока безопасности ПАО «ГМК
«Норильский никель» (*председатель редсовета*)
Ф. ДИМАНШ (г. Торонто, Канада)
Директор школы гостеприимства и менеджмента
в туризме Тед Роджерс, Университет Раерсон
Г. А. КАРПОВА (г. Санкт-Петербург)
д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Национальной академии туризма
Г. МАСТЕРМАН (г. Шеффилд, Великобритания)
руководитель департамента спорта, Университет
Шеффилд Холлам
Е. Л. ПИСАРЕВСКИЙ (г. Москва)
д-р юрид. наук, заместитель председателя Фонда
социального страхования РФ

Журнал зарегистрирован в федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС77-62398

от 14 июля 2015 г.

Цена свободная

Подписано в печать 25.03.2018.

Формат 29,7 × 42/2. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 21,04. Усл. печ. л. 16,2.
Тираж 500. Заказ № 72

Выходит с 2007 г.
Периодичность — 1 раз в 3 месяца

Contents

Articles and Statements

Areas of Mountains and Valleys of the Northern Region of Montenegro: an Overview from the Aspect of Mapping, Typology and Landscape Protection J. Bulatović, G. Rajović	4
Methodology for Determining the Generalized Indicator of the Quality of Professional Training for Rescuers of the Municipal Rescue Team Y.T. Chebakov, A.Y. Kormishov	15
On Feasibility of Establishing Self-Regulating Organizations of the Resort and Tourist Businesses on the Regional Level B.A. Ermakov	23
Trends and Prospects of Hotel Industry Development in Russia T.E. Gvarliani	29
The Basics of the Essence and Economic Evaluation of Commercial Real Estate V.A. Krakhina, Y.S. Valueva	38
Evaluating Intensity of Innovative Activity of Hotel Organizations on the Basis of Transformation Model T.P. Levchenko, V.A. Varenikov	46
Improving Management at the Enterprises of a Sanatorium Complex M.S. Oborin	60
Cybersecurity Issues in the Implementation of the Digital Economy V.S. Oladko	68
Sustainable Reproduction and Competitiveness of a Regional Tourist Product V.N. Sharafutdinov, E.V. Onischenko	79
Problems of Regional Budgetary-Tax Policy on the Example of the Krasnodar Region D.S. Temirov, Z.D. Temirova	94
Econometric Revalidation of Nigeria's Import Demand Behaviour: A Koyck's Dynamic Analysis and the Policy Response D. Umoru, E.O.A. Evbuomwan, B. Imimole	101
Professional Burnout of Personnel is a Key Problem in the System of Human Resources Management E.K. Vorobey, A.V. Trutt	123
The Key Elements of the External Environment on the Example of LLC "Primorsky Konditer" S.V. Zheurova	132

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 4-14

www.vestnik.sutr.ru

Articles and Statements

UDC 33

Areas of Mountains and Valleys of the Northern Region of Montenegro: an Overview from the Aspect of Mapping, Typology and Landscape Protection

Jelisavka Bulatović^{a, *}, Goran Rajović^b

^a College of Textile Design, Technology and Management, Belgrade, Serbia

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Abstract

The text gives a geographical view of areas of mountains and valleys of the northern region of Montenegro with aspect of mapping, typology and landscape protection. According to the Ministry of Tourism and Sustainable Development of the Government of Montenegro (2015) in the areas of mountains and valleys of the northern region of Montenegro we highlight the landscape of regional character and local level (Figure 1). On Figure 2 we distinguish the following character types landscape: valley and basin mountain rivers; gorge and canyons of mountain rivers; plains, fields, plateaus; urban settlement; water accumulation of the lake; lower mountain type; Mountain landscape type and high mountain type landscape. Terminology and methodology applied in Montenegro studies of landscape, in the context of its protection, were discussed in very numerous publications. Finally, in concluding observations, we point to some aspects of cultural cartography and the study of landscapes in the past. When archaeological or historical landscapes are concerned, always the time that has already passed is being studied. Thus, it can be claimed Karro et al. [1] emphasizes using research Widgren [2] that the reconstructions of past landscapes are imagined, and may or may not be real. Unfortunately, it is impossible to say how much reality those reconstructions actually include, because treating evidence and the use of different theories and methodologies affect the result (e.g., the difference between retrospective and reconstructive method).

Keywords: Northern Montenegro, mapping, typology, landscape, protection.

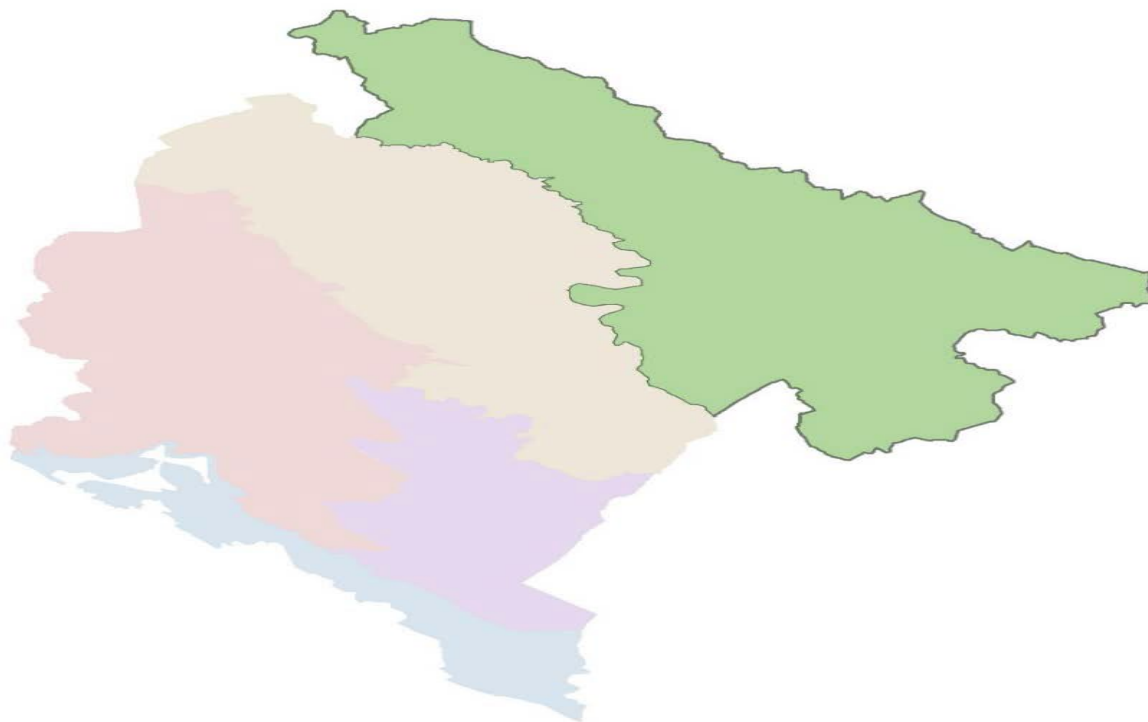
1. Introduction

The entire appearance of a certain space towards Kaloger [3], that is its landscape is determined by the basic physical – geographical elements, especially relief, water and plant cover, so it depends on the presence of man and the intensity of his work. Due to the increasingly intense, and most often, completely uncontrolled man's activity, especially in our social conditions, there are less and less original natural landscapes in the area of mountain and river valleys of the northern region of Montenegro. Because to contemporary developments and relations in space, the general phenomenon of absolute domination of cultivated landscapes is common, and this very often without any functionality, that is, without a harmony between man and nature, without

* Corresponding author

E-mail addresses: jelisavka.bulatovic@gmail.com (J. Bulatović), dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

feeling for any spiritual needs of the population, practically without the basic physical conditions for the unfolding of the modern way of life, which perhaps more than ever before requires exactly the harmony of space and harmonious relations in it. Right on because of this, the urban settlements of the northern region of Montenegro have become alienated and, in some sense, residential fleet to the suburbs - rural settlements, this only confirms [3].

Fig. 1. Landscape of mountains and valleys of the northern region of Montenegro [4]

Planning, according to Marušić [5] indicates that “both for development and protection, can be carried out by two approaches that are basically different from the methodological point of view: analytical planning approach and normative approach or, as Simon [6] has denominated it, standardization. The first of the above two approaches represents an approach are which has been predominant in the traditional landscape planning practice. The main task of landscape planning is to locate new land uses, new development and new activities. The normative planning approach is based on the assumption that landscape appearance can be defined as the objective of landscape management practice”. It is, in fact, a concept that understands the landscape as cultural heritage that should be maintained, rather than the landscape as a living organism which evolves according to the dynamics of natural and social processes. The basis for landscape standardization is the landscape typology classification. For the purpose of preparing landscape planning norms, the morphological definition of landscape type seemed to be most adequate. Landscape pattern is a specific structure of landscape elements that can be described as a complex landscape appearance. The complexity of the landscape pattern differs according to the scale of landscape perception and assessment [5].

Our research records are based on similar research Badora [7] including research Kistowski [3] indicates that landscape protection, one of key aspects in preservation of socio-cultural identity and natural heritage, is an important task for the Montenegro society and administration. Providing landscape protection may involve the development of a spatial system of protected areas, differing in their rank and protection conditions and contributing to legal protection described as passive. In Montenegro, spatial systems of landscape protection are established according to Badora [7] a scientific paradigm in which landscape, as the subject of protection, is understood differently. Two main trends may be distinguished in its research and development according to Badora [7]: (1) based on natural studies (e.g. landscape geography, landscape ecology and geochemistry) and focusing on the protection of nature values and (2) based on technical sciences (e.g. Urban planning, architecture, landscape architecture) and focusing on the protection of cultural values, very often resulting from the history of the area and its monuments

[see 9-10]. Terminology and methodology applied in Montenegro studies of landscape, also in the context of its protection, were discussed in very numerous publications.

2. Research Methodology

To study landscape, according to Antrop [11] information was gathered from field surveys, maps, literature, sketches and photographs. Since the Second World War, aerial photography, and from 1970 on also satellite remote sensing, gave a completely new approach in the study of landscape. Therefore, it is not appropriate any more to speak about the geography of landscapes, but rather about what geography can bring to the study of landscape. In most countries the number of researchers according to Antrop [11] citing research Verhoeve and Vervloet [12] indicates that studying the landscape is limited and fortunately this stimulated in the development of an international network. Many landscape researchers meet under the umbrella of the International Association for Landscape Ecology (IALE), which has national, (supra)regional groups and thematic workshops. Also important is the Standing European Conference for the Study of the Rural Landscape. "A method for landscape characterization (LTS) will only serve its purpose as a knowledge base for landscape analysis if it gains general acceptance by all stakeholder groups. It therefore has to meet some basic criteria, of which the following are likely to be the most important: general patterns in the variation of landscape characteristics need to be addressed; only characteristics (variables) that are observable on a relevant (i.e., landscape) scale taken into account; the characterization must be so exhaustive that the needs of all stakeholders for information is satisfied; the terms and concepts used in landscape characterization, including criteria for definition of types, need to be explicitly defined and applied in a way that meets the demand for repeatability in scientific studies" [13]. So, the whole information volume in this article was obtained through specific methods for the selective research, respecting all its stages from the methodological point of view: identification of the researched issue, research framework delimitation, information collection, data processing, analysis and interpretation drawing up the conclusions. Research also played an important role in the article in the identification of other studies and articles on the same subject. Hence, the information sources used can be classified into governmental sources (ministerial and from research institutes), and into non-governmental sources (independent publications) [see 14-17].

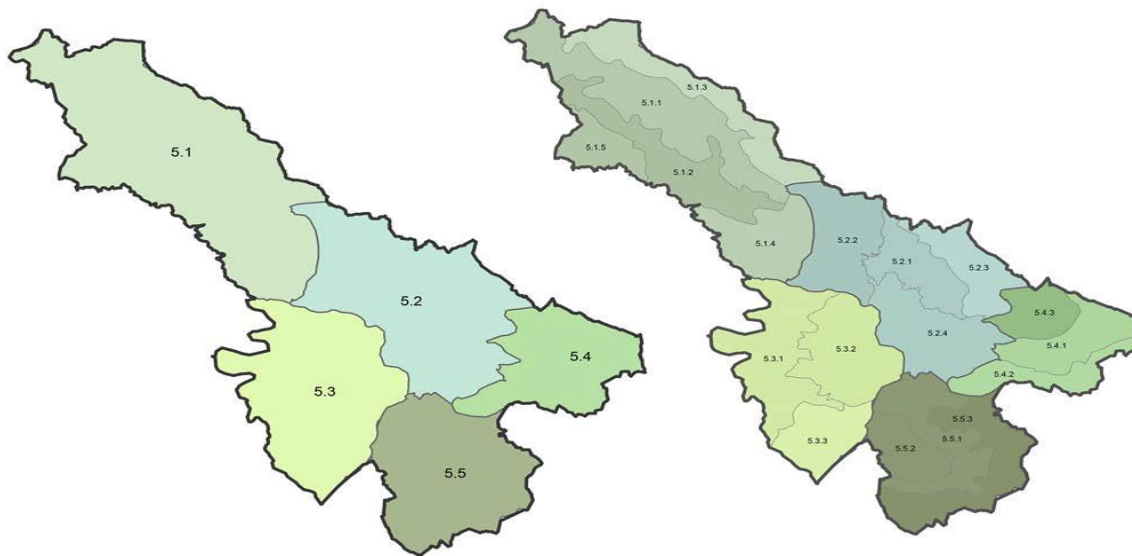
3. Analysis and Discussion

Various approaches are hidden behind the title „landscape mapping“ (even landscape ecological mapping), and among them also commonly very specific ways of landscape survey. It was noticed according to Maly [18] who commented, that „some so called landscape maps produced by non geographers (by ecologists, biologists, planners) are not a true landscape maps, because they display only selected landscape components and the other ones are totally neglected or suppressed. Such maps do nothing with the synthetic approach typical for the landscape maps in true sense of this word“ [18]. The outcomes stating the measures of unused lands according to the Ministry of Tourism and Sustainable Development of the Government of Montenegro [4] in the areas of mountains and valleys of the northern region of Montenegro (Figure 1) are rather undervalued, which is a result of methodological limitations in the mapping process. By Lipský and Kukla [19] the mapping could not include smaller areas that cannot be expressed on the map scale (e.g. areas around electric wiring posts, kerbs, irrigation and drainage systems and other objects making the continuous mechanized farming of lands impossible in the free landscape), the number of neglected line elements (alongside water flows and watercourses, balks, ditches), which have a similar vegetative character, and also abandoned unused areas located on the premises of enclosed industrial and storage areas that are fenced and generally inaccessible. It was also impossible to map individual small areas in the inner parts of settlements (e.g. abandoned gardens) unless these were publicly accessible. The unused areas in the landscape keep growing. At the same time according to Lipský and Kukla [19] they carry a substantial landscape-forming, ecological and also hygienic and social impact. In the immediate vicinity of the town they are interwoven with an uncontrolled network of paths mostly used for nature walks, dog walking... They concentrate a number of wild animals (e.g. roebuck, hare and pheasant), birds, insects and other groups of organisms whose occurrence is much higher here than in the surrounding urban and let natural processes take its course?

Unfortunately, divisions go further than just what people talk about in conferences. Dudley [20] states that different arms of government often regard protected landscapes as very different

entities and management can end up confused as a result. Environment ministries tend to report them as contributing to biodiversity conservation targets, including those of the Convention on Biological Diversity's Program of Work on Protected Areas, while rural development ministries downplay their conservation role in favor of human livelihood issues. At management level, some protected landscape managers emphasize the nature conservation aspect and have addressed this carefully in management plans, while others see it as less important than maintaining landscape values, community benefits, and the traditional management systems.

According to the Ministry of Tourism and Sustainable Development of the Government of Montenegro [4] in the areas of mountains and valleys of the northern region of Montenegro (see Figure 2) we highlight the following landscape of regional character (5.1 – landscape Pljevaljski areas; 5.2 – landscape Vraneške valley and Lower Kolašina; 5.3 – landscape Bjelasice and Komova; 5.4 – landscape Rožajskog areas and 5.5 – landscape Plavsko areas) and local level (5.1.1 – lower mountainous landscape along the river bank Čehotine; 5.1.2 – mountainous landscape Podgora, Vrba, Višnjice, Kosanice; 5.1.3 – mountainous landscape Kovača and Graba; 5.1.4 – mountainous and high mountains landscape Stožersko-Baričke surfaces, Slatine, Sokolca and Lekovine; 5.1.5 – mountainous landscape Ljubišnje and Lisca with the canyon Drage; 5.2.1 – lower mountainous landscape bjelopoljskog areas with the valley Lima; 5.2.2 – mountainous landscape Lise; 5.2.3 – mountainous and high mountains landscape Đalovica, Korita and Bora; 5.2.4 – lower mountains landscape with Beranske valley and Tirvanskom gorge; 5.3.1 – valley river Tare; 5.3.2 – high mountains landscape Bjelasice; 5.3.3 – high mountains landscape Komova; 5.4.1 – landscape valley Ibar and Rožajske valley; 5.4.2 – high mountains landscape Hajle; 5.4.3 – mountains and high mountains landscape Vlahova; 5.5.1 – landscape Andrijevičke and Plavsko-Gusinjska valley; 5.5.2 – mountains and high mountains landscape Zeletina and Visitor and 5.5.3 – high mountains landscape Prokletija).

Fig. 2. Areas of character landscape (left – regional level, right – local level) [4].

Brånhult [21] emphasizes by referring to research Wańkowicz [22], Vos & Meekes [23] and Sarlöv–Herlin [24] a way to balance different needs, and satisfy various interests at the same time, is to facilitate the creation of multifunctional landscapes. Multifunctional landscapes are essentially about safeguarding and enhancing different interests and values, such as biodiversity, production, recreation, cultural heritage and aesthetic values, in one and the same area, not handling them as separate interests. This is especially important in urban areas where land is scarce and landscapes often are under high pressure [see 25-27]. In seeking the right balance between protection, management and planning of a landscape, it should be remembered that the aim is not the preservation or "freezing" of the landscape at a particular point in its lengthy evolution. Landscapes have always changed and will continue to change, both through natural processes and through human action. In fact, the aim should be to manage future changes in a way which recognizes the great diversity and the quality of the landscapes that we inherit and which seeks to preserve, or even enhance, that diversity and quality instead of allowing them to decline [21].

The general balance of the needs and possibilities should be a starting point for the determination of the development policy and later for drafting of spatial management plans. In particular, we should aim at balancing the land needs in respect of the indication of land use of the selected areas, taking into account the protection of those components whose use and development should be subjected to special needs, owing to the features of the natural and cultural environment. That would allow for the implementation of the principles of sustainable development: on the one hand, preservation of selected resource, and, on the other hand, a possibility of the development of local communities [22]. What is an essential element in reference to landscape is the analysis and evaluation of the usefulness of particular plots of land for the development of various useful functions which will allow us to maintain and utilize landscape values. Assuming that the landscape use is associated with a possibility of providing aesthetic experiences, the landscape value increases with the increase of the possibility of providing such experiences to observers, just like in case of masterpieces (landscape has real value only when one can see it). The areas which are affected by the objects mentioned before are the lands on which the objects are passively exposed (or the places where we can see such specific objects). To put it simply, the larger the area from which an object can be seen the higher landscape value [22].

The landscape setting is defined by an area and its geology, landform, vegetation, built form, human activity, and climate and their influences on its processes. The values associated with landscape protection are complementary to those values traditionally attributed to environmental protection, including economic efficiency, clean air and water, species protection, availability for public enjoyment and sustainability. The community's appreciation of the landscape resource is a collection of individual perceptions, some acute, some subliminal, others based upon historical and childhood appreciations of activities and cultural values. The landscape can be appreciated at a local level or for its regional significance. Rather than competing, these overlapping parameters enhance the power of the landscape to affect individual lives and the community's environmental appreciation [28].

The protected landscape approach can be according to Brown and Mitchell [29] particularly appropriate in diverse regions of the world, including and the Montenegro, because it: links people's needs and biodiversity conservation; typically comprises a mosaic of land ownership patterns, including private and communally owned property; can accommodate diverse management regimes, including customary laws governing resource management; Has important specific objectives related to conservation of cultural heritage; seeks to bring benefits to local communities and contribute to their well-being through the provision of environmental goods and services; and has proven to work well in certain indigenous territories where strict protected areas have failed, because it accommodates traditional uses and customary tools for resource management. The protected landscape approach according to Brown and Mitchell [29] citing research Brown [30] emphasizes that engages local communities in stewardship of working landscapes because it: reinforces local responsibility for resource management; builds on existing institutional responsibilities; and encourages flexible arrangements for management of resources, including collaborative management agreements and the range of private land stewardship tools.

According to Moore–Colyer and Scott [31] citing research Greeves and Taylor [32], Francis and Henderson [33], Clifford and King [34], Edwards [35], Owen [36], Phillips [37] emphasizes that with the advent of Local Agenda 21 plans and Community Planning. This 'bottom-up' approach has been characterized by a plethora of responses and initiatives aimed at improving local landscapes and quality of life. Currently the policy emphasis has switched to community plans as the principal mechanisms to deliver a bottom-up approach towards the local implementation of the sustainable development agenda. Furthermore, the European Landscapes Convention provides the justification for a more citizen – 1 end approach to landscape matters, together with a more holistic view of landscape itself, where landscape is deemed to be democratic, participatory, inclusive, realistic and international.

According to the Ministry of Tourism and Sustainable Development of the Government of Montenegro [4] in the areas of mountains and valleys of the northern region of Montenegro (see Fig. 3) we distinguish the following character types landscape: valley and basin mountain rivers (Čehotina, Tare, Lima, Ibra and their tributaries, Vraneška valley, Ropojanska valley...); gorge and canyons of mountain rivers (canyon Drage, gorge Čehotina, Đalovića gorge, Tivranska gorge, Radmanska gorge, gorge Ibra...); plains, fields, plateaus (Maočko and Potkrajčko field, Suvo field, Giljevo field, plateau Korita...); urban settlement (Pljevlja, Bijelo Polje, Berane, Petnjica, Plav, Rožaje, Andrijevića, Gusinje, Plav); water accumulation of the lake (Plavsko, Ridsko, Biogradsko,

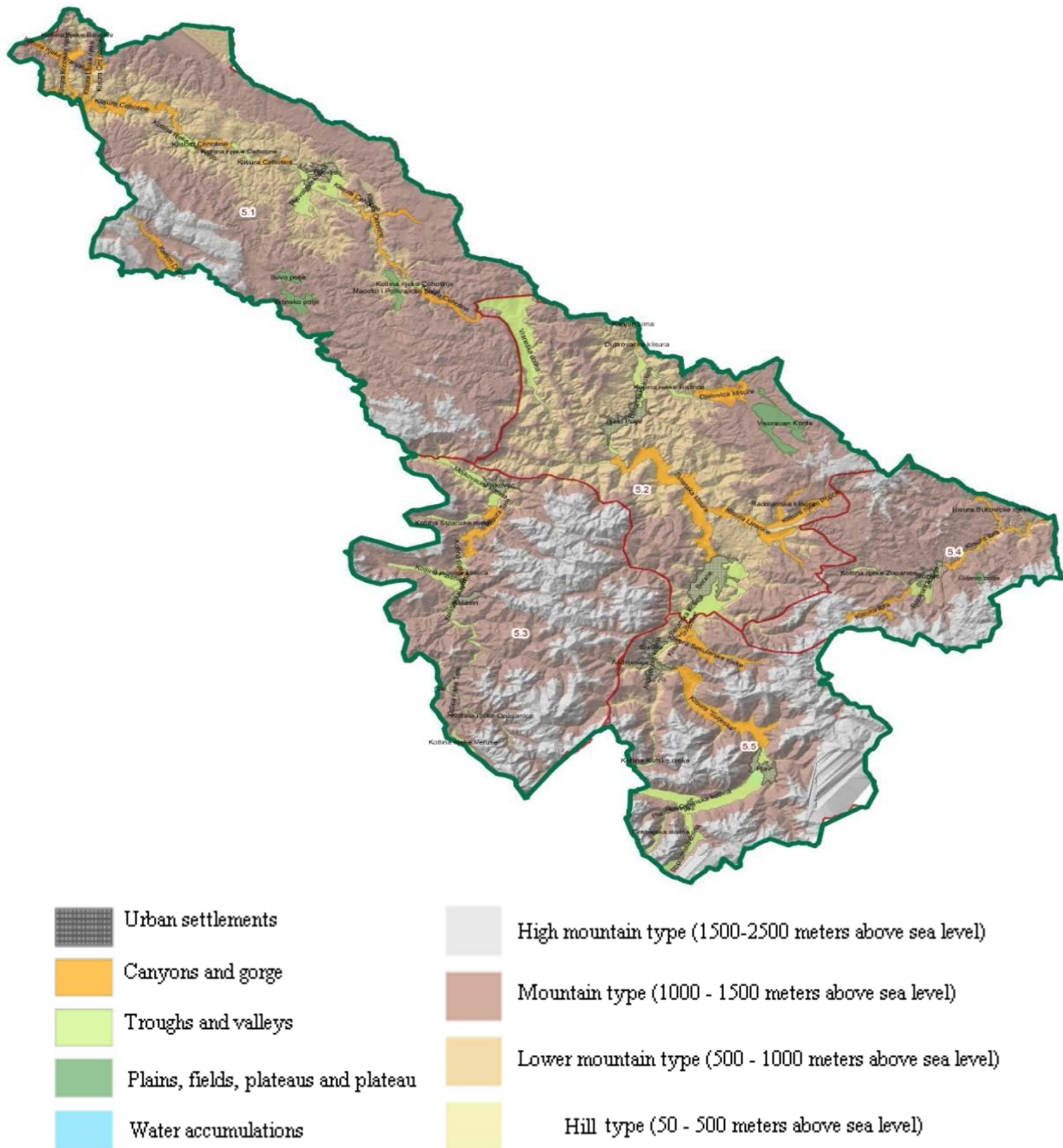

Šiško...); lower mountain type (along the river basin Cehotine, along bjelopoljskog areas along the valley Lima, the edge of the Berane basin ...); Mountain landscape type (Ljubišnja, Lisac, Podgor, Vrba, Kosanica, Kovač, Grab, Barice, Stožer, Lisa, Lekovina...) and high mountain type landscape (Bjelasica, Komovi, Hajla, Vlahovo, Zelatin, Visitor and Prokletije) [see 38-39].

A landscape consists not only of interacting biological and geophysical elements but also of people, land uses, infrastructure, social organizations, institutional arrangements, and cultural, spiritual, and utility values. Most people link to wider-ranging markets and transport and communication networks at this level. Landscapes are also the primary level at which the actions of individual households intersect those of others resource users. The right to access, use and manage natural resources becomes subject to social convention and negotiation, themselves framed by more formal rules set down by distant government agencies. Together, these features shape people's lives and produce the natural resources, ecological services, and social and economic relationships on which they depend [40].

These relationships are pressured unpredictably by both local and distant economic change, advances in infrastructure and technology, widening access to markets and information, the growth and movement of populations, and variations in climate and other exogenous forces. People can seldom reduce or eliminate this complexity and uncertainty, at least in the short term. They cope by acting on best available knowledge, learning from the outcomes, and adapting accordingly. Understanding this complexity requires research driven less by the researchers and more by the perceptions, priorities, and actions of the land users [40].

From experiences and the management Kurz et al [41] we can implement the following action approaches: 1) Governance refers to regional conditions and builds on them positively. Regionally meaningful points of departure are, in particular, the cultural, social, economic and political relationships and those pertaining to the natural environment, plus ownership structures; 2) Governance is based on the relationships between the regional actors. The stakeholder landscape that secures the continuity of the cultural landscape is highly diverse. Platforms for debate and dialogue on an equal footing are needed; 3) Governance places the prospects of the inhabitants and those working in these regions at the forefront. Aspects of the continuity of a cultural landscape include: the preservation and development of the economic livelihoods of the people, which have mostly changed in respect of the original grounds for protection, landscape protection and development and monument/settlement protection and development; 4) It is important that the inhabitants of the prospects and an opportunity to help actively shape them. Cultural heritage can be used as a starting and integration point for new developments even aside from tourism, especially in regard to the regional culture of building and the associated technical and artisanal know – how; 5) Governance requires property responsibility and care takers. Who is, in fact, responsible for the Montenegro property? Here, on the one hand, it is a matter of the legislative responsibility of the public authorities and the private responsibility that ownership entails, and on the other hand the operational role in the management of the Montenegro cultural landscape; 6) Governance is based on planning instruments and planning principles. Existing planning instruments and/or their revised versions should focus more clearly on the topic of cultural landscapes, especially for the Cultural Heritage regions. We must increase the use of existing planning instruments (e.g. zoning regulations, village renewal concepts, subsidies for revitalization and provincial planning programmers) and put natural and cultural heritage on the spatial planning agenda. Heritage management planning should be implemented as an active instrument for regional development; 7) Governance enables integration in larger, higher state structures and needs their support. For this reason, to achieve successful implementation – especially with regard to the regional economic potential – integration at higher levels is essential. The local/regional level needs, on the one hand, expert support, motivation and systematic financial aid, whilst on the other hand it offers local, firsthand experience and knowledge, which, in turn, should be incorporated at the strategic, higher levels.

Fig. 3. Types of character landscape [4]

4. Conclusion

According to the European Landscape Convention (ELC) [42] landscapes are areas, according to Kerro et al [1] as perceived by people, which character is the result of the action and interaction of natural and human factors. However, there are other circumstances that should be noted when talking about landscapes. Landscapes are constantly being transformed by the people living in them, thus, landscapes are never frozen entities but lively and dynamic. Landscapes can be according to Kerro et al [1] citing research Lefebvre [43] and Simonsen [44] considered as lived spaces or lebensraum, however, Tim Ingold has used the term meshwork to replace the German term, which has a more nuanced meaning than the English space.

Cosgrove [45] emphasizes that cultural cartography as the geographic discipline has become more self-critical about its traditional claims to document at determined scales and with scientific objectivity patterns and processes on the earth's surface, especially for the social world, a significant opening towards the roles of creativity and imagination in making and communicating geographical knowledge has developed. At the same time a greatly expanded number of practicing

artists have moved away from the conventional confines of aesthetic production, visual media and gallery display to engage directly with the world, with the intention of researching, documenting and representing in challenging ways its environmental and social conditions. Advances in information technology that have democratized the gathering, storage, manipulation and display of spatially referenced data have afforded innovative opportunities for artists to fulfill these goals. The traditionally separate disciplinary projects of geography and art thus overlap and converge in exciting ways, and nowhere is this more directly expressed than in map work [45]. Late 20th century theoretical and historical critiques of cartography, and the continuing revolution in cartographic techniques and practices have provided the conceptual and technical foundations for these shared practical developments, so that, contrary to a sometimes expressed concern among geographers that the cultural turn might lead into an epistemological cul-de-sac, new concepts of cartography and new mapping practices are generating an active and intensely practical engagement with everyday cultural life [45]. Because of the changing technological aspects of visual culture as well as a scientific method – derived desire to create taxonomies or articulate what the "visual" is, many aspects of Visual Culture overlap with the study of geographical science, including hybrid electronic media, cognitive science, neurology, and image and brain theory. In an interview with the *Journal of Visual Culture*, academic Martin Jay explicates the rise of this tie between the visual and the technological: "Insofar as we live in a culture whose technological advances abet the production and dissemination of such images at a hitherto unimagined level, it is necessary to focus on how they work and what they do, rather than move past them too quickly to the ideas they represent or the reality they purport to depict. In so doing, we necessarily have to ask questions about ... technological mediations and extensions of visual experience" [see 46-48]. So, landscape does not mean the same as the word environment, it is the environment perceived, especially visually perceived. Unlike other aesthetic objects, such as buildings and paintings, landscape is not a discrete object. Landscape is more than physical features. It is the way a person interprets, interacts, and reacts to the natural and cultural elements of the environment [49].

At the end, as remarkably highlights Kerro et al [1] citing research Cosgrove [50] "landscape is a social and cultural product, a way of seeing projected onto the land and having its own techniques and compositional forms; a restrictive way of seeing that diminishes alternative modes of experiencing our relations with nature". Relph [51] "landscape is not merely an aesthetic background to life, rather it is a setting that both expresses and conditions cultural attitudes and activities, and significant modifications to landscapes are not possible without major changes in social attitudes". Fairclough [52] "environment changes into landscape in the eyes of the beholder who constructs landscape from the material environment".

References

1. Karro, K., Mägi, M., Palang, H. (***), *Studying Past Landscapes: Lived, Reconstructed and Animated (***)*. Retrieved from: <http://www.lrlr.landscapeonline.de> (12. 11 2017).
2. Widgren, M. Reading property in the landscape. *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*, 2006, 60 (1), 57-64.
3. Kalogjera, A. Landscape as an important physical and geographical element in spatial planning. *Geoadria*, 1996, 1 (1), 47-58.
4. Government of Montenegro – Ministry of Tourism and Sustainable Development, *Mapping and typology of Montenegrin regions* (2015). Retrieved from: <http://www.mrt.gov.me> (09.11 2017).
5. Marušič, J. Landscape typology as the basis for landscape protection and development. *Agriculturae conspectus scientificus*, 1999, 64 (4), 269-274.
6. Simon, H.A. *The Science of the Artificial*. Cambridge: MIT Press, 1991.
7. Badora, K. Spatial system of landscape protection in Poland. *Dissert. of Cult. Lands. Comm.*, 2014, 23, 73-88.
8. Kistowski, M. Bierna ochrona krajobrazu jako podstawa utrzymania korzystnych warunków życia człowieka. *Przegląd Przyrodniczy*, 2010, 21 (2), 29-41.
9. Raymond, C., Brown, G. A method for assessing protected area allocations using a typology of landscape values. *Journal of environmental planning and management*, 2006, 49 (6), 797-812.
10. Pagella, T.F., Sinclair, F.L. Development and use of a typology of mapping tools to assess their fitness for supporting management of ecosystem service provision. *Landscape ecology*, 2014, 29 (3), 383-399.

11. Antrop, M. Geography and landscape science. *Belgeo. Revue belge de géographie*, 2000, (1-2-3-4), 9-36.
12. Verhoeve, A., Vervloet, J. Verhoeve, A., Vervloet, J., The Transformation of the European Rural Landscape: Methodological issues and agrarian change 1770 – 1914'. *Tijdschrift van de Belg. Ver. voor Aardrijkskundige Studies*, 1992, LXI, 1.
13. Erikstad, L., Uttakleiv, L. A., Halvorsen, R. Characterization and mapping of landscape types, a case study from Norway, *Belgeo. Revue belge de géographie*, 2015, (3).
14. Rajović, G. Structure and trends of soil usage in Montenegro. *Natura Montenegrina*, 2010, 9 (2), 205-214.
15. Rajović, G., Bulatović, J. Natural and Social Conditions for Economic Development: Case Study Northeastern Montenegro. *Hyperion Economic Journal*, 2013, 1 (4), 28-42.
16. Bulatović, J., Rajović, G. Some aspects of rural tourism with emphasis on Serbia, 2nd International Scientific Conference. Dilemmas of scientific research in various fields of science: natural sciences, science and technology, economic and social sciences, humanistic sciences. 9th May, 2017. 29 Mickiewicz Street, 40 – 085 Katowice, Poland. In *World Scientific News*, 72, pp. 184-193.
17. Rajović, G., Bulatović, J. Natural Resources, Classification of Natural Potential, Sustainable Development. *World News of Natural Sciences*, 2017, 6, 20-35.
18. Malý, J. Landscape mapping – content and typization of landscape Maps. In: *Biotope mapping, Proceedings of the Seminar, Agricultural University, Brno*, 1994, pp. 57-59.
19. Lipský, Z., Kukla, P. Mapping and typology of unused lands in the territory of the town Kutná Hora (Czech Republic). *Auc Geographica*, 2012, 47 (1), 65-71.
20. Dudley, N. Why is Biodiversity Conservation Important in Protected Landscapes? In *The George Wright Forum*, Vol. 26, No. 2, pp. 31-38, 2009, George Wright Society.
21. Brånhult, A. Historical perspectives on landscape and contemporary planning challenges, SLU, Swedish University of Agricultural Sciences, Faculty of Landscape Planning, Horticulture and Agricultural Sciences, Department of Landscape, Architecture, 2013.
22. Wańkiewicz, W. Land Management of the Areas of High Landscape Values: An Economic Model. *Comparative Economic Research*, 2012, 15 (4), 281-292.
23. Vos, W., Meekes, H. Trends in European cultural landscape development: perspectives for a sustainable future. *Landscape and Urban Planning*, 1999, 46 (1-3), 3-14.
24. Sarlöv Herlin, I. *Landskap för mångbruk: Erfarenheter från England*. Stockholm: Formas, 2012.
25. Bulatović, J., Rajović, G. Some Aspects of the Sport Tourism with the Review of Montenegro: Overview. *Tourism Education Studies and Practice*, 2017, 4 (1), 18-28.
26. Rajović, G., Bulatović, J. Tourism rural development in the European context: Overview. *Scientific Electronic Archives*, 2017, 10 (1), 58-66.
27. Bulatović, J., Rajović, G. Some Aspects of Eco Tourism with View to Montenegro: Overview. *Journal of Advocacy, Research and Education*, 2017, 4(2), 96-111.
28. Water and Rivers Commission. *River and estuary landscape appreciation and protection*. Natural Heritage Trust, 2000.
29. Brown, J., Mitchell, B. The stewardship approach and its relevance for protected landscapes. In *The George Wright Forum*, Vol. 17, No. 1, pp. 70-79, 2000, George Wright Society.
30. Brown, J.L. Stewardship of Andean landscapes: A potential role for Category V protected areas, In *Proceedings of the International al Working Session on Stewardship of Protected Landscapes*. June 1999. N.p.: IUCN World Commission on Protected Areas, Conservation Study Institute, and QLF/Atlantic Center for the Environment.
31. Moore-Colyer, R., Scott, A. What kind of landscape do we want? Past, present and future perspectives. *Landscape Research*, 2005, 30 (4), 501-523.
32. Greeves, T., Taylor, R. *The Local Jigsaw: An Information pack on Village Appraisals and Parish Maps*. Cheltenham: Countryside Commission/Rural Development Commission, 1987.
33. Francis, D., Henderson, P. *Working with Rural Communities*, London: Macmillan, 1992.
34. Clifford, S. King, A., (Eds). *Local Distinctiveness: Place, Particularity and Identity*. London: Common Ground, 1993.
35. Edwards, W.J. Charting the discourse of community action: perspectives from practice in rural Wales. *Journal of Rural Studies*, 1998, 14 (1), 63-77.

36. Owen, S. From village design statements to parish maps: some pointers toward community decision making in the planning system. *Planning Practice and Research*, 2002, 17 (1), 81-89
37. Phillips, A. Landscape: a new area for international discourse, in: *The Cardiff European Landscape Conference 2003. Synopsis of Conference Proceedings*, pp. 12-14 (Bangor Countryside Council for Wales).
38. Rajović, G., Bulatović, J. Some aspects of agricultural and rural development in Montenegro: Overview. *World Scientific News*, 2017, 61 (2), 56-68.
39. Bulatović, J., Rajović, G. Rural areas of Montenegro in the context of the time: economics aspects. *Gaidarovskie chteniya "ustoichivyi ekonomicheskii rost: politicheskie i sotsial'nye predposylki"*, 11 – 12 maya 2017 goda, pp. 73–81, tom 1, Orel, 2017. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii Srednerusskii Institut Upravleniya – filial.
40. Frost, P., Campbell, B., Medina, G., Usongo, L. Landscape – scale approaches for integrated natural resource management in tropical forest landscapes. *Ecology and Society*, 2006, 11 (2).
41. Kurz, P., Ruland, G., Zech, S. Towards Governance or the Management of Cultural Landscapes. *European Spatial Research and Policy*, 2014, 21 (2), 67-82.
42. European Landscape Convention (ELC). Retrieved Available from: <http://www.coe.int> (10. 11 2017).
43. Lefebvre, H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.
44. Simonsen, D.G. Accelerating modernity: time – space compression in the wake of the aeroplane. *The Journal of Transport History*, 2005, 26 (2), 98-117.
45. Cosgrove, D. Cultural cartography: maps and mapping in cultural geography. In *Annales de géographie*, 2008, 2, 159-178.
46. Miklós, P. *Vizuális Kultúra: Elméleti és kritikai tanulmányok a képzőművészet köréből. Magvető, 1976.*
47. Mitchell, W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal Of Visual Culture*, 2002, 1 (2), 166.
48. Hentschel, K. *Visual Cultures in Science and Technology – A Comparative History*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
49. Appleton, J. *Landscape in the Arts and the Sciences*. University of Hull: Yorkshire, 1980.
50. Cosgrove, D. Prospect, perspective and the evolution of the landscape idea. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1985, 10 (1), 45-62.
51. Relph. *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976.
52. Fairclough, G. A new landscape for cultural heritage management: characterisation as a management tool. In *Landscapes under pressure*, 2008, Springer US, pp. 55-74.

УДК 33

Области гор и долин Северного региона Черногории: обзор с точки зрения картографии, типологии и защиты ландшафта

Джелисавка Булатович ^{a, *}, Горан Райович ^b

^a Колледж текстильного дизайна, технологии и управления, Белград, Сербия

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

Аннотация. В статье дается географическое представление районов гор и долин Северного региона Черногории с аспектом картографирования, типологии и охраны ландшафта. По данным Министерства туризма и устойчивого развития Правительства

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jelisavka.bulatovic@gmail.com (Д. Булатович),
dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Черногории (2015) в районах гор и долин Северного региона Черногории выделяется ландшафт регионального и местного уровней (рисунок 1). На рисунке 2 авторы выделяют следующие типы ландшафтов: долины и бассейны горных рек; ущелья и каньоны горных рек; равнины, поля, плато; городское поселение; накопление воды озера; низкогорный тип; тип горного ландшафта и ландшафт высокогорного типа. Терминология и методология, применяемые в исследованиях ландшафта Черногории в контексте его охраны, обсуждались в многочисленных публикациях. Наконец, в заключительных частях статьи, авторы указывают на некоторые аспекты культурной картографии и изучения ландшафтов в прошлом.

Ключевые слова: Северная Черногория, картография, типология, ландшафт, защита.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 15-22

www.vestnik.sutr.ru

UDC 352.07

Methodology for Determining the Generalized Indicator of the Quality of Professional Training for Rescuers of the Municipal Rescue Team

Yurii T. Chebakov ^{a,*}, Aleksandr Yu. Kormishov ^a

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

The resort and recreation complex of the South of Russia has now received a dynamic impulse of development, which has led to an increase in the safety requirements of local residents and vacationers, both in everyday activities and in emergency situations. However, now the level of professional training of rescuers of the municipal rescue groups established in areas often doesn't meet the requirements for a number of the reasons and the negative tendencies which developed in system of professional training of rescuers which are opened and reflected in this article.

The paper also presents the results of the study of the process of training rescuers in municipal rescue teams. The authors performed the selection of rational composition of indicators of the quality of professional training of rescuers, as well as defined the generalized indicator of quality of professional training of rescuers, which is essential for developing science-based methods for the assessment of the quality of vocational training of rescue units at the municipal level.

In conclusion, the authors stated that the obtained list of individual and private indicators of the quality of preparedness of rescuers can be used in the development of the qualification characteristics of such specialists. This list is the basis for assessing the preparedness of rescuers to solve problems for the purpose.

Keywords: lifeguard, methodology, assessment, qualimetry, vocational training, emergency.

1. Введение

В настоящее время в муниципальных образованиях помимо федеральных структур, подведомственных МЧС России, главы создают свои муниципальные отряды спасателей (далее МОС) в форме бюджетных казенных учреждений, унитарных предприятий и пр. Задачами этих структур являются обеспечение безопасности жителей при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций (ЧС), оказание им помощи в экстремальных условиях.

Поэтому от качества профессиональной подготовки спасателей порой зависит не только спокойствие, но и жизнь людей. Специфические особенности профессиональной деятельности спасателей (работа с применением изолирующей дыхательной аппаратуры; большая физическая нагрузка при высокой температуре окружающей среды; нервно-эмоциональное напряжение; профессиональная деятельность, сопряженная с риском для жизни и здоровья; огромная ответственность за жизнь других людей и т. д.) предъявляют высокие требования к уровню их профессиональной и физической готовности.

* Corresponding author

E-mail addresses: chebakovut@gmail.com (Y.T. Chebakov), kormishov95@gmail.com (A.Yu. Kormishov)

В связи с этим, особое место в повседневной деятельности муниципальных аварийно-спасательных отрядов должна занимать профессиональная подготовка спасателей.

2. Материалы и методы

Основными материалами для статьи послужили результаты исследований российских учёных по анализируемым вопросам. В работе применены научные методы анализа и синтеза, метод однокритериальной и векторной оптимизации, а также метод обобщенного критерия.

3. Обсуждение

В последние годы отдельные аспекты проблемы совершенствования профессиональной подготовки специалистов различных сфер деятельности исследовались в ряде работ [1-10]. Особенностью этих работ является то, что в каждой из них анализируется какой-то один элемент системы подготовки, на пример профессиональный отбор, содержательная часть учебной программы, контроль результатов обучения и т.д., и затем на этой основе разрабатываются рекомендации по совершенствованию системы в целом. В то же время, построение системы профессиональной подготовки по предметному принципу входит в противоречие со спецификой задач, решаемых МОС и не способствует повышению качества их выполнения.

Анализ существующего процесса профессиональной подготовки спасателей в муниципальных отрядах спасателей свидетельствует о недостаточной его эффективности. Основными причинами недостаточной эффективности данного процесса являются:

- отсутствие научно обоснованной модели процесса профессиональной подготовки спасателей, направленной не только на приобретение необходимых знаний, формирование профессиональных навыков и умений, но и на развитие профессиональных и личностных качеств, необходимых для ликвидации чрезвычайных ситуаций и спасения людей;
- отсутствие методики оценки качества профессиональной подготовки спасателей МОС и модели прогноза качества профессиональной подготовки.

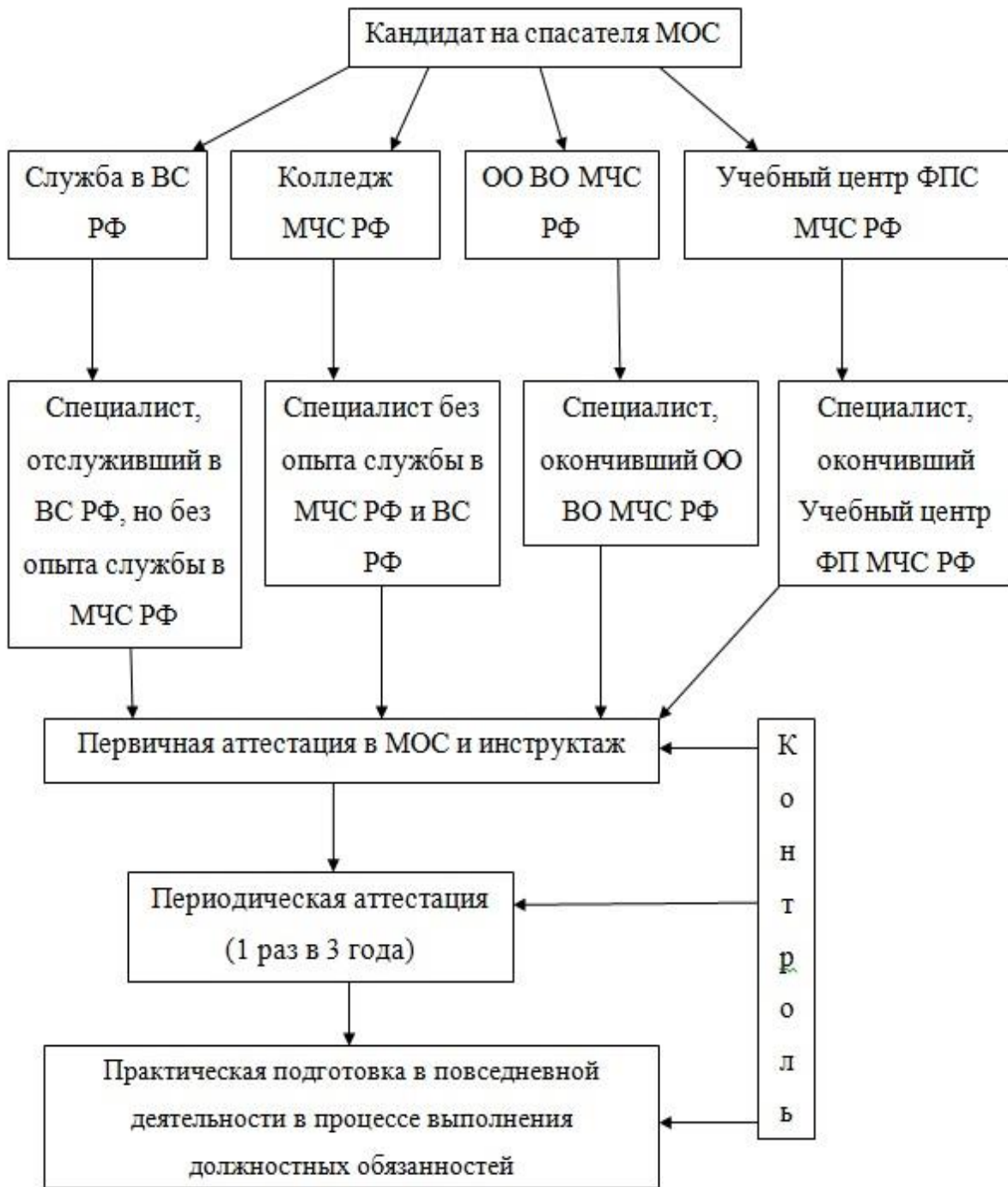
Общий вывод о результатах процесса подготовки специалистов спасателей муниципального отряда спасателей может быть сделан только при сравнении достигнутого результата после завершения данного процесса с требуемым или с наиболее оптимальным (предпочтительным). Для определения количественной и качественной оценки результатов профессиональной подготовки спасателей МОС нужна научно-обоснованная методика. При выборе конкретного метода формирования такой оценки необходимо руководствоваться общими требованиями, предъявляемыми к этому показателю, изложенными в [11; 12]:

- полнота оценки, то есть возможность учета всего набора показателей оценки (единичных и частных);
- точность, надежность и воспроизводимость результатов;
- достаточная и направленная чувствительность комплексной оценки к изменению значений единичных и частных показателей качества;
- простота, доступность, малая трудоемкость при определении количественного значения показателя;
- возможность широкого использования оценки качества МОС.

Показатель качества профессиональной подготовки спасателей МОС ($Y_{п\text{ сп}}$) является комплексным (обобщенным). Для его определения на первом этапе необходимо оценить уровень подготовленности каждого спасателя ($Y_{п\text{ сп}i}$), который, в свою очередь, так же является комплексным показателем.

В систему профессиональной подготовки спасателей МОС необходимо внедрять практику непрерывного поэтапного обучения специалистов. Поэтапное обучение спасателей МОС предполагает их подготовку к работе в МОС по схеме, представленной на [рис. 1](#).

Рис. 1. Система профессиональной подготовки спасателей МОС

Так как качество подготовки спасателей МОС к исполнению функциональных обязанностей представляет собой совокупность свойств, то задача выбора оптимальных элементов процесса профессиональной подготовки является многокритериальной. Такие задачи относятся к области теории принятия решения [13], в которой выделяют следующие методы:

- метод однокритериальной оптимизации, в котором один из показателей качества признается наиболее значимым и задача сводится к минимизации или максимизации на другие показатели качества;

- метод векторной оптимизации, при использовании которого из конечного множества векторных оценок качества выбирают "Парето-оптимизационные". Дальнейшее упорядочение векторных оценок, производится лицом, принимающим решение;

- метод обобщенного критерия, в котором все частные критерии качества нормируются и по определенным правилам заменяются обобщенным, учитывающим относительную важность частных критериев. После этого задача оптимизации решается относительно единственного критерия.

Детальный анализ данных методов позволил сделать вывод о том, что наиболее предпочтительным при выборе оптимальных решений по совершенствованию процесса профессиональной подготовки спасателей МОС является метод обобщенного критерия.

Применение данного метода подразумевает оценку качества подготовки спасателей к решению задач ликвидации ЧС одним числом (уровнем подготовленности). При этом, вид обобщенного критерия и порядок его получения соответствует интуитивному понятию качества профессиональной подготовки спасателей МОС.

Представление результатов подготовки спасателей МОС как качество подготовленности их к выполнению функциональных обязанностей и использование при этом метода обобщенного критерия качества, ставит задачу формализации понятия качества профессиональной подготовки спасателей МОС.

Задача формализации понятия качества принадлежит к области педагогической квалиметрии, науке о количественной оценке качества педагогических явлений и процессов.

Профессиональная подготовка личного состава МОС, как процесс обучения спасателей исполнению функциональных обязанностей, также подчиняется всем законам и принципам педагогики. Следовательно, методы квалиметрии применимы и в профессиональной подготовке спасателей (далее ППС) МОС [14].

Педагогическая квалиметрия использует следующие основные принципы общей квалиметрии [15]:

1. Качество рассматривается как некоторая иерархическая совокупность свойств, характеризующих личность специалиста. При этом, оно представляется в виде иерархического дерева свойств, где свойство i -го уровня определяется соответствующими свойствами $(i-1)$ -го уровня.

2. Отдельного свойства, составляющие иерархическую структуру качества, путем измерений или вычислений могут получать численные значения R_{ij} (j -число свойств, лежащих на i -ом уровне). Измерение отдельных свойств или самого качества в целом, в конечном счете, должно завершиться вычислением относительного показателя (оценки):

$$y_{ij} = f(R_{ij}; R_{ij}tr),$$

где: y_{ij} – относительный показатель профессиональной подготовки спасателей МОС;

R_{ij} – численное значение качества ППС;

$R_{ij}tr$ – численное значение требуемого качества ППС;

Обычно: $y_{ij} = f(R_{ij}; R_{ij}tr),$

где: y_{ij} – относительное измерение (оценка).

3. Оценка (относительный показатель, уровень) качества определяется с точки зрения не индивидуальной потребности какого-то человека, а с точки зрения общественной потребности, в роли которой обычно фигурирует средняя потребность большинства потребностей, то есть оперативная обстановка по ЧС города (населенного пункта).

4. Различные шкалы измерения абсолютных показателей качества R обязательно должны быть трансформированы (преобразованы) в одну общую шкалу.

5. Каждое свойство качества определяется двумя числовыми параметрами – относительным показателем (Y) и весомостью (M).

6. Сумма весомостей свойств одного уровня есть величина постоянная:

$$\sum_{j=1}^n M_{ij} = const, j = \overline{1, n}$$

7. Весомость и оценка свойств i -го уровня определяется требованиями со стороны связанного с ним свойства $(i-1)$ -го уровня.

Таким образом, применение указанных принципов квалиметрии дает возможность сформулировать единичные, частные и обобщенные показатели подготовленности спасателей МОС по его обобщенной концептуальной модели (рис. 2).

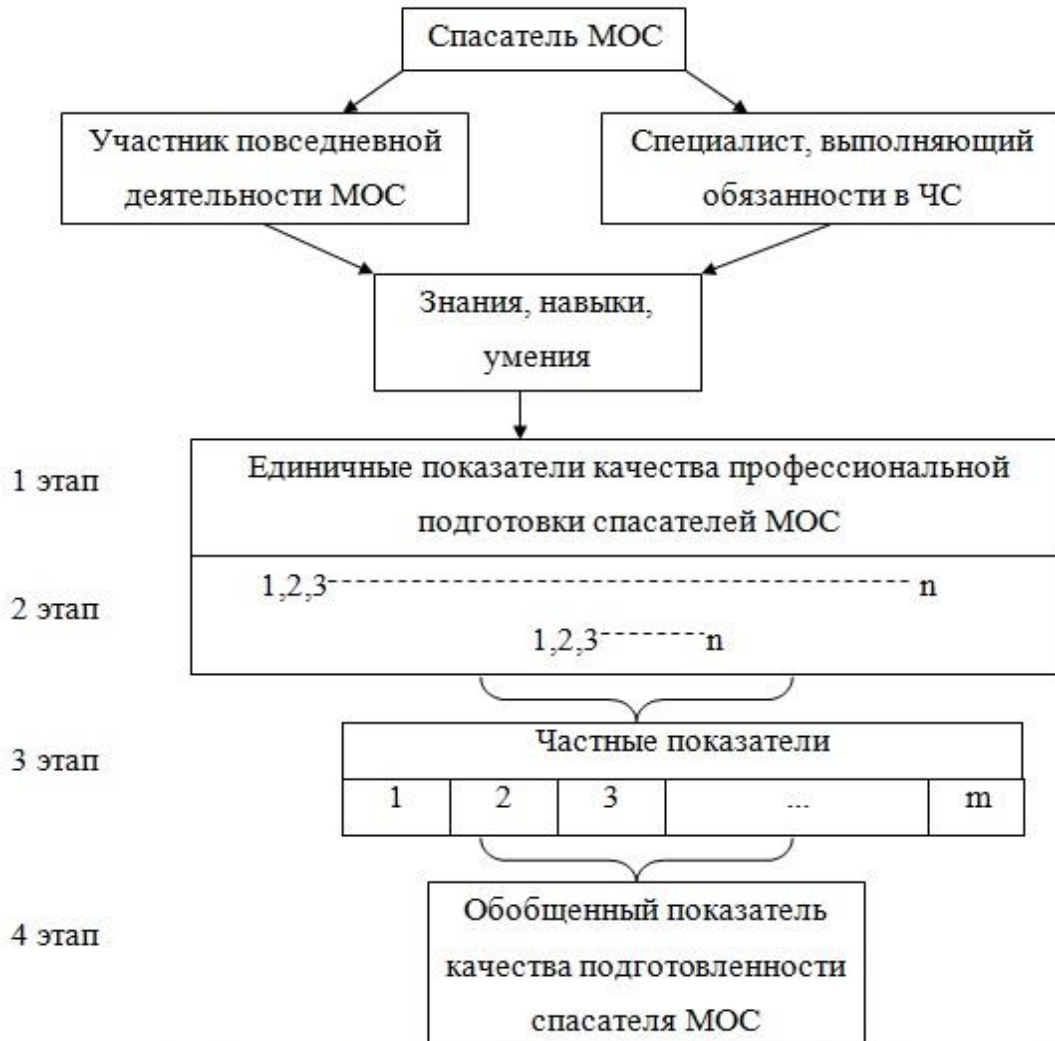

Рис.

Рис. 2. Процесс формирования обобщенного показателя качества подготовленности спасателя МОС

Поскольку обобщенный показатель ($Y_{псп}$) отражает свойства всех частных показателей, то при его определении используется среднеарифметический метод агрегирования. В качестве функциональной зависимости обобщенного показателя от частных выбиралась линейная зависимость. Следовательно, значения обобщенного показателя можно представить в виде:

$$L = Y_{псп} = \sum_{j=1}^m l_j * \alpha_j / 5,$$

где: L – значение обобщенного показателя подготовленности спасателя МОС;

m – количество частных показателей;

α_j – вес частного показателя в группе.

4. Выводы

Используя принципы педагогической квалиметрии, авторами обоснована система единичных показателей качества подготовленности спасателей МОС, соответствующая его концептуальной модели, требованиям руководящих документов, регламентирующих

профессиональную деятельность спасателей МОС. Кроме того, путем научно-обоснованного выбора способов агрегирования единичных и частных показателей определен вид обобщенного показателя качества подготовленности спасателя МОС – $Y_{п\text{сп}}$.

Полученный перечень единичных и частных показателей качества подготовленности спасателя МОС может быть использован при разработке квалификационных характеристик таких специалистов. Этот перечень является основой для оценки подготовленности спасателей МОС к решению задач по предназначению.

Таким образом, путем научно-обоснованного выбора способов агрегирования единичных и частных показателей определен вид обобщенного показателя качества профессиональной подготовки спасателей МОС ($Y_{п\text{сп}}$) в любой момент времени t . Полученный перечень показателей отвечает основным требованиям квалиметрии и может быть использован для оценки качества профессиональной подготовки любого аварийно-спасательного отряда.

Литература

1. Денисов А.А., Колесников Д.Н. Теория больших систем управления. Л.: Энергоиздат, 1982. 288 с.
2. Воробьев Э.А. Боевая подготовка – путь к профессионализму // Военный вестник. 1992. №4. С. 2-6.
3. Попов А.А. Стационарные узлы связи Вооруженных Сил СССР. СПб., ВАС, 1990. 163 с.
4. Сащенко Н.И. Боевое применение узлов связи. Курс лекций. Часть I. Л.: ВАС, 1983. 164 с.
5. Бусленко М.П. Моделирование сложных систем. М.: Наука, 1978. 400 с.
6. Кручинина Г.А., Поляков Е.А. Профессиональная подготовка специалистов пожарной безопасности средствами информационных и коммуникационных технологий в дополнительном профессиональном образовании. Монография. Нижний Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2010. 229 с.
7. Моха А.А. Модель процесса профессиональной подготовки горных спасателей в вузе с использованием средств физической культуры // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта №8 (66), 2010. с. 61-66.
8. Легошин М.Ю. и др. Практическое использование учебно-тренировочных комплексов для подготовки пожарных и спасателей // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65), Часть 4, С. 44-51.
9. Программа подготовки личного состава подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы. Утверждена заместителем Министра МЧС России генерал-лейтенантом внутренней службы О.В. Баженовым 18.11.2016 г. № 2-4-71-66-18, г. Москва.
10. Соколов Е.Е. Обоснование тестов и критериев профессионально-прикладной физической и психической подготовленности пожарных-газодымозащитников: монография. Е.Е. Соколов, М.Ю. Легошин, И.М. Чистяков, С.Н. Никишов. Иваново: ФГБОУ ВО Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2014. 107 с.
11. Михеев В.И. Моделирование и методы теории измерений в педагогике. М.: Высшая школа, 1987. 224 с.
12. Полонский В.М. Оценка качества научно-педагогических исследований. М.: Педагогика, 1987. 144 с.
13. Попов А.А. Основы общей теории систем. Часть I. СПб., ВАС, 1992. 248 с.
14. Соболев Г.М. Выбор рационального состава показателей качества боевой подготовки стационарных узлов связи. / В сб. тез. докладов и сообщений Юбилейной НПК ВАС. СПб.: 1994. 121 с.
15. Щербаков Н.В. Совершенствование организации и методики контроля качества подготовки выпускников ВМУЗ по результатам их служебной деятельности на флоте. Отчет по НИР. Часть II. Л.: ВВМУ им. Фрунзе, 1991. 120 с.

References

1. Denisov A.A., Kolesnikov D.N. Teoriya bol'shikh sistem upravleniya. L.: Energoizdat, 1982. 288 s.

2. Vorob'ev E.A. Boevaya podgotovka – put' k professionalizmu. V zhurn.: Voennyi vestnik №4, 1992. pp. 2-6.
3. Popov A.A. Statsionarnye uzly svyazi Vooruzhennykh Sil SSSR. SPb, VAS, 1990. 163 s.
4. Sashchenko N.I. Boevoe primeneniye uzlov svyazi. Kurs lektsii. Chast' I. L.: VAS, 1983. 164 s.
5. Buslenko M.P. Modelirovaniye slozhnykh sistem. M.: Nauka, 1978. 400 p.
6. Kruchinina G.A., Polyakov E.A. Professional'naya podgotovka spetsialistov pozharnoi bezopasnosti sredstvami informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii. Monografiya. Nizhnii Novgorod: Izd-vo VGIPU, 2010. 229 p.
7. Mokha A.A. Model' protsessa professional'noi podgotovki gornyykh spasatelei v vuze s ispol'zovaniem sredstv fizicheskoi kul'tury. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2010. №8 (66). pp. 61-66.
8. Legoshin M.Yu. i dr. Prakticheskoye ispol'zovaniye uchebno-trenirovochnyykh kompleksov dlya podgotovki pozharnyykh i spasatelei. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2017. № 11 (65), Chast' 4, pp. 44-51.
9. Programma podgotovki lichnogo sostava podrazdelenii federal'noi protivopozharnoi sluzhby Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby. Utverzhdena zamestitelem Ministra MChS Rossii general-leitenantom vnutrennei sluzhby O.V. Bazhenovym 18.11.2016 g. № 2-4-71-66-18, g. Moskva.
10. Sokolov E.E. Obosnovaniye testov i kriteriev professional'no-prikladnoi fizicheskoi i psikhicheskoi podgotovlennosti pozharnyykh-gazodymozashchitnikov: monografiya. E.E. Sokolov, M.Yu. Legoshin, I.M. Chistyakov, S.N. Nikishov. Ivanovo: FGBOU VO Ivanovskaya pozharno-spasatel'naya akademiya GPS MChS Rossii, 2014. 107 p.
11. Mikheev V.I. Modelirovaniye i metody teorii izmerenii v pedagogike. M.: Vysshaya shkola, 1987. 224 p.
12. Polonskii V.M. Otsenka kachestva nauchno-pedagogicheskikh issledovaniy. M.: Pedagogika, 1987. 144 p.
13. Popov A.A. Osnovy obshchei teorii sistem. Chast' I. SPb, VAS, 1992. 248 p.
14. Sobol' G.M. Vybor ratsional'nogo sostava pokazatelei kachestva boevoi podgotovki statsionarnyykh uzlov svyazi. V sb. tez. dokladov i soobshchenii Yubileinoi NPK VAS. SPb.: 1994. 121 p.
15. Shcherbakov N.V. Sovershenstvovaniye organizatsii i metodiki kontrolya kachestva podgotovki vypusknikov VMUZ po rezul'tatam ikh sluzhebnoi deyatel'nosti na flote. Otchet po NIR. Chast' II. L.: VVMU im. Frunze, 1991. 120 p.

УДК 352.07

Методика определения обобщенного показателя качества профессиональной подготовки спасателей муниципального отряда спасателей

Юрий Терентьевич Чебаков ^{a, *}, Александр Юрьевич Кормишов ^a

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Курортно-рекреационный комплекс Юга России в настоящее время получил динамичный импульс развития, что привело к повышению требований безопасности местных жителей и отдыхающих, как в повседневной деятельности, так и в чрезвычайных ситуациях. Однако, в настоящее время уровень профессиональной подготовки спасателей муниципальных аварийно-спасательных отрядов, создаваемых в территориях, зачастую не отвечает предъявляемым требованиям по целому ряду причин и негативных тенденций, сложившихся в системе профессиональной подготовки спасателей, которые вскрыты и отражены в данной статье.

В работе также представлены результаты проведенного исследования процесса профессиональной подготовки спасателей в муниципальных аварийно-спасательных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chebakovut@gmail.com (Ю.Т. Чебаков),
kormishov95@gmail.com (А.Ю. Кормишов)

отрядах. Авторами произведен выбор рационального состава показателей качества профессиональной подготовки спасателей, а также определен вид обобщенного показателя качества профессиональной подготовки спасателей, что необходимо для разработки научно-обоснованной методики оценки качества системы профессиональной подготовки аварийно-спасательных отрядов муниципального уровня.

В заключении авторы отмечают, что полученный перечень единичных и частных показателей качества подготовленности спасателей может быть использован при разработке квалификационных характеристик таких специалистов. Этот перечень является основой для оценки подготовленности спасателей к решению задач по предназначению.

Ключевые слова: спасатель, методика, оценка, квалиметрия, профессиональная подготовка, чрезвычайная ситуация.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 23-28

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.482.2

On Feasibility of Establishing Self-Regulating Organizations of the Resort and Tourist Businesses on the Regional Level

Boris A. Ermakov ^{a, *}

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

This article assesses the feasibility of establishing self-regulating organizations (SRO) of the resort and tourist businesses on the regional level based on analyzing norms and regulations on SROs in the Russian Federation. It is recognized that self-regulation provides for the most favorable conditions for achieving strategic goals of the recreation and tourism business development in the region and resolving of specific tasks at minimum costs. In addition, development of the modern recreation and tourist business management at the regional level as a set of rational combination of the management system methods and links in relationship with other management systems in time and space, would be difficult without introducing the self-regulation mechanisms. More details on aspects characterizing the SROs' activities in the recreation and tourism business could be provided within the framework of individual studies carried out with regard to the specific features of any given tourist regions.

Keywords: self-regulation, resort and tourist businesses, SRO, regional level.

1. Введение

Федеральным законом от 1 декабря 2007 года N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» установлены требования об обязательном членстве хозяйствующих субъектов в саморегулируемых организациях (СРО) для 10 видов предпринимательской и профессиональной деятельности. В их числе: деятельность арбитражных управляющих; аудиторская деятельность; кредитная кооперация; оценочная деятельность; деятельность союзов сельскохозяйственных кооперативов; инженерные изыскания; архитектурно-строительное проектирование; строительство и реконструкция; деятельность в области энергетического обследования; теплоснабжение [1]. Рекреация и туризм к числу сфер предпринимательской деятельности с обязательным членством хозяйствующих субъектов в СРО в силу закона не отнесена. Однако в современных условиях решение многочисленных проблем в сфере рекреации и туризма не возможно без саморегулирования. Примером эффективной работы СРО в сфере туризма является Российский Союз Туриндустрии (РСТ).¹ Пока РСТ является единственным примером деятельности СРО в сфере туризма. Вместе с тем, по мнению Ростуризма в ближайшее время возникнет необходимость в создании новых

* Corresponding author

E-mail addresses: borisermakovsochi@gmail.com (B.A. Ermakov)

¹ РСТ – крупнейшее профессиональное объединение предприятий туристической отрасли России, в состав которого входит более 1000 организаций турбизнеса, а также транспортные, страховые, консалтинговые компании, учебные заведения, специализированные СМИ, региональные ассоциации и органы управления туризмом. Задача объединения – создание в РФ цивилизованного туристического рынка и содействие развитию отечественной туриндустрии на федеральном и региональном уровнях [9].

СРО, в частности объединений турфирм, которые будут иметь собственные компенсационные фонды, что позволит избежать ситуаций, когда турист находится за границей, а у туристической компании нет средств на оплату всех необходимых услуг по его возвращению из-за рубежа. Помимо выездного туризма, использование СРО может оказаться весьма полезным и в сфере внутреннего туризма, особенно на региональном уровне. СРО можно делегировать часть полномочий по контролю и надзору за деятельностью предприятий туристической индустрии, перераспределению ответственности за действия предприятий туристического бизнеса между государством и самими участниками рынка, что особенно важно в условиях ограниченных административных и бюджетных возможностей органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Материалы и методы

На основе изучения нормативных документов регламентирующих деятельность СРО в РФ, контент-анализа источников по проблеме и использования методологии функционального бенчмаркинга² была оценена целесообразность создания саморегулируемых организаций предприятий рекреационно-туристской сферы на региональном уровне. Методология функционального бенчмаркинга состояла из следующих этапов: выбор определенного направления деятельности и параметров сравнения анализируемых функций, сбор необходимой информации об аналогичных функциях, анализ полученной информации, разработка проекта вносимых изменений в данное направление деятельности, теоретическое обоснование предлагаемых новаций и оценка качества изменения исследуемых функций.

3. Обсуждение

Саморегулирование — это легитимное регулирование рынков и сфер деятельности экономических агентов с четко регламентированным участием государства, осуществляемое в форме самостоятельной и инициативной деятельности, содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за их соблюдением [4].

Основным смыслом введения саморегулирования, по мнению ведущих экспертов, является распределение функций контроля и надзора за деятельностью субъектов в определенной профессиональной сфере и ответственности за их действия между государством и самими участниками рынка, что минимизирует участие государства в профессиональной деятельности субъектов, при сохранении ответственности перед потребителями [3; 5; 8].

В России порядок образования и деятельности саморегулируемых организаций (СРО), их основные цели и задачи, регламентируется Законом от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» с дополнениями и изменениями. СРО признаётся некоммерческой организацией, созданная в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2; 5].

Ключевая идея саморегулирования — переложить контрольные и надзорные функции за деятельностью субъектов в определённой сфере предпринимательской деятельности с государства на самих участников рынка. При этом с государства снимаются явно избыточные функции и, как следствие, снижаются бюджетные расходы, а фокус собственно государственного надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов смещается в сторону надзора за результатом их деятельности» [6; 11].

Основными функциями СРО в рекреационно-туристской сфере, по нашему мнению, являются:

- повышение качества предоставляемых потребителю туристских услуг любого ассортимента, вида и направленности;
- предоставление гарантии каждому туристу или иному заказчику, заключившему договор о реализации туристских услуг и туристского продукта с установлением финансовой

² – функциональный бенчмаркинг — это сравнение параметров работы отдельных функций (например, операций, процессов, приемов работ и т.п.) производителя (продавца) с аналогичными параметрами наиболее успешных предприятий (продавцов), работающих в похожих условиях [10].

гражданской ответственности перед потребителем за не предоставление или некачественное предоставление туристских услуг;

- предупреждение причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) вследствие не предоставления или некачественного предоставления услуг;

- выплаты денежных средств, причитающихся туристу или иному заказчику, необходимых для компенсации расходов, понесенных в связи с непредвиденной эвакуацией с места временного пребывания.

В контексте изложенного, представляется, что СРО предприятий рекреационно-туристской сферы могла бы взяться за проработку нескольких важных проблем. Прежде всего таких как:

- создание регионального реестра предприятий турбизнеса с указанием их координат и реквизитов (наименование предприятия, адрес, телефон, факс, e-mail, сайт, ФИО директора и др.), чтобы туристское сообщество знало круг легального туристского рынка.

- разработка стандартов и правил турагентской и туроператорской деятельности по направлениям работы в рамках российского и регионального законодательства;

- создание механизмов контроля за соблюдением требований отраслевых стандартов и правил (например, стандарты требований к оценке кадров при аттестации и правила проведения самой профессиональной аттестации);

- формирование механизма ответственности предприятий туристской индустрии перед потребителями туристского продукта путем использования организационных, юридических и финансовых инструментов.

В качестве примера одного из возможных направлений действия СРО предприятий рекреационно-туристской сферы можно привести создание механизма работы с кадрами. Как известно проблема качества кадров является одной из значимых в туристской индустрии. Она может решаться через объективную оценку кадров сферы туризма путем их аттестации. Очень важно, чтобы проводимая аттестация расценивалась не как карающее мероприятие, а как инструмент выявления потенциала работника, чтобы после оценки работника его можно было бы направить на соответствующий уровень повышения квалификации или профессиональную переподготовку. СРО в рамках соответствующих Федеральных законов и региональных нормативных актов может разработать стройную систему оценки кадров туристской индустрии, как для туроператоров и турагентств, так и для других участников рынка с последующим направлением аттестованных работников, если это необходимо, в систему повышения квалификации или переподготовки кадров. Программы повышения квалификации или переподготовки кадров могут быть реализованы самой СРО в сотрудничестве с профильными образовательными организациями. Предложенный подход к оценке кадров через аттестацию дает возможность повышать кадровый потенциал предприятий туристской индустрии и соответственно улучшать качество регионального туристского продукта.

Рассматривая вопросы создания СРО предприятий рекреационно-туристской сферы необходимо сформулировать основные требования, предъявляемые к такой организации. К их числу мы относим:

- объединение в составе СРО в качестве ее членов не менее 50 коммерческих организаций, соответствующих установленным Федеральным законом от 1 декабря 2007 года N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» требованиям к членству в такой организации;

- наличие утвержденных правил осуществления туристской деятельности и внешнего контроля качества работы членов СРО, а также принятого кодекса профессиональной этики предприятий и организаций, предоставляющих туристские (отдельные или комплексные) услуги.

- обеспечение СРО дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями туристских услуг и иными лицами посредством формирования компенсационного фонда (компенсационных фондов).

Участие в СРО должно стать непременным условием легитимной туристской деятельности. Любые виды услуг (туроператорские, турагентские в рамках туристского продукта, комплексные и отдельные не образующие туристский продукт) должны

осуществляться только индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами, получившими свидетельства о допуске к таким видам работ, выданные СРО.

4. Заключение

Таким образом, современная организация управления эффективным развитием рекреационно-туристского комплекса на региональном уровне, как совокупности рационального сочетания методов и звеньев управленческой системы в ее взаимосвязи с другими управляющими системами во времени и в пространстве, без внедрения механизмов саморегулирования будет затруднена. Саморегулирование обеспечивает создание наиболее благоприятных условий для достижения стратегических целей развития рекреационно-туристской сферы региона и решения конкретных задач при минимальных затратах производственных ресурсов. Благодаря созданию СРО предприятий рекреационно-туристской сферы на региональном уровне станет возможным достижение прорыва на следующих направлениях:

1. Разработка нормативной базы по стандартизации регионального санаторно-курортного и туристского продуктов;

2. Участие в формировании востребованных модульных и сетевых образовательных программ предназначенных для обучения специалистов разных уровней подготовки, возраста, направленности и образовательных потребностей, а также проведение внешней экспертизы образовательных программ со стороны ключевых стейкхолдеров.³

3. Диверсификация портфеля образовательных программ подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров под требования конкретных работодателей с учетом основных приоритетов развития региональной сферы рекреации и туризма.

4. Разработка и реализация оптимальных механизмов формирования новой культуры разработки, продвижения и потребления туристских продуктов включая:

- формирование основ туристской культуры и обеспечение актуальной информацией потребителей туристских продуктов и предприятий туристского бизнеса через консалтинговые услуги;

- создание общедоступных и регулярно обновляемых баз данных по проблемам развития новых направлений рекреационно-туристской деятельности;

- разработку комплексных турпродуктов сориентированных на разные виды туризма и сегменты потребителей (возраст, социальное положение и пр.), а также технологии их продвижения на внутреннем и международном туристских рынках.

5. Создание системы управления туристскими рисками и механизмов компенсации ущерба туристам путем создания фонда самострахования и организации предоставления медицинских и других сервисных услуг через учреждение ассистантской компании располагающей круглосуточным колл-центром.

С учетом изложенного, полагаем, что создание СРО предприятий рекреационно-туристской сферы на региональном уровне представляется целесообразным. Более детальная проработка аспектов характеризующих деятельность СРО в рекреационно-туристской сфере возможна в рамках отдельных исследований, проводимых с учетом специфики тех или иных туристских регионов.

Литература

1. Федеральный закон "О саморегулируемых организациях" от 01.12.2007 N 315-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/

2. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105879/>

3. Басова А.В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 15 с.

³ – стейкхóлдер (англ. stakeholder), заинтересованная сторона, причастная сторона — физическое лицо или организация, имеющая права, долю, требования или интересы относительно системы или её свойств, удовлетворяющих их потребностям и ожиданиям.

4. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: Проспект, 2008. 432 с.
5. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ "О саморегулируемых организациях" (постатейный) [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс".
6. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2142—2150.
7. Семилютин Н.Г. Регулирование, дерегулирование, саморегулирование и вопросы статуса СРО // Материалы VI Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 26 октября 2011 г.) "Законность в экономической сфере как не обходимый фактор благоприятного инвестиционного климата". М.: Юриспруденция, 2012. С. 166-167.
8. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация: монография. Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Норма: Инфра-М, 2015. 256 с.
9. Российский союз туриндустрии, официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rostourunion.ru/>
10. Бенчмаркинг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/marketing/benchmarking.html>
11. Для чего нужно саморегулирование [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vstuplenievstro.ru/legislation/federalniy_zakon_315_fz

References

1. Federal'nyi zakon "O samoreguliruemykh organizatsiyakh" ot 01.12.2007 N 315-FZ [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/
2. Federal'nyi zakon "O nekommercheskikh organizatsiyakh" ot 12.01.1996 N 7-FZ [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/10105879/>
3. Basova A.V. Samoreguliruyemye organizatsii kak sub"ekty predprinimatel'skogo prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 15 p.
4. Belykh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii: Monografiya. M.: Prospekt, 2008. 432 p.
5. Borisov A.N. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 1 dekabrya 2007 g. N 315-FZ "O samoreguliruemykh organizatsiyakh" (postateinyi) [Elektronnyi resurs]. SPS "Konsul'tantPlyus".
6. Ershova I.V. Samoregulirovanie predprinimatel'skoi i professional'noi deyatel'nosti: voprosy teorii i zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2014. № 10. pp. 2142—2150.
7. Semilyutina N.G. Regulirovanie, deregulirovanie, samoregulirovanie i voprosy statusa SRO. Materialy VI Ezhegodnykh nauchnykh chtenii pamyati professora S.N. Bratusya (Moskva, 26 oktyabrya 2011 g.) "Zakonnost' v ekonomicheskoi sfere kak ne obkhodimy faktor blagopriyatnogo investitsionnogo klimata". M.: Yurisprudentsiya, 2012. pp. 166-167.
8. Samoregulirovanie predprinimatel'skoi i professional'noi deyatel'nosti: edinstvo i differentsiatsiya: monografiya. Jtv. red. I.V. Ershova. M.: Norma: Infra-M, 2015. 256 p.
9. Rossiiskii soyuz turindustrii, ofitsial'nyi sait [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rostourunion.ru/>
10. Benchmarking [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.grandars.ru/student/marketing/benchmarking.html>
11. Dlya chego nuzhno samoregulirovanie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://vstuplenievstro.ru/legislation/federalniy_zakon_315_fz

УДК 338.482.2

О целесообразности создания саморегулируемых организаций предприятий рекреационно-туристской сферы на региональном уровне

Борис Анатольевич Ермаков ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе анализа нормативных документов регламентирующих деятельность саморегулируемых организаций (СРО) в РФ и функционального бенчмаркинга оценена целесообразность создания СРО предприятий рекреационно-туристской сферы на региональном уровне. Признано, что саморегулирование обеспечивает создание наиболее благоприятных условий для достижения стратегических целей развития рекреационно-туристской сферы региона и решения конкретных задач при минимальных затратах производственных ресурсов. Кроме того, современная организация управления эффективным развитием рекреационно-туристской сферы на региональном уровне, как совокупности рационального сочетания методов и звеньев управленческой системы в ее взаимосвязи с другими управляющими системами во времени и в пространстве, без внедрения механизмов саморегулирования будет затруднена. Более детальная проработка аспектов характеризующих деятельность СРО в рекреационно-туристской сфере возможна в рамках отдельных исследований, проводимых с учетом специфики тех или иных туристских регионов.

Ключевые слова: саморегулирование, предприятия рекреационно-туристской сферы, СРО, региональный уровень.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: borisermakovsochi@gmail.com (Б.А. Ермаков)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 29-37

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338; 348; 631

Trends and Prospects of Hotel Industry Development in Russia

Tat'yana E. Gvarliani ^{a, *}

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of development of the Russian hotel industry. Data of statistics of inbound tourism are considered, problems and prospects of global steady growth of the considered sphere of economy, factors of influence of the modern historical period are characterized. The significant impact of wet economic and geopolitical trends in the formation of tourist flows, sanctions. The Russian hotel market has significant prospects for development due to the attractiveness of the country in terms of various types of tourism.

The analysis of statistics, formal-logical method, dialectical method of cognition of socio-economic processes were used as the main methods of research in the article.

Trends and prospects of industry development are considered on the example of Krasnodar, Perm Krai, the Republic of Crimea. Each of the considered subjects of the Russian Federation has features related to the natural, climatic and infrastructural potential, the level of socio-economic development. The most powerful positions belong to the Krasnodar region due to the positioning of the region as a business, cultural, sports, tourist center. The Perm region has a high potential, but the climate influences the dynamics of solvent demand in favor of more favorable territories. The Republic of Crimea has advantages in terms of geography, as does the Krasnodar territory, but the region is experiencing difficulties in connection with the integration processes of entering the economic system of the country, which inevitably affects the hotel industry.

The results of the study are identified trends and problems of the hotel industry in the regions of Russia, proposed measures to improve the efficiency of core enterprises.

Keywords: hotel industry, tourism, brand, marketing strategy, hospitality, hotel chain.

1. Введение

Согласно сведениям Всемирной организации по туризму, прогнозируется ежегодное развитие гостиничной индустрии в мире на 4 %. Россия в этом многочисленном ряду смотрится еще более привлекательно с точки зрения инвестиций, в том числе из-за избыточности предложения на рынке туристических услуг. В данной статье мы рассмотрим характерные черты и перспективы развития гостиничного бизнеса в России на примере Краснодарского, Пермского края и республики Крым. В настоящий период гостиничная индустрия в России развивается достаточно динамично. Такая ситуация сложилась в силу определенных макроэкономических и геополитических факторов, роста благосостояния граждан. Напряженная политическая ситуация, связанная с отстаиванием национальных интересов России, привела к существенному изменению направлений туристских потоков. Активное развитие регионов связано с новыми видами туризма, совершенствованием

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani)

инфраструктуры, усилением маркетинговой политики, ввод в эксплуатацию известных отечественных и зарубежных гостиничных брендов.

2. Материалы и методы

Российский рынок гостиничного бизнеса обладает большим потенциалом, является привлекательным для международных гостиничных сетей. В ходе данного экономического исследования широко использовались методы анализа и синтеза, что позволило оценить процессы в целом и более детально. Важная часть исследования носит эмпирический характер, поэтому результаты исследования нацелены на результативность и практическую значимость. Благодаря наблюдению и сбору фактической информации можно определить, что в 2016 году Россию посетили на 11,2 % иностранных туристов больше, чем годом ранее. По данным Пограничной службы ФСБ России, на которые она ссылается, это 3,3 млн. человек. Больше всего туристов прибыли из Китая (890 тыс.), Германии (389,2 тыс.), США (178 тыс.), Израиля (149 тыс.) и Южной Кореи (143,7 тыс.). При этом наибольший рост турпотока был зафиксирован из Ирана, на 75 % больше, чем в 2015 году, Индии (+36,7 %), Швейцарии и Бельгии (+26,3 % и +26,5 %) [8].

Выросли не только развивающиеся рынки Юго-Восточной Азии, но и практически вся Европа «Въездная статистика-2016 однозначно позитивнее 2015 года: тогда падение турпотоков показали девяти стран из первых 25, сейчас с минусом — одна Бразилия. В объемах турфирм преобладает групповой поток, на индивидуальных туристов приходится не более 5-10 % [1; 4; 15].

Судя по ранним бронированиям, в 2018 году иностранные туристы намерены пропустить июнь, когда в России будет проходить Кубок конфедераций, и сосредоточиться на июле-августе. В Санкт-Петербурге остается все меньше свободных мест, некоторые компании ожидают по нему роста турпотока до 60 %. Ранее в РСТ сообщали, что в 2016 году количество поездок россиян за границу упало на 18,5 %, в сравнении с 2015 годом [2; 6]. До этого Росстат отмечал уменьшение числа зарубежных поездок жителей России в 2016 году на 7,9 %. По оценкам статистического ведомства, больше остальных сократился поток туристов в Турцию и Египет [10].

Число турпоездок по России растёт на протяжении последних 3 лет: в 2014 году выросло на 30 %, в 2015 году – на 18 %, в 2016 году – на 15 %. Однако, рост внутреннего туризма не бесконечен и имеет объективные пределы. В этой связи задачей национального значения является привлечение туристов из-за рубежа.

3. Обсуждение и проблемы

Развитие въездного туризма является одним из перспективных путей решения поставленной Президентом России Владимиром Путиным задачи по увеличению доли сырьевого экспорта в общем объёме экспорта страны.

По данным Ассоциации туроператоров России в 2016г. спрос на отдых в России вырос примерно на 30 %, а рост числа туристов внутри страны по данным главы Ростуризма О.Сафонова составил 40 %. В связи с увеличившимся спросом на внутренний отдых и туризм начали расти цены – стоимость отдыха возросла в среднем на 15 % [10]. Эта тенденция по прогнозам экспертов сохранится и в 2018 г.

В связи с изменением курса валюты и девальвацией рубля появился шоппинг-туризм, преимущественно из азиатских стран, в первую очередь из Китая, туристы из которого стали в 2016г. лидерами по количеству въездов [10].

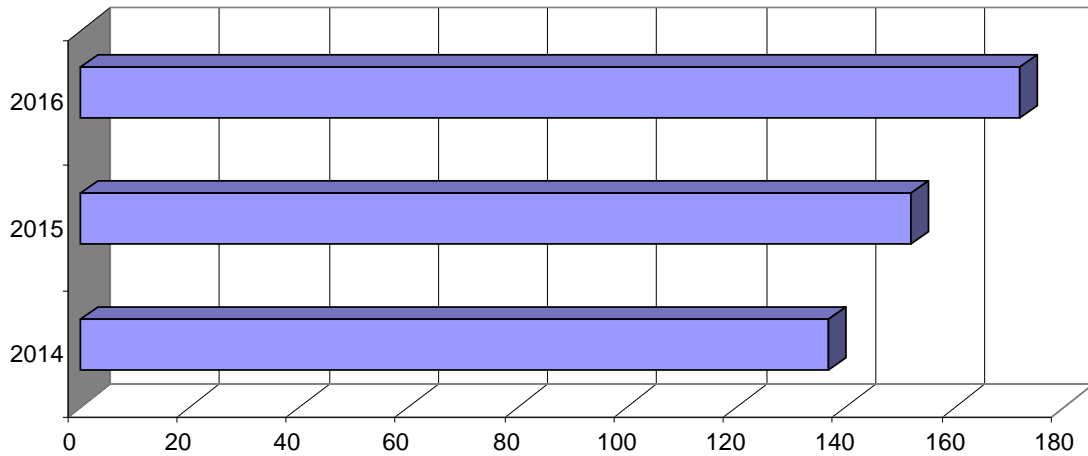
Спрос из Европы и Штатов уменьшился и отчасти заменился азиатским спросом. Важную роль играет девальвация рубля, которая привела к тому, что для индивидуальных клиентов из Европы, так же как из Азии, стало намного дешевле приезжать российские гостиницы. Появилось очень много туров на праздники, которыми пользуются гости довольно высокого достатка, живущие в дорогих люксовых гостиницах – это один сегмент.

Въездной поток из азиатских стран не компенсировал поток, который мы потеряли из Европы, однако этот спрос постоянно растет и требует очень большого внимания [11].

По данным ежегодного исследования рынка гостиниц России, проводимого компанией ЕУ, на октябрь 2015 года в России насчитывалось 152 гостиницы под управлением международных гостиничных операторов с общим номерным фондом 34 466 номеров. По итогам 2016 года в России 172 гостиницы, которые работают под международным управлением.

Более половины существующего номерного фонда приходится на гостиницы Москвы и Санкт-Петербурга (54 %), за ними следует Сочи (12 %), гостиницы Московской области (6 %), Екатеринбурга (3 %) и других городов [3; 7; 9].

Количество гостиниц представлено на [рисунке 1](#).

Рис. 1. Количество гостиниц России, работающих под международным брендом, ед. [12]

Можно видеть, что темпы прироста составили 16 % и 8 % за 2015 и 2016 года соответственно, что свидетельствует о замедлении активности международных гостиничных сетей в России.

На протяжении десятилетий одним из особо важных и приоритетных направлений в экономическом развитии Краснодарского края был и остается туристско-рекреационный комплекс. Являясь одним из направлений, составляющих основу экономического потенциала Краснодарского края, туризм довольно активно развивается на побережьях Чёрного и Азовского морей, а также в горных и степных районах края. В 2015 г. курорты края посетили более 14 миллионов туристов из России, число прибытий иностранных граждан составило около 1 млн. Поток туристов ежегодно увеличивается.

Туристско-рекреационный комплекс Краснодарского края нуждается в комплексном развитии гостиничной индустрии. Современная гостиничная индустрия Краснодарского края – это развивающаяся отрасль, представленная сложным комплексом финансово-хозяйственных отношений между хозяйствующими субъектами различного направления, а также вид экономической деятельности, включающей предоставление гостиничных услуг и организацию за оплату краткосрочного проживания в коллективных и индивидуальных средствах размещения.

4. Результаты

Деятельность гостиничной индустрии была рассмотрена на основе отдельных показателей деятельности коллективных средств размещения. При анализе статистических показателей за период с 2009 г. по 2016 г. в Краснодарском крае количество гостиниц уменьшилось в 1,5 раза. Именно на долю Краснодарского края приходится около 15 % от общероссийского объема платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения. Причем еще в 2009 г. этот показатель измерялся миллионами рублей, в 2016 г. – счет шел на миллиарды. Количество ночевок и численность размещенных в коллективных средствах размещения также за исследуемый период выросло.

За пятилетний период (с 2011 по 2016 гг.) количество мест в коллективных средствах размещения в Краснодарском крае увеличилось и составило 82 % от показателя по ЮФО.

Таблица 1. Отдельные показатели деятельности коллективных средств размещения в 2016 году

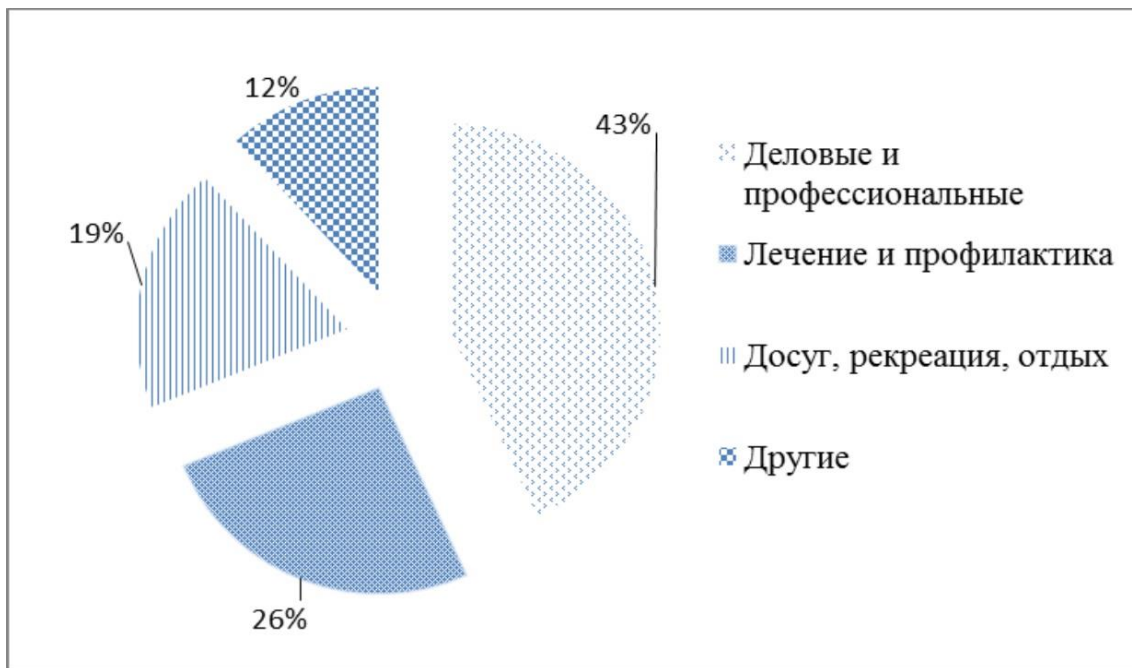
Субъект РФ	Число гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	Число ночевков в гостиницах и аналогичных средствах размещения, тыс. ед.	Численность размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд. руб.
Российская Федерация	9316	73492,1	41065,1	141
Южный федеральный округ	1603	9742,5	4633,5	24,4
Краснодарский край	1025	7128,9	3072,9	20,6

Всего в 2016 г. в коллективных средствах размещения Краснодарского края было размещено 3649 тыс. граждан РФ (по сравнению с 2013 г. численность выросла на 1185,8 тыс. чел.). Очевидно, как и в случае с числом мест в коллективных средствах размещения, увеличение произошло за счет проведения Олимпийских игр. Количество размещенных в коллективных средствах размещения иностранных граждан также возросло и в 2016 г. составило 288,6 тыс. чел. против 77,3 тыс. чел. в 2015 г. Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения увеличился. В ЮФО на долю Краснодарского края в 2016 г. приходилось 88,5 % объема платных услуг. Объем инвестиций в основной капитал, направленных на развитие коллективных средств размещения, в 2015 г. в ЮФО составил 70,9 % инвестиций от общей суммы для РФ (из них 70,6 % – инвестиции в Краснодарский край). Краснодарский край считается лидером по сертификации и классификации гостиниц и других средств размещения среди субъектов РФ: в крае расположено 60 % всех классифицированных средств размещения России.

В 2016 г. около 5,6 миллиона туристов прибыли в край самостоятельно и останавливались в индивидуальных средствах размещения. Самая большая их группа приходится на г. Сочи (41 %), г. Анапа (17 %) и по 12 % – на г. Геленджик и Туапсинский район. Ежегодно увеличивается число однодневных посетителей. В 2015 г. их количество приблизилось к 3 миллионам.

Охарактеризуем развитие гостиничной индустрии Пермского края. Исследование влияния гостиничной индустрии на разные стороны жизни общества проводится на региональном уровне. Пермский край причисляется к индустриальным субъектам в Российской Федерации, что накладывает отпечаток на процветание, организацию и масштабы гостиничного бизнеса. Взаимосвязь этого бизнеса с туризмом не получила в крае устойчивой зависимости.

Рис. 2. Приоритетные виды туризма для Пермского края, 2016 г.

Пермский край обладает мощным туристским потенциалом, но деловые поездки – один из самых важных мотивов посещения Пермского края, 43,2 % прибывающих в край туристов, посещающих его с деловыми целями (рис. 1). Полюсами притяжения бизнес-туристов являются крупные промышленные центры края: Пермь, Березники, Соликамск, Чайковский. У многих предприятий и организаций Пермского края налажены устойчивые контакты с партнерами из других регионов России и стран мира. Город Пермь имеет шесть городов-побратимов и городов партнеров в разных странах мира, осуществляя регулярные обмены делегациями.

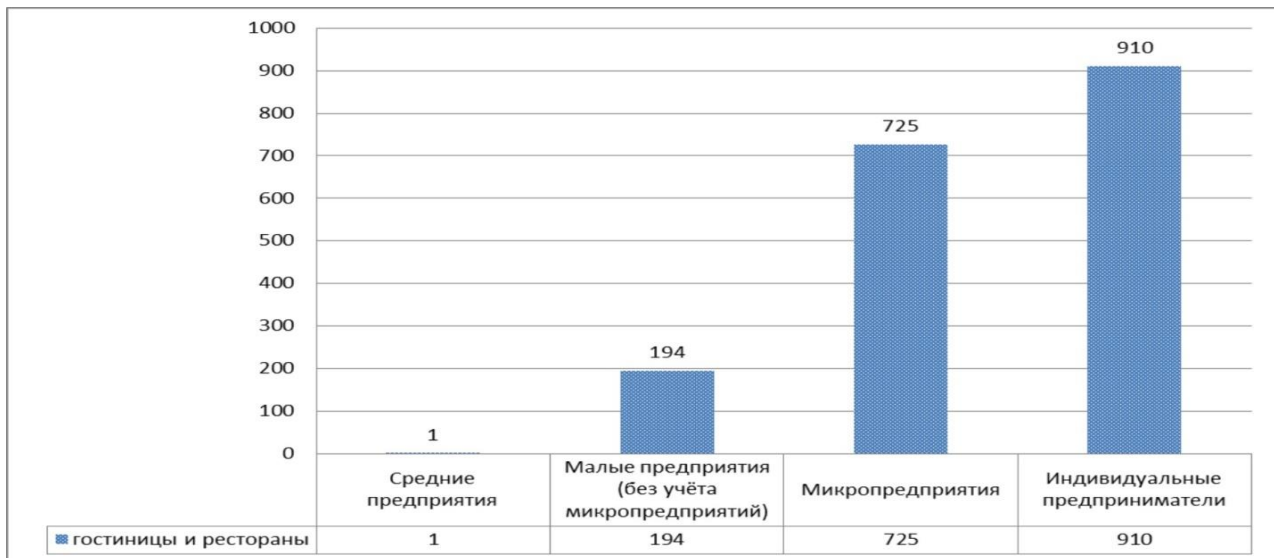
Гостиничный рынок в России растет высокими темпами. Об этом свидетельствует ежегодное увеличение количества новых гостиниц в среднем на 10-15 %, доходов гостиничного бизнеса в среднем на 25 % в год, а также положительная динамика основных показателей деятельности гостиничных организаций, о чем говорят данные государственной статистики [8; 12].

Таблица 2. Ключевые показатели развития туризма и гостиничного бизнеса в России, 2012-2016 гг.

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	Темп роста, %	Прирост, абс.
Выезд иностранных граждан в Россию, млн. поездок	23,7	27,2	28,5	29,8	31,5	132,9	7,8
Численность обслуженных в средствах размещения, млн. чел.	31,5	33	35	37,5	40	37,5	40
Количество гостиниц, тыс.ед.	6,8	7,5	8,3	9,2	10,2	9,2	10,2
Число ночевков в гостиницах, млн. ед.	64,5	97,2	107,9	119,6	131,8	119,6	131,8
Объем платных услуг гостиниц и иных средств размещения, млрд. руб.	107,5	130,1	157,5	190,5	224,8	190,5	224,8
Экспорт туристских услуг, млрд. руб.	796,3	913	1029	1146	1262	1146	1262

Инвестиции в основной капитал в сферу туризма, млрд.руб.	983,3	1257	1531	1805	2278	1805	2278
--	-------	------	------	------	------	------	------

Деловая активность в Пермском крае находится на относительно низком уровне, согласно статистике только в Перми на 1000 жителей приходится 75 зарегистрированных средних и малых предприятий, включая «неопределенные», в целом по краю 48. В 2016 г. только 2 % предпринимателей занимались гостиничным и ресторанным бизнесом, при этом из 910 предприятий, только одно относилось к средним преобладали микропредприятия, удельный вес которых составил 79,67 % (рис. 3).

Рис. 3. Количество организаций – юридических лиц (гостиницы и рестораны), зарегистрированных на территории Пермского края, 2016 год, ед.

Конкуренцию субъектам России составит Республика Крым, которая представлена большим количеством гостиниц и средств размещения. Необходимо отметить имеющиеся особенности гостиничного комплекса республики, которые связаны с нестабильностью туристского потока, морально устаревшей организационно-технической базой, низким уровнем сервиса.

Привлекательным фактором являются цены, которые находятся на более низком уровне, чем во многих регионах РФ, что в условиях курортного сезона способствует притоку сегмента потребителей с доходами ниже среднего. Анализ причин недостаточной заполняемости гостиничного фонда связан с природно-климатическими условиями, схожими с Краснодарским краем, однако сложившийся за последние десятилетия разрыв в социально-экономическом уровне территорий нуждается в системном преодолении. Общая ситуация усугубляется санкциями, которые затрудняют приход на полуостров известных мировых гостиничных брендов, а также крупных российских компаний с финансово-инвестиционными возможностями.

5. Заключение

Гостиничная индустрия России является динамично развивающимся сектором экономики, прогнозируется дальнейший устойчивый рост, поскольку существует ряд условий, влияющих на привлекательность со стороны зарубежного и отечественного туристского потока: повышение качества услуг, доходность, формирование новых видов туризма, ориентация на потребителя.

Если сравнивать три субъекта, можно увидеть абсолютно разные задачи, стоящие перед гостиничным сектором. Самое благополучное положение у Краснодарского края, который является экономически и финансово устойчивым, успешно позиционируется в качестве делового, культурного и спортивного международного курортного региона. Пермский край не ассоциируется у россиян с курортно-рекреационными услугами,

достаточно суровый климат также влияет на предпочтения потребителей в пользу зарубежных курортов, либо Крыма и Краснодарского края.

Необходим системный комплекс мер, направленный на грамотное позиционирование регионов с точки зрения привлекательности для потребителей гостиничных услуг, разработка адекватной ценовой политики, направленной на свой рыночный сегмент, приведение в соответствие цены и качества услуг, повышение эффективности управления.

Качество менеджмента гостиничных предприятий должно постоянно повышаться, ориентируясь на мировые стандарты, тенденции в отрасли, прогрессивные научные технологии, которые можно адаптировать в субъектах РФ.

Литература

1. Анопченко Т.Ю., Муравьева Н.Н. Анализ взаимодействия туристического и гостиничного бизнеса // Terra Economicus. 2012. Том 10. № 1. Часть 2. С. 62-64.
2. Воронцова М.Г., Быстров С.А. Гостиничный бизнес: теория и практика; М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2014. 168 с., с. 7.
3. Доброжанская Е.Б. Управление инновационной деятельностью в сфере гостеприимства: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Место защиты: С.-Петербург. акад. упр. и экономики]. Санкт-Петербург, 2011. 25 с., с. 9.
4. Закарян О.В., Галимова А.Ш. Место индустрии гостеприимства в структуре туризма // Инновационная наука в современном мире, Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, 2016. С. 110-113, с. 112.
5. Рудая Е.В.. Механизм повышения эффективности управления предприятиями гостиничной индустрии: автореферат дис. ... кандидата экономических наук 08.00.05. Балтийская академия туризма и предпринимательства. Санкт-Петербург, 2008. 25 с., с. 11.
6. Рыженкова В.С. Методические подходы к организации стратегического управления туристическим предприятием: автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 : М., 2005 28 с. РГБ ОД, 61:05-8/4435, с. 6.
7. Скобкин С.С. Экономическая стратегия развития индустрии гостеприимства в Российской Федерации: методология и практика: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05. Место защиты: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова. Москва, 2013. 52 с., с. 11.
8. Официальный сайт kommersant.ru. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3261971> (дата обращения: 20.05.2017)
9. Официальный сайт hotelier.pro. Режим доступа: [http// hotelier.pro /tourizm/item/1842-rosstat/1842-rosstat](http://hotelier.pro/tourizm/item/1842-rosstat/1842-rosstat) (дата обращения: 21.05.2017)
10. Официальный сайт Федерального агентства по туризму. Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/news/13024/> (дата обращения: 18.05.2017)
11. Алексей Коробкин. ИИГ: Итоги года и новые проекты. Мобильный тренд, прямые бронирования и лояльные гости. Франшиза или прямое управление. 27.02.17.
12. Гостиницы под управлением международных операторов в России – 2016. Режим доступа: <http://ru.investinrussia.com/data/files/EY-international-hotel-brands-review-2016-rus.pdf> (дата обращения 20.05.2017)
13. Официальный сайт hotelier.pro. Режим доступа: [http://hotelier.pro/management /item/2441-ey/2441-ey](http://hotelier.pro/management/item/2441-ey/2441-ey) (дата обращения: 21.05.2017)
14. Официальный сайт Управления статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b04_42/IssWWW.exe/Stg/do10/i010440r.htm (дата обращения: 18.05.2017)
15. Desai, M.A., C.F. Foley and K.J. Forbes, 2013. Financial Constraints and Growth: Multinational and Local Firm Responses to Currency crises. NBER Working Paper No.w10545 Issued in June 2014 NBER. Program(s)//<http://papers.nber.org/papers/W10545>.

References

1. Anopchenko T.Yu., Murav'eva N.N. Analiz vzaimodeistviya turisticheskogo i gostinichnogo biznesa // Terra Economicus. Tom 10. № 1. Chast' 2, 2012. pp. 62-64, p. 62.
2. Vorontsova M. G., Bystrov S.A. Gostinichnyi biznes: teoriya i praktika; M-vo kul'tury RF, S.-Peterb. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Sankt-Peterburg: SPbGUKI, 2014. 168 p., p. 7.

3. Dobrozhanskaya E.B. Upravlenie innovatsionnoi deyatelnosti v sfere gostepriimstva: avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.05. Mesto zashchity: S.-Peterb. akad. upr. i ekonomiki]. Sankt-Peterburg, 2011. 25 p., p. 9.
4. Zakaryan O.V., Galimova A.Sh. Mesto industrii gostepriimstva v strukture turizma // Innovatsionnaya nauka v sovremennom mire, Materialy Mezhdunarodnoi (zaochnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2016. pp. 110-113, p. 112.
5. Rudaya E.V. Mekhanizm povysheniya effektivnosti upravleniya predpriyatiyami gostinichnoi industrii: avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk 08.00.05. Baltiiskaya akademiya turizma i predprinimatel'stva. Sankt-Peterburg, 2008. 25 p., p.11
6. Ryzhenkova V.S. Metodicheskie podkhody k organizatsii strategicheskogo upravleniya turisticheskimi predpriyatiyami: avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskikh nauk : 08.00.05 : M., 2005. 28 p. RGB OD, 61:05-8/4435, p. 6.
7. Skobkin S.S.. Ekonomicheskaya strategiya razvitiya industrii gostepriimstva v Rossiiskoi Federatsii: metodologiya i praktika: avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk: 08.00.05. Mesto zashchity: Ros. ekonom. un-t im. G.V. Plekhanova. Moskva, 2013. 52 p., p. 11.
8. Ofitsial'nyi sait kommersant.ru. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3261971> (data obrashcheniya: 20.05.2017)
9. Ofitsial'nyi sait hotelier.pro. Rezhim dostupa: <http://hotelier.pro/tourizm/item/1842-rosstat/1842-rosstat> (data obrashcheniya: 21.05.2017)
10. Ofitsial'nyi sait Federal'nogo agentstva po turizmu. Rezhim dostupa: <http://www.russiatourism.ru/news/13024/> (data obrashcheniya: 18.05.2017)
11. Aleksei Korobkin. IHG: Itogi goda i novye proekty. Mobil'nyi trend, pryamye bronirovaniya i loyal'nye gosti. Franchiza ili pryamoe upravlenie. 27.02.17.
12. Gostinitsy pod upravleniem mezhdunarodnykh operatorov v Rossii – 2016. Rezhim dostupa: <http://ru.investinrussia.com/data/files/EY-international-hotel-brands-review-2016-rus.pdf> (data obrashcheniya 20.05.2017)
13. Ofitsial'nyi sait hotelier.pro. Rezhim dostupa: <http://hotelier.pro/management/item/2441-ey/2441-ey> (data obrashcheniya: 21.05.2017)
14. Ofitsial'nyi sait Upravleniya statistiki. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b04_42/IssWWW.exe/Stg/do10/io1044or.htm (data obrashcheniya: 18.05.2017)
15. Desai, M.A., C.F. Foley and K.J. Forbes, 2013. Financial Constraints and Growth: Multinational and Local Firm Responses to Currency crises. NBER Working Paper No.w10545 Issued in June 2014 NBER. Program(s)//<http://papers.nber.org/papers/W10545>.

УДК 338; 348; 631

Тенденции и перспективы развития гостиничной индустрии в России

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития гостиничной индустрии России. Рассмотрены данные статистики въездного туризма, охарактеризованы проблемы и перспективы глобального устойчивого роста рассматриваемой сферы экономики, факторы влияния современного исторического периода. Отмечено значительное влияние макроэкономических и геополитических тенденций формирования туристских потоков, санкций. Российский гостиничный рынок имеет значительные перспективы развития в силу привлекательности страны с точки зрения различных видов туризма.

В качестве основных методов исследования в статье применялись анализ статистики, формально-логический метод, диалектический метод познания социально-экономических процессов.

Тенденции и перспективы развития индустрии рассмотрены на примере Краснодарского, Пермского краев, Республики Крым. Каждый из рассматриваемых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани)

субъектов РФ обладает особенностями, связанными с природно-климатическим и инфраструктурным потенциалом, уровнем социально-экономического развития. Наиболее сильные позиции принадлежат Краснодарскому краю в силу позиционирования региона как делового, культурного, спортивного, туристского центра. Пермский край обладает высоким потенциалом, но климат оказывает влияние на динамику платежеспособного спроса в пользу более благоприятных территорий. Республика Крым по географическому положению имеет преимущества, как и Краснодарский край, однако регион испытывает сложности в связи с интеграционными процессами вхождения в экономическую систему страны, что неизбежно влияет на гостиничную индустрию.

Результатами исследования являются выявленные тенденции и проблемы развития гостиничной индустрии в субъектах России, предложены мероприятия по повышению эффективности деятельности профильных предприятий.

Ключевые слова: гостиничная индустрия, туризм, бренд, маркетинговая политика, гостиничный бизнес, гостиничные сети.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 38-45

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.1

The Basics of the Essence and Economic Evaluation of Commercial Real Estate

Valentina A. Krakhina ^{a, *}, Yulya S. Valueva ^a

^a Donbass national academy of civil engineering and architecture, Donetsk People's Republic

Abstract

The article deals with the theoretical issues of the essence of the valuation of commercial real estate, examines the opinions of various scientists on this concept, it is clarified that the assessment is based on the valuation of the property of the enterprise. In view of the identification of the terms "valuation of real estate" and "examination of real estate", the types of economic examination are considered, a comparative characteristic of the indicated concepts is carried out, their main characteristics are given. It is clarified that the examination is conducted with a view to resolving civil disputes and conducting litigation. The concept of expertise is broader than the evaluation of real estate, as it includes, in addition to determining the value of the object, the definition of violations and changes in the financial and economic mechanism of management. The expediency of applying the term "economic valuation of real estate" is substantiated. The objects relating to commercial real estate are defined, its types are considered, the participants in the assessment are identified, and the cases in which the objects are assessed are identified. Based on the study of the literature, conclusions are drawn that the objectivity and effectiveness of the valuation of real estate objects is enhanced if the motives of the parties concerned are taken into account; to improve the management of commercial real estate, it is necessary to take into account factors affecting the value of commercial real estate.

Keywords: economic evaluation, commercial real estate, real estate expertise, financial and credit expertise, evaluation participants, enterprise value.

1. Введение

Оценка недвижимости выступает главным инструментом управления капиталом, поскольку дает представление о сильных и слабых сторонах объекта оценки, эффективности его функционирования, текущих, прошлых и будущих затратах и доходах, перспективах развития. Результаты экспертизы недвижимости служат основой для принятия эффективных управленческих решений относительно объекта оценки. В мировой практике направление оценки недвижимости развивается достаточно давно, имеет множество теорий и методов. В отечественном пространстве это относительно новая наука, которая требует адаптации мирового опыта, разработки собственных подходов к экспертизе. Поэтому вопросы оценки стоимости имущества заслуживают внимания ученых и требуют разработки.

Значительный вклад в развитие науки оценки и управления недвижимостью сделали отечественные и зарубежные ученые А.Н. Асаул, В.В. Иванов, Е.В. Кудрявцева, А.В. Марченко, М.К. Старовойтов и другие. Необходимость тщательного изучения, апробации и

* Corresponding author

E-mail addresses: helen2235@mail.ru (V.A. Krakhina)

корректировки существующих методов оценки недвижимости определяют актуальность темы исследования.

Целью работы является определение сущности, способов, случаев проведения оценки коммерческой недвижимости.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной работы послужили результаты исследований теоретико-прикладного характера отечественных и зарубежных ученых. Используются общенаучные приемы исследования, анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания, сравнения.

3. Обсуждение

Для анализа результатов использования объектов коммерческой недвижимости важное значение имеет оценка. Она проводится по различным параметрам, но наиболее важный из них – денежное определение стоимости имущества, что является главной целью собственника. Целью оценки имущества является определение стоимости объектов недвижимости с учетом назначения объекта и целей оценки.

Под оценкой стоимости имущества понимают определение (прогнозирование) стоимости имущества, на определенную дату относительно поставленной цели и по процедуре, установленной нормативно-правовыми актами по оценке имущества. Оценка стоимости учитывает потенциальный и реальный доход, который приносит объект в определенный момент времени в условиях конкретного рынка [1].

В соответствии с трудами С. Конторович оценка бизнеса предполагает оценку собственного капитала предприятия и основывается на таких понятиях как равновесная рыночная стоимость, балансовая стоимость, экономическая стоимость, стоимость работающего предприятия, стоимость имени фирмы, страховая стоимость, инвестиционная стоимость, ликвидационная стоимость, текущая стоимость, стоимость замещения, залоговая стоимость. Следует подчеркнуть, что в работе выделена зависимость вида стоимости от целей оценки, что является необходимым с практической точки зрения. При оценке бизнеса предлагается использовать такие виды стоимости: обоснованная рыночная стоимость, обоснованная стоимость, инвестиционная стоимость, внутренняя фундаментальная стоимость, стоимость действующего предприятия, ликвидационная стоимость, балансовая стоимость и восстановительная (или текущая) стоимость предприятия [2].

По мнению автора [3] оценка – это систематизированный сбор и анализ экспертами данных, необходимых для определения стоимости различных видов собственности (бизнеса) и оценки его на основе действующего законодательства и стандартов.

Также оценка бизнеса – рассматривается как определение стоимости компании как имущественного комплекса. Проводится оценка эффективности работы компании, ее прошлые, настоящие и будущие доходы, перспективы развития бизнеса и конкурентная среда на данном рынке, а затем проводится сравнение оцениваемой компании с предприятиями-аналогами. В результате такой комплексной оценки определяется реальная стоимость бизнеса и его способность приносить прибыль. При проведении оценочной экспертизы определяется стоимость всех активов компании: недвижимого имущества; машин и оборудования; складских запасов; финансовых вложений; нематериальных активов.

В работе А.Н. Асаула подчеркивается, что для определения стоимости недвижимости важным является проведение финансового анализа, заключающегося в расчете показателей ликвидности, финансовой устойчивости, прибыльности, оборачиваемости активов и рентабельности. Такой подход достаточно схож с процедурой и задачами «экспертизы недвижимости». Поэтому целесообразным представляется изучение данной экономической категории.

В некоторых трудах понятие «оценка недвижимости» сопоставляется с понятием «экономическая экспертиза недвижимости». Отмечается, что «экономическая экспертиза нацелена на изучение хозяйственной деятельности в сфере сервейинга, специфики и механизма функционирования рынка недвижимости, а также взаимоотношений участников рынка с целью повышения эффективности данной хозяйственной деятельности». К главной задаче экономической экспертизы недвижимости относят определение стоимостного эквивалента объекта недвижимости и анализ факторов, влияющих на стоимость [4].

В данном подходе выделяются такие задачи экономической экспертизы как оценка эффективности инвестиций; бюджетирование проекта и операционной деятельности собственника недвижимости; бизнес-планирование; оценка недвижимости (в т.ч. для целей девелопмента); разработка концепции будущего объекта; оценка стоимости недвижимости (с использованием затратного, сравнительного и доходного подходов); привлечение финансирования.

По мнению С.В. Гриненко экономическая экспертиза заключается в определении стоимости недвижимости в соответствии с поставленной целью, процедурой оценки и требованиями этики оценщика [5].

Следует отметить, что в экономической литературе понятие «экономическая экспертиза» довольно часто используется в рамках проведения судебной и внесудебной экспертизы. При этом оценка рассматривается как процесс определения стоимости имущества. А экспертиза как процесс исследования объекта с целью определить некоторые его свойства (экспертная оценка недвижимости). Ключевым здесь является не стоимость, а свойства, т.е. экспертиза, дает ответы на более широкий круг вопросов. С целью определения экономической чистоты предприятий и для установления фактов злоупотреблений в налоговой, кредитной или иной сфере, относящейся к финансовой деятельности используют экономическую экспертизу [6]. Виды экономической экспертизы представлены в таблице 1.

Приведенная в табл. 1 информация показывает, что термин «экономическая экспертиза недвижимости» дает ответы на более широкий ряд вопросов по сравнению с «оценкой недвижимости». Разделение на виды: финансово-экономическую, финансово-кредитную и бухгалтерскую дает возможность провести детальный финансовый контроль в зависимости от сферы деятельности предприятия – налоговой, кредитной или финансовой.

Таблица 1. Виды и характеристики экономической экспертизы

Вид экспертизы	Предмет	Цель	Результат
1	2	3	4
Финансово-экономическая	<ol style="list-style-type: none"> 1. Решение вопросов «упущенной выгоды». 2. Определение суммы убытков от несвоевременной поставки или недопоставки продукции. 3. Выявление других финансовых последствий, вызванных нарушением договорных обязательств. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение финансового состояния предприятия. 2. Определение степени ликвидности организации. 3. Определение кредитоспособности организации. 4. Определение платежеспособности организации. 5. Анализ результатов хозяйственной деятельности организации, ее финансовых достижений. 6. Определение уставной доли учредителей. 7. Анализ доходов и учредителей. 8. Установление факта неправомерного присвоения доходов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Позволяет определить признаки преднамеренного банкротства. 2. Позволяет выявить признаки и способы искажения результатов хозяйствования, уровня платежеспособности, кредитоспособности, финансовой устойчивости.
Финансово-кредитная (налоговая)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установление обоснованности расчетов и перечислений в бюджет. 2. Проверка целевого расходования и использования денежных средств и кредитов. 3. Соблюдение условий кредитования, обоснованности применений санкций в отношении организаций. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Получение оценки планируемых или уже свершенных хозяйственных операций, заключенных сделок. 2. Предотвращение ошибок в налоговой сфере: порядке начислений и сроков выплат, порядке составления налоговой декларации и т. п. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Позволяет оптимизировать хозяйственные расходы. 2. Позволяет на законной основе уменьшить общий объем налоговых выплат, вернуть переплаченные средства. 3. Позволяет проверить компетентность и добросовестность сотрудников.
Бухгалтерская	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изучение явлений: которые связаны с хозяйственной деятельностью; нашли отражение в бухгалтерском учете, пределы которых определяются вопросами, поставленными следователем (судом). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установление степени грамотности оформления бухгалтерских операций и документов. 2. Установление фактов нарушений, недостач или излишек. 3. Определение лиц, ответственных за нарушения. 4. Определение уровня материального ущерба организации от нарушений. 5. Установление причин возникновения открывшихся нарушений. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Позволяет установить и оценить признаки искажений экономической информации, определить и измерить возникшие экономические явления, выявить степень их влияния на финансовые результаты субъекта хозяйствования.

С целью устранения противоречий в трактовании и использовании понятий «оценка» и «экспертиза» недвижимости, обоснованного их использования для обозначения экономических процессов проведем их сопоставительную характеристику – [таблица 2](#).

Таблица 2. Сравнительная характеристика понятий «оценка» и «экспертиза» недвижимости

Сравнительный признак	Оценка недвижимости	Экспертиза недвижимости
1	2	3
Предмет оценки	Стоимость предприятия	Изменения и их причины
Исполнитель	Оценщик или организация оценщиков. Не являются государственными.	Сотрудник экспертного учреждения, имеющий специальную подготовку и включенный в реестр экспертов. Государственные служащие
Результат	Отчет об оценке	Экспертное заключение
Основания проведения оценки	Закон «Об оценке имущества»	Закон «О судебной экспертизе»
Кто регулирует деятельность оценщиков/экспертов	Фонд государственного имущества	Министерство юстиции

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что понятия «оценка недвижимости» и «экономическая экспертиза недвижимости» взаимодополняемы для целей определения стоимости и привлекательности объекта недвижимости. Однако экономическая экспертиза выступает более широким понятием, и дает представление о стоимости объекта, положительных и отрицательных тенденциях его функционирования. Однако понятие экспертиза недвижимости может быть применено в случае разрешения гражданских споров, проведения судебных разбирательств. Поэтому с целью повышения эффективности управления объектами коммерческой недвижимости представляется целесообразным применение термина «экономическая оценка недвижимости».

4. Результаты

Основываясь на вышеприведенной информации, можно утверждать, что экономическая оценка коммерческой недвижимости является профессиональным видом оценочной деятельности, которая состоит в организационном, методическом и практическом обеспечении процесса оценки имущества, рассмотрении и подготовке выводов о стоимости объекта оценки, положительных или отрицательных тенденциях его функционирования. Применение такого подхода дает возможность своевременно выявить негативные изменения в финансово-экономической деятельности, отклонения в достижении запланированных целей, определить их причины и, следовательно, выработать действенные мероприятия по улучшению имиджа и состояния предприятия.

В трудах А.Н. Асаула коммерческая недвижимость разделяется на две категории: приносящая доход и создающая условия для его извлечения. К первой, относят – здания и сооружения (офисы, рестораны, магазины, развлекательные комплексы, гостиницы, гаражи для аренды,). Ко второй, отнесены – склады и логистические терминалы, объекты промышленного назначения, индустриальные парки [7]. Выделение объекта оценки необъемлемый этап ее проведения, поскольку специфика назначения и функционирования определяют процедуру проведения оценки, заинтересованных сторон, дальнейшее использование полученных результатов.

При определении стоимости коммерческой недвижимости важным является изучение мотивов заинтересованных сторон, что даст возможность повысить результативность проведения мероприятий. С этой точки зрения ценным являются труды Л.А. Богинской, Л.В. Лютовой, К.О. Литвиненко [8, 9, 10]. К участникам экономической оценки относят: субъектов оценочной деятельности – профессиональных оценщиков, органы государственной власти и местного самоуправления; заказчиков – государство, инвесторы, страховщики, граждане.

К стандартным случаям проведения оценки коммерческой недвижимости относят:

- продажа предприятия (бизнеса) либо части его имущества;
- осуществление инвестиционного проекта развития предприятия (бизнеса), когда для его обоснования необходимо знать исходную стоимость предприятия;
- реорганизация (слияние, разделение, поглощение и т.п.) и ликвидация предприятия, проводимые как по решению его собственников, так и по решению арбитражного суда при банкротстве предприятия;
- купля-продажа акций предприятия на рынке ценных бумаг;
- купля-продажа доли (вклада) в уставном капитале товарищества или общества с ограниченной ответственностью (доля оценивается в денежных единицах);
- передача предприятия в аренду. Оценка стоимости важна для назначения арендной платы и осуществления последующего выкупа арендатором (если это предусмотрено договором аренды);
- получение кредита под залог имущества предприятия (ипотеки);
- страхование имущества предприятия;
- переоценка основных фондов бизнеса;
- определение налоговой базы для исчисления налога на имущество предприятия;
- требование законодательства – в ряде случаев необходимость оценки стоимости бизнеса вытекает из требования законодательства [11].

В условиях рыночной конкуренции проведение оценки коммерческой недвижимости является необходимым залогом успеха. Поскольку полученные данные служат основой для корректировки методов управления и направлений совершенствования предприятия. В связи с этим, важным этапом проведения оценки выступает определение факторов влияния. На величину итоговой оценки коммерческой недвижимости влияет ряд факторов. К наиболее существенным относят:

1. Спрос и предложение – соотношение потенциальных покупателей и предприятий, предложенных к продаже;
2. Тип бизнеса – предприятия, требующие стандартных знаний для управления, имеют более высокую стоимость по сравнению с предприятиями, владение которыми предполагает знание специализированных навыков;
3. Уровень риска – прозрачность ведения бизнеса на предприятии;
4. Наличие активов – такие параметры как дорогостоящее оборудование, квалифицированный персонал, наработанная клиентская база, высокая деловая репутация увеличивают стоимость предприятия;
5. Личные цели – желание инвестора работать в определенной сфере выступает побудительным мотивом к приобретению предприятия [11; 12; 13].

Для формирования обоснованного отчета об оценке объекта недвижимости, необходим анализ всех сфер его деятельности [14]. Так как функционирование коммерческой недвижимости обеспечивается различными подсистемами, то результаты общей оценки напрямую зависят от исследования эффективности работы этих подсистем [15]. Критерии проведения оценки объекта коммерческой недвижимости в зависимости от сфер управления представлены в [таблице 3](#).

Таблица 3. Критерии оценки объекта коммерческой недвижимости

Сфера функционирования объекта	Критерии оценки сферы управления
1	2
Управление	Установление рентабельности реализации бизнес-планов, инвестиционных проектов; определение экономической целесообразности структуры имущества и источников его приобретения для конкретного предприятия.
Финансы	Поддержка уровня рентабельности и ликвидности предприятия.
Производство	Информационное обеспечение процессов производства.
Маркетинг	Определение реальности затрат на маркетинговые исследования, промо-акции, исследование реального эффекта от их проведения в сравнении с понесенными затратами.
Обеспечение ресурсами	Определение экономической целесообразности для предприятия операций по получению, хранению, изготовлению, реализации товарно-материальных ценностей.
Логистика	Текущий контроль за экономичностью процессов складирования и транспортировки материальных ресурсов.

5. Заключение

В современных условиях все чаще возникает необходимость в проведении экономической оценки недвижимости, что обусловлено ростом конкуренции, усложнением рыночных отношений. Таким образом, проведение экономической оценки объектов коммерческой недвижимости является неотъемлемым элементом эффективности ее использования. Оценка может и должна инициироваться собственником, поскольку ее результаты дают основу для принятия действенных управленческих решений по развитию, привлечению инвестиций, расширению. Помимо собственника результаты оценки представляют интерес для многих участников рынка, связанных тем или иным образом с функционированием предприятия. Проведение процедуры оценки возможно двумя способами: экспертиза – проводится государственными сертифицированными экспертами в случае возникновения судебных или внесудебных споров; экономическая оценка – проводится силами самого предприятия, специализированными компаниями по заказу собственника или заинтересованных сторон.

Литература

1. Кучеренко В.Р., Засць М.А., Захарченко О.В., Сментина Н.А., Улибіна В.О. Оцінка та управління нерухомістю: навчальний посібник. Одеса: Видавництво ТОВ «Лерадрук», 2013. 272 с.
2. Конторович С.П. Управление инвестиционной привлекательностью предприятия (системно-оценочный аспект). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publish.cis2000.ru/book.17/info/shtm>
3. Асаул А.Н., Старинский В.Н., Старовойтов М.К., Фалтинский Р.А. Оценка организации (предприятия, бизнеса): ученик. Год ред. А.Н. Асаула. СПб: АНО «ИПЭВ», 2014. 476 с.
4. Экспертиза недвижимости и строительный контроль в системе сервейинга. Сост. Павлова Л.И., Ткаченко Б.В., Сычев И.С. и др., Москва: Изд-во Моск.гос.строит.ун-та, 2016. Ч2. 264 с.
5. Гриненко С.В. Экономика недвижимости. Изд-во ТРТУ, 2004. Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m94/3_4.htm
6. Зырянова Т.В., Полухина А.Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международных бухгалтерский учет. 2011. V. I. 48. С. 25-33.
7. Асаул А.Н., Иванов С.Н., Старовойтов М.К. Экономика недвижимости: учебник для вузов. 3-е изд., исправл. СПб.: АНО «ИПЭВ», 2009. 309 с.

8. Богінська Л.О. Удосконалення процесу оцінки нерухомості як необхідна умова розвитку ринку нерухомості // Вісник Сумського національного аграрного університету. Серія: Будівництво. – 2015. Вип. 10. С. 107-110. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vsna_bud_2015_10_17
9. Лютова Л.В. Сервейинг как система профессионального управления недвижимостью. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pv2011_01/pdf/099lutova.pdf.
10. Литвиненко К.О. Комерційна нерухомість як інтегрована категорія ринку / Наукові записки Львівського університету бізнесу та права. 2011. Вип. 7. С. 51-55. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzlubp_2011_7_16
11. Ронова Г.Н., Королев П.Ю., Осоргин А.Н., Хаджиев М.Р., Тишин Д.И. Оценка стоимости предприятий: учебно-методический комплекс. М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2008. 157 с.
12. Торкатюк В.И., Безценный А.А., Соколов Д.В., Шахова О.В., Олейникова Н.А., Прыжкова О.Ю. Особенности оценки коммерческой недвижимости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eprints.kname.edu.ua/37958/1/73-75.pdf>
13. Чигрина А.И. Анализ и оценка факторов инвестиционной привлекательности объектов коммерческой недвижимости // Материалы докладов Международной научно-практической конференции "Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации", посвященной Году науки, Витебск, 25-26 октября 2017 г. УО "ВГТУ". Витебск, 2017. С. 324-327.
14. Перезовова І.В. Адаптаційні аспекти застосування економічної експертизи в контурах німецької моделі контролінгу підприємства / Вісник Національного університету "Львівська політехніка". Менеджмент та підприємництво в Україні: етапи становлення і проблеми розвитку. – 2014. № 797. С. 403-409. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VNULPM_2014_797_56
15. Стрішинець О.М., Павлов К.В. Особливості конкурентних відносин на регіональних ринках нерухомості // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Економіка – 2016. Вип. 1(2). С. 35-38. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nvuuec_2016_1%282%29__7

References

1. Kucherenko V.R., Zaets' M.A., Zakharchenko O.V., Smentina N.A., Ulibina V.O. Otsinka ta upravlinnya nerukhomisty: navchal'nii posibnik. Odesa: Vidavnitstvo TOV «Leradruk», 2013. 272 p.
2. Kontorovich S.P. Upravlenie investitsionnoi privlekatel'nost'yu predpriyatiya (sistemno-otsenochnyi aspekt). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://publish.cis2000.ru/book.17/info/shtm>
3. Asaul A.N., Starinskii V.N., Starovoitov M.K., Faltinskii R.A. Otsenka organizatsii (predpriyatiya, biznesa): uchenik. God red. A.N. Asaula. SPb: ANO «IPEV», 2014. 476 p.
4. Ekspertiza nedvizhimosti i stroitel'nyi kontrol' v sisteme serveiinga. Cost. Pavlova L.I., Tkachenko B.V., Sychev I.S. i dr., Moskva: Izd-vo Mosk.gos.stroit.un-ta, 2016. Ch 2. 264 p.
5. Grinenko S.V. Ekonomika nedvizhimosti. Izd-vo TRTU, 2004. Rezhim dostupa: http://www.aup.ru/books/m94/3_4.htm
6. Zyryanova T.V., Polukhina A.L. Bukhgalterskaya ekspertiza kak vid ekonomicheskikh ekspertiz // Mezhdunarodnykh bukhgalterskii uchet. 2011. V. I. 48. pp. 25-33.
7. Asaul A.N., Ivanov S.N., Starovoitov M.K. Ekonomika nedvizhimosti: uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., ispravl. SPb.: ANO «IPEV», 2009. 309 p.
8. Bogins'ka L.O. Udoskonalennya protsesu otsinki nerukhomosti yak neobkhidna umova rozvitku rinku nerukhomosti // Visnik Sums'kogo natsional'nogo agrarnogo universitetu. Seriya: Budivnitstvo. 2015. Vip. 10. pp. 107-110. Rezhim dostupa: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vsna_bud_2015_10_17
9. Lyutova L.V. Serveiing kak sistema professional'nogo upravleniya nedvizhimost'yu. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pv2011_01/pdf/099lutova.pdf.
10. Litvinenko K.O. Komertsiiina nerukhomist' yak integrovana kategoriya rinku / Naukovi zapiski L'vivs'kogo universitetu biznesu ta prava. 2011. Vip. 7. pp. 51-55. Rezhim dostupa: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzlubp_2011_7_16
11. Ronova G.N., Korolev P.Yu., Osorgin A.N., Khadzhiev M.R., Tishin D.I. Otsenka stoimosti predpriyatii: uchebno-metodicheskii kompleks. M.: Izd. Tsentr EAOI, 2008. 157 p.

12. Torkatyuk V.I., Beztsennyi A.A., Sokolov D.V., Shakhova O.V., Oleinikova N.A., Pryzhkova O.Yu. Osobennosti otsenki kommercheskoi nedvizhimosti. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://eprints.kname.edu.ua/37958/1/73-75.pdf>

13. Chigrina A.I. Analiz i otsenka faktorov investitsionnoi privlekatel'nosti ob"ektov kommercheskoi nedvizhimosti // Materialy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie organizatsii i regionov Belarusi: effektivnost' i innovatsii", posvyashchennoi Godu nauki, Vitebsk, 25-26 oktyabrya 2017 g. UO "VGTU". Vitebsk, 2017. pp. 324-327.

14. Perevozova I.V. Adaptatsiini aspekti zastosuvannya ekonomichnoi ekspertizi v konturakh nimets'koi modeli kontroly pidpriemstva / Visnik Natsional'nogo universitetu "L'vivs'ka politekhnik". Menedzhment ta pidpriemnitstvo v Ukraïni: etapi stanovlennya i problemi rozvitku. 2014. № 797. pp. 403-409. Rezhim dostupu: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VNULPM_2014_797_56

15. Strishinets' O.M., Pavlov K.V. Osoblivosti konkurentnikh vidnosin na regional'nikh rinkakh nerukhomosti // Naukovii visnik Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Ekonomika. 2016. Vip. 1(2). pp. 35-38. Rezhim dostupu: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nvuuec_2016_1%282%29__7

УДК 338.1

Основы сущности и проведения экономической оценки коммерческой недвижимости

Валентина Анатольевна Крахина ^{a, *}, Юлия Сергеевна Валуева ^a

^a Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Донецкая народная республика

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы сущности оценки коммерческой недвижимости, изучены мнения различных ученых относительно данного понятия, выяснено, что в основу определения положена оценка стоимости имущества предприятия. Ввиду наличия отождествления терминов «оценка недвижимости» и «экспертиза недвижимости», рассмотрены виды экономической экспертизы, проведена сравнительная характеристика обозначенных понятий, приведены основные их характеристики. Выяснено, что экспертиза проводится в целях разрешения гражданских споров, проведения судебных разбирательств. Понятие экспертиза более широкое по сравнению с оценкой недвижимости, так как включает помимо определения стоимости объекта, определение нарушений и изменений в финансово-экономическом механизме хозяйствования. Обоснована целесообразность применения термина «экономическая оценка недвижимости». Определены объекты, относящиеся к коммерческой недвижимости, рассмотрены ее виды, выделены участники оценки, определены случаи, в которых проводится оценка объектов. На основании изучения литературы сделаны выводы о том, что объективность и результативность оценки объектов недвижимости повышается, если учтены мотивы заинтересованных сторон; для повышения эффективности управления коммерческой недвижимостью необходимо учитывать факторы влияния на стоимость объекта коммерческой недвижимости.

Ключевые слова: экономическая оценка, коммерческая недвижимость, экспертиза недвижимости, финансово-кредитная экспертиза, участники оценки, стоимость предприятия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: helen2235@mail.ru (В.А. Крахина)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 46-59

www.vestnik.sutr.ru

UDC 330

Evaluating Intensity of Innovative Activity of Hotel Organizations on the Basis of Transformation Model

Tat'yana P. Levchenko ^{a, *}, Vyacheslav A. Varenikov ^a

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

The majority of hotel organizations work in the conditions of constantly changing consumer preferences, growth of the competition and changes of technology requirements. In order to achieve business goals such as profit growth and economic growth, a continuous flow of successful innovation is needed. Many foreign scholars argue that innovation is a necessary condition for the survival of hotel organizations. The strategic position depends on the ability to offer quality services that meet the needs of the market. Therefore, ensuring a continuous flow of effective innovation is essential.

Many entrepreneurs are interested in finding ways to increase the innovative intensity of their enterprises. The first problem is the fact that the innovation intensity is a latent variable and therefore it can't be measured directly. There's a need to solve the problem of measuring innovation intensity before exploring ways to improve it. Economic science uses a variety of different techniques, which provides significant confusion and uncertainty in the study of this concept, as well as complicates its evaluation. Thus, the purpose of this work is to develop and test a scale for measuring the intensity of innovation activity of hotel organizations.

Keywords: innovations, innovative activity, innovative intensity, hotel business, hotel organizations, confirmatory factor analysis.

1. Введение

Инновации разрабатываются и реализуются в рамках определённого процесса, который состоит из различных этапов. Существует несколько моделей, описывающих инновационный процесс. В работах Буйса и Ван дер Валка [19; 20; 21] упоминаются некоторые из этих моделей.

Наиболее часто рассматривается поэтапная модель инновационного процесса. Буйс использует простую версию поэтапной модели деятельности для описания инновационного процесса. Модели Купера, Аллена и Гамильтона можно рассматривать как более подробные варианты его модели. Буйс разделяет инновационный процесс на два этапа: этап поиска и этап реализации [19].

На этапе поиска организация определяет необходимость инноваций, генерирует идеи, делает предварительный выбор перспективных идей, оценивает рыночный потенциал и производственные возможности, определяет цели дальнейшего развития. Далее, на этапе реализации идея трансформируется в продукт или услугу, проверяется и внедряется на рынок. Затем этот этап фокусируется на управлении изменениями.

* Corresponding author

E-mail addresses: lekonst@mail.ru (T.P. Levchenko), www.vyacheslove@mail.ru (V.A. Varenikov)

2. Материалы и методы

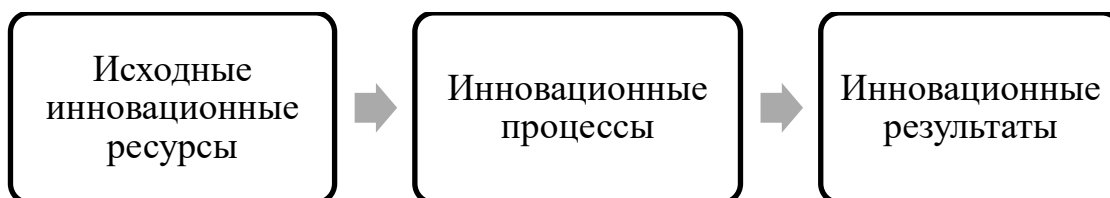
Основными источниками для написания статьи послужили результаты исследований теоретико-прикладного характера зарубежных и отечественных учёных по анализируемой проблеме. В работе использованы общенаучные методы и специфические экономические приёмы исследования: структурно-функциональный анализ, абстрактно-логический метод, метод сравнительного анализа, статистический анализ динамических рядов, факторный анализ.

3. Обсуждение

Как уже было отмечено, в настоящее время существуют многочисленные модели инновационных процессов. В исследованиях указанной проблематики проявляется тенденция к переходу от простых линейных моделей к сложным. Простые линейные модели предполагают последовательность стадий инновационного процесса и предсказуемость результативных характеристик каждой из этих стадий. К их недостаткам можно отнести, в первую очередь, недооценку роли конечного результата, а также недостаточность внимания к максимизации финансовых результатов и оптимизации внутрипроизводственных затрат, то есть коммерческую составляющую инновационного процесса.

Модели, характеризующие инновационные процессы второго поколения, были ориентированы, прежде всего, на рыночные потребности. Сам инновационный процесс отображался в виде мультидисциплинарных проектов, в реализации которых принимали участие разнообразные предприятия, организации или их подразделения, объединённые в единую систему. Модели инновационных процессов последнего поколения ориентированы на целую сеть трансформационных взаимодействий, в рамках которых происходит распределение функций инновационной системы [16]. При этом осуществляются трансформации связей между ее составляющими и с внешними параметрами, то есть принимается в расчет интенсивность инновационной деятельности.

В данном контексте нами предлагается трансформационная модель инновационного процесса в гостиничных организациях. В этой модели развитие инноваций является процессом, в котором исходные инновационные ресурсы преобразуются в инновационные результаты (рис. 1).

Рис. 1. Трансформационная модель инновационного процесса

Инновационные ресурсы преобразуются в инновационные результаты. Другими словами, финансовые средства, человеческие знания и труд превращаются в новые или усовершенствованные продукты, услуги, рабочие процессы и т. д.

Для характеристики совокупности реализуемых в организации инновационных процессов наиболее подходящим показателем нами считается интенсивность инновационной деятельности [4]. Под интенсивностью инновационной деятельности можно подразумевать степень насыщенности инновационной деятельности предприятия во всей его хозяйственно-экономической деятельности, определяемую числом инноваций, осуществленных за определенный период времени, а также величиной расходов предприятия, направляемых на внедрение инноваций для совершенствования технологии производства продукта или оказания услуг [3; 11].

По сравнению с другими моделями, описывающими инновационный процесс, предлагаемая нами трансформационная модель имеет ряд основных преимуществ. Большинство моделей представляют развитие инноваций как логичный и структурированный процесс [6; 17]. Однако, в реальности развитие, как правило, довольно расплывчато и туманно. Трансформационная модель не только преодолевает этот недостаток, но и подходит для проведения сравнений между организациями. При измерении интенсивности инновационной деятельности – это явное преимущество.

Поэтому мы выбрали трансформационную модель в качестве основы для нашей измерительной шкалы.

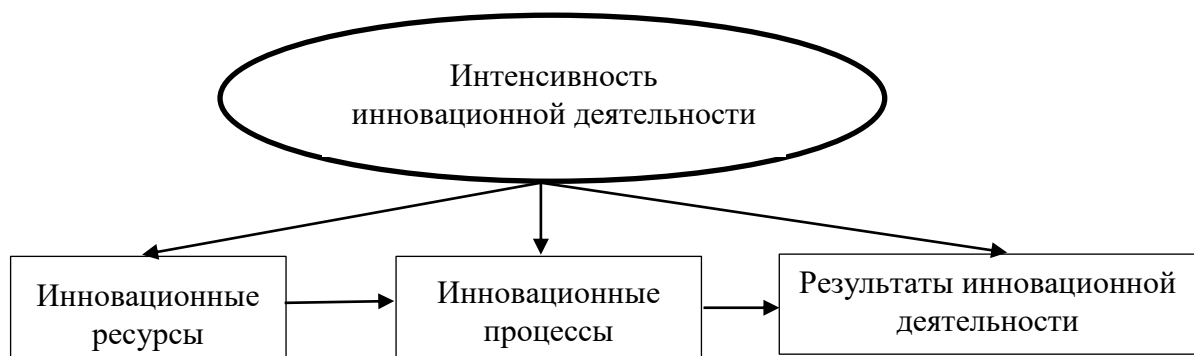
Используя трансформационную модель в качестве основы для нашей измерительной шкалы, мы исследуем, можно ли описать интенсивность инновационной деятельности гостиничных организаций путем композиции их инновационных ресурсов, процессов и результатов. Для построения шкалы измерений использовалась трехступенчатая методика:

– построение одномерной шкалы для оценки инновационных ресурсов, инновационных процессов и результатов инновационной деятельности гостиничных организаций. Для каждой шкалы используется несколько индикаторов;

– выполнение конфирматорного факторного анализа для проверки возможности объединения показателей соответствующих шкал в интегральный показатель, характеризующий интенсивность инновационной деятельности;

– формирование профиля интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций.

Была разработана факторная модель, в которой шкалы ресурсов, процессов и результатов детерминируются одним латентным фактором: интенсивность инновационной деятельности гостиничной организации. Эта модель отображена на [рисунке 2](#).

Рис. 2. Факторная модель интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций

Изначально нами было отобрано 17 индикаторов интенсивности инновационной деятельности организации [2; 12]: 5 ресурсных индикаторов, 8 процессных индикаторов и 4 индикатора результатов ([таблица 1](#)).

Таблица 1. Индикаторы интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций

Фактор интенсивности инновационной деятельности	Индикатор
Инновационные ресурсы	Коэффициент инновационности персонала гостиничной организации (ИР1)
	Коэффициент интеллектуальной собственности гостиничной организации (ИР2)
	Коэффициент инновационности гостиничных услуг (ИР3)
	Коэффициент концентрации собственного капитала (ИР4)
	Коэффициент оборачиваемости средств в активах гостиничной организации (ИР5)
Инновационные процессы	Количество внедренных новых / усовершенствованных рабочих процессов за отчетный период (ИПр1)
	Удельный вес новых информационных технологий в гостиничной организации (ИПр2)
	Коэффициент автоматизации производства гостиничных услуг (ИПр3)

	Капитальные вложения на реализацию инновационных процессов в гостиничной организации (ИПр4)
	Чистая текущая стоимость инновационных процессов (ИПр5)
	Окупаемость инновационных процессов (ИПр6)
	Индекс рентабельности инновационных процессов (ИПр7)
	Коэффициент сравнительной эффективности инновационных процессов (ИПр8)
Результаты инновационной деятельности	Повышение производительности труда (РИД1)
	Повышение качественных и количественных характеристик гостиничного продукта (РИД2)
	Снижение издержек на единицу продукции (РИД3)
	Повышение спроса на гостиничные услуги (РИД4)

На основе вышеупомянутых индикаторов были построены одномерные шкалы для оценки инновационных ресурсов, процессов и результатов. Для каждой шкалы мы использовали несколько индикаторов. В литературе рассматриваются различные методики построения одномерной шкалы из нескольких индикаторов [8; 13; 15]. В процессе построения шкал не обязательно придерживаться всех первоначальных индикаторов. Могут быть выбраны те индикаторы, которые дают наилучшую оценку рассматриваемого понятия. При построении шкалы имеет большое значение коэффициент однородности (Н). Этот коэффициент дает нам информацию о том, в какой степени индикаторы удовлетворяют требованиям шкалы.

Обычно рассматриваются три вида коэффициентов однородности, чтобы судить о качестве шкалы:

1. Н-значение между индикатором I и индикатором J;
2. Н значение по каждому индикатору;
3. Н-значение для всей шкалы.

Н-значение между индикатором I и индикатором J (H_{ij})

Мы вычислили H_{ij} -значение для каждой пары индикаторов трёх выбранных нами гостиничных организаций г. Сочи. Выбор данных организаций обусловлен близкой категорией принадлежности (3-4 звезды), сопоставимым объемом номерного фонда и близостью в местоположении, что позволяет рассматривать их как конкурирующие, а также обосновывает возможность их сравнения [1; 18]. Названия организаций не разглашаются в целях сохранения конфиденциальной информации.

Все H_{ij} -значения должны быть положительными. Если H_{ij} -значение отрицательное, это указывает на нарушение необходимых условий шкалы. В этом случае необходимо исключить один или несколько индикаторов.

H_i вычисляется для каждого индикатора по сравнению с другими индикаторами в шкале. H_i должен иметь минимальное значение 0,3. Если нет, то это является причиной исключения индикатора из шкалы. Нами предложены следующие принципы интерпретации H_i (таблица 2):

Таблица 2. Интерпретация коэффициента однородности H_i

Качественные состояния шкалы	H_i
Хороший	$> 0,5$
Достаточный	$0,4 - 0,5$
Приемлемый	$0,3 - 0,4$
Недостаточный	$< 0,3$

Наконец, мы можем вычислить коэффициент однородности для всей шкалы. Н-значение можно рассматривать как меру внутренней согласованности. Оно оценивает формат модели: объем, в котором индикаторы соотносятся с основной величиной. Принципы интерпретации идентичны представленным в таблице 2.

Первичные шкалы инновационных ресурсов организаций состоит из пяти индикаторов. Коэффициент однородности для каждой пары индикаторов представлен в таблице 3.

Таблица 3. Коэффициенты однородности N_{ij} для каждой пары индикаторов в шкале ресурсов

Гостиничная организация 1		I			
		ИР1	ИР2	ИР3	ИР4
J	ИР2	0,13			
	ИР3	0,8	0,17		
	ИР4	0,37	0,11	0,31	
	ИР5	0,5	0,14	0,53	0,16
Гостиничная организация 2		I			
		ИР1	ИР2	ИР3	ИР4
J	ИР2	0,20			
	ИР3	0,34	0,44		
	ИР4	0,59	0,17	0,45	
	ИР5	0,38	0,28	0,39	0,18
Гостиничная организация 3		I			
		ИР1	ИР2	ИР3	ИР4
J	ИР2	0,23			
	ИР3	0,29	0,40		
	ИР4	0,38	0,22	0,20	
	ИР5	0,16	0,39	0,52	0,26

Все коэффициенты однородности являются положительными, поэтому нет необходимости исключения индикаторов. Нами был произведен расчет однородности коэффициентов N_i и N в каждой рассматриваемой гостиничной организации (таблица 4).

Таблица 4. Коэффициенты однородности N_i и N для шкалы ресурсов на основе пяти индикаторов

Гостиничная организация 1		Гостиничная организация 2		Гостиничная организация 3	
N_i	Значение	N_i	Значение	N_i	Значение
ИР1	0,66	ИР1	0,32	ИР1	0,56
ИР2	0,41	ИР2	0,53	ИР2	0,42
ИР3	0,62	ИР3	0,52	ИР3	0,62
ИР4	0,33	ИР4	0,39	ИР4	0,45
ИР5	0,32	ИР5	0,47	ИР5	0,37
Итого N	0,46	Итого N	0,44	Итого N	0,48

N -значения всех исследуемых организаций идентифицируют хорошую внутреннюю согласованность показателей инновационных ресурсов. Кроме того, каждый отдельный индикатор соответствует критическому значению 0,30.

Шкала инновационных процессов изначально состоит из восьми индикаторов. Нами был рассчитан коэффициент однородности для каждой пары индикаторов (N_{ij}) в каждой рассматриваемой гостиничной организации. В таблице 5 представлены результаты.

Таблица 5. Коэффициент однородности N_{ij} для каждой пары показателей в шкале процессов

Гостиничная организация 1		I						
		ИПр1	ИПр2	ИПр3	ИПр4	ИПр5	ИПр6	ИПр7
J	ИПр2	0,36						
	ИПр3	0,44	1,0					
	ИПр4	0,25	0,2	0,5				
	ИПр5	0,26	0,34	0,52	0,31			
	ИПр6	0,28	0,34	0,4	0,3	0,35		

	ИПр7	0,24	0,27	0,26	0,24	0,24	0,24	
	ИПр8	0,49	0,51	0,35	0,27	0,33	0,32	0,28
Гостиничная организация 2	I							
	ИПр1	ИПр2	ИПр3	ИПр4	ИПр5	ИПр6	ИПр7	
J	ИПр2	0,10						
	ИПр3	0,27	0,58					
	ИПр4	0,12	0,15	0,42				
	ИПр5	0,54	0,11	0,36	0,35			
	ИПр6	0,39	0,47	0,4	0,5	0,49		
	ИПр7	0,19	0,23	0,49	0,22	0,41	0,11	
	ИПр8	0,15	0,9	0,29	0,5	0,25	0,55	0,11
Гостиничная организация 3	I							
	ИПр1	ИПр2	ИПр3	ИПр4	ИПр5	ИПр6	ИПр7	
J	ИПр2	0,28						
	ИПр3	0,28	0,12					
	ИПр4	0,48	0,15	0,56				
	ИПр5	0,39	0,7	0,60	0,38			
	ИПр6	0,48	0,18	0,45	0,38	0,4		
	ИПр7	0,17	0,49	0,45	0,60	0,34	0,47	
	ИПр8	0,4	0,9	0,53	0,21	0,50	0,40	0,60

Все коэффициенты однородности являются положительными, поэтому нет необходимости исключения индикаторов на данном этапе. Нами был произведен расчет однородности коэффициентов H_i и H в каждой рассматриваемой гостиничной организации. В [таблице 6](#) представлены результаты.

Таблица 6. Коэффициенты однородности H_i и H для шкалы процессов на основе восьми индикаторов

Гостиничная организация 1		Гостиничная организация 2		Гостиничная организация 3	
H_i	Значение	H_i	Значение	H_i	Значение
ИПр1	0,31	ИПр1	0,32	ИПр1	0,35
ИПр2	0,38	ИПр2	0,50	ИПр2	0,38
ИПр3	0,46	ИПр3	0,32	ИПр3	0,40
ИПр4	0,29	ИПр4	0,12	ИПр4	0,26
ИПр5	0,33	ИПр5	0,42	ИПр5	0,32
ИПр6	0,32	ИПр6	0,33	ИПр6	0,35
ИПр7	0,25	ИПр7	0,15	ИПр7	0,24
ИПр8	0,35	ИПр8	0,31	ИПр8	0,39
Итого H	0,34	Итого H	0,30	Итого H	0,33

Коэффициенты однородности индикаторов ИПр4 и ИПр7 не соответствуют критическому значению 0,30. Нами рекомендуется исключить данные индикаторы. В [таблице 7](#) рассчитаны коэффициенты однородности для остальных индикаторов.

Таблица 7. Коэффициенты однородности H_i и H для шкалы процессов на основе шести индикаторов

Гостиничная организация 1		Гостиничная организация 2		Гостиничная организация 3	
H_i	Значение	H_i	Значение	H_i	Значение
ИПр1	0,34	ИПр1	0,32	ИПр1	0,39
ИПр2	0,46	ИПр2	0,34	ИПр2	0,41
ИПр3	0,52	ИПр3	0,49	ИПр3	0,45
ИПр5	0,36	ИПр5	0,39	ИПр5	0,38

ИПр6	0,34	ИПр6	0,33	ИПр6	0,41
ИПр8	0,38	ИПр8	0,40	ИПр8	0,35
Итого Н	0,4	Итого Н	0,37	Итого Н	0,39

В [таблице 7](#) Н значение, равное 0,4 указывает на достаточную внутреннюю согласованность индикаторов инновационного процесса в Гостиничной организации 1. Гостиничная организация 2 и Гостиничная организация 3 близки к этому пороговому значению, но их результаты 0,37 и 0,39 соответственно могут быть классифицированы лишь как приемлемые. Кроме того, каждый индикатор соответствует критическому значению 0,30. Индикаторы ИПр1, ИПр2, ИПр3, ИПр5, ИПр6 и ИПр8 были объединены в одномерную шкалу инновационных процессов.

Первичная шкала результатов инновационной деятельности состоит из четырех индикаторов. Во-первых, считаем необходимым вычислить коэффициент однородности для каждой пары индикаторов (H_{ij}). В [таблице 8](#) представлены результаты.

Таблица 8. Коэффициент однородности H_{ij} для каждой пары индикаторов результатов инновационной деятельности

Гостиничная организация 1		I		
		РИД1	РИД2	РИД3
J	РИД2	1,0		
	РИД3	1,0	1,0	
	РИД4	0,73	0,56	0,59
Гостиничная организация 2		I		
		РИД1	РИД2	РИД3
J	РИД2	1,0		
	РИД3	0,88	0,81	
	РИД4	0,86	0,46	0,33
Гостиничная организация 3		I		
		РИД1	РИД2	РИД3
J	РИД2	0,86		
	РИД3	0,95	1,0	
	РИД4	0,81	0,41	0,64

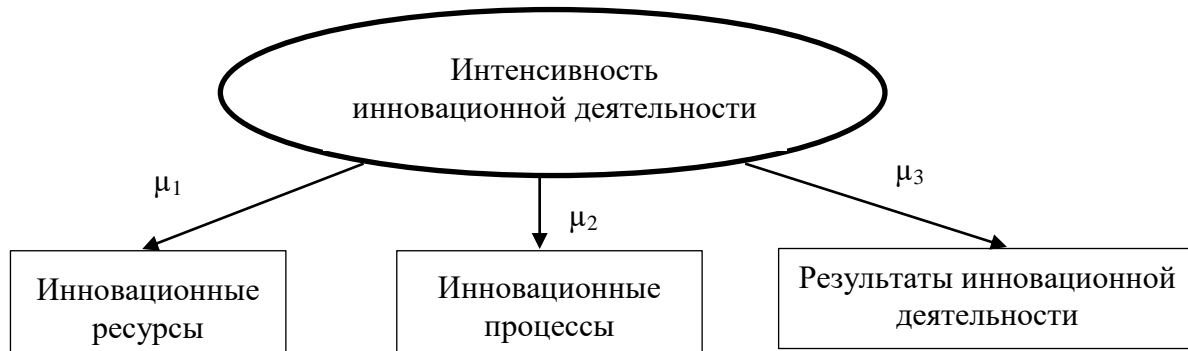
Поскольку каждое значение H_{ij} является положительным, не было необходимости исключать какие-либо индикаторы из данной шкалы. Можно приступить к вычислению коэффициентов однородности H_i (для каждого индикатора) и H (для шкалы в целом). Результаты представлены в [таблице 9](#).

Таблица 9. Коэффициенты однородности H_i и H для шкалы результатов инновационной деятельности

Гостиничная организация 1		Гостиничная организация 2		Гостиничная организация 3	
H_i	Значение	H_i	Значение	H_i	Значение
РИД1	0,97	РИД1	0,79	РИД1	0,82
РИД2	0,94	РИД2	0,67	РИД2	0,77
РИД3	0,93	РИД3	0,67	РИД3	0,89
РИД4	0,61	РИД4	0,69	РИД4	0,67
Итого Н	0,90	Итого Н	0,64	Итого Н	0,79

На основе данных в [таблице 9](#) мы пришли к выводу, что нет необходимости в исключении каких-либо индикаторов. Допустимо объединение индикаторов РИД1, РИД2, РИД3 и РИД4 в одномерную шкалу результатов инновационной деятельности организации. Значение H в 0,90 в Организации 1 указывает на очень высокую внутреннюю согласованность этих элементов.

На предшествующем этапе мы построили одномерные шкалы для инновационного ресурсов, процессов и результатов инновационной деятельности трёх гостиничных организаций г. Сочи. Для каждой шкалы можно вычислить суммы баллов. Необходимо проверить, можно ли объединить баллы по этим шкалам (ресурсы, процессы и результаты) в интегральный показатель для оценки интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций. Нами будет использована конфирматорная факторная модель, в которой баллы по шкалам ресурсов, процессов и результатов определяются общим фактором: интенсивностью инновационной деятельности организации. Эта модель показана на [рисунке 3](#).

Рис. 3. Конфирматорная факторная модель интенсивности инновационной деятельности гостиничной организации

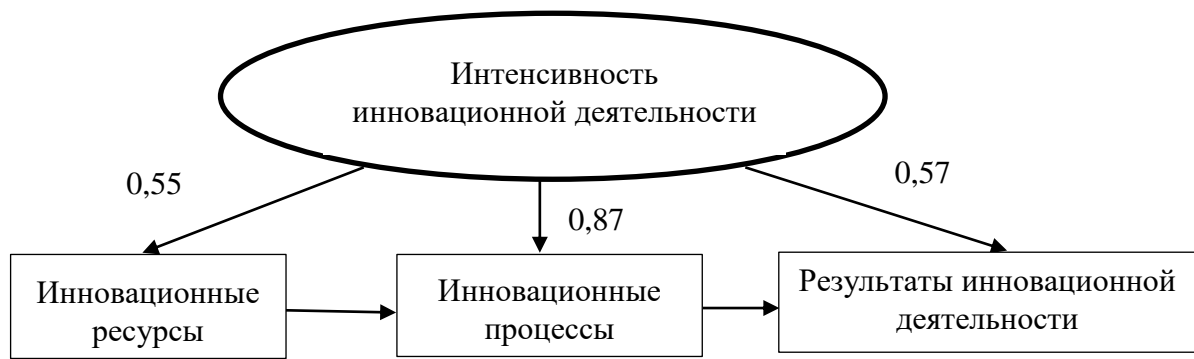
Данная модель была протестирована для оценки влияния параметра μ (факторная нагрузка) между интенсивностью инновационной деятельности и ресурсами, процессами и результатами. Была использована компьютерная программа LISREL.

Отметим, что индикаторы в нашей модели измеряются на порядковом уровне. Неправильно анализировать порядковые переменные, как если бы они были метрическими, так как это будет генерировать неправильные оценки коэффициентных нагрузок в модели. Оптимальным решением является построение полихорической корреляционной матрицы и оценка коэффициентных нагрузок с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Для этой цели также должна быть построена асимптотическая ковариационная матрица полихорической корреляции.

Во-первых, для оценки нашей модели была построена матрица полихорической корреляции и ее асимптотическая ковариационная матрица. Для этой цели мы использовали программу PRELIS. Далее мы оценили нашу модель с помощью программы LISREL.

Для определения результатов в программе LISREL большое значение имеет ряд элементов. Существуют несколько способов, позволяющих судить о качестве оценки [9; 14]. В данном исследовании мы будем использовать значение коэффициента нагрузки (μ). В идеале каждый фактор нагрузки должен быть статистически значимым. В этом случае существует вероятность того, что каждый фактор (ресурсы, процессы и результаты) будет оказывать существенное влияние на интенсивность инновационной деятельности.

На [рисунках 4, 5 и 6](#) отображены результаты МНК-оценки нагрузки факторов трёх гостиничных организаций г. Сочи. Эти параметры сформированы на основе программы LISREL, в котором все показатели и факторы имеют единичную дисперсию.

Рис. 4. Результаты МНК-оценки нагрузки факторов инновационной интенсивности Гостиничной организация 1

Рис. 5. Результаты МНК-оценки нагрузки факторов инновационной интенсивности Гостиничной организация 2

Рис. 6. Результаты МНК-оценки нагрузки факторов инновационной интенсивности Гостиничной организация 3

Результаты свидетельствуют о том, что каждый фактор нагрузки является весьма значимым с вероятностью 95 процентов. Можно сделать вывод о том, что корреляция между шкалами достаточно велика, чтобы объединить их в единый показатель для оценки интенсивности инновационной деятельности.

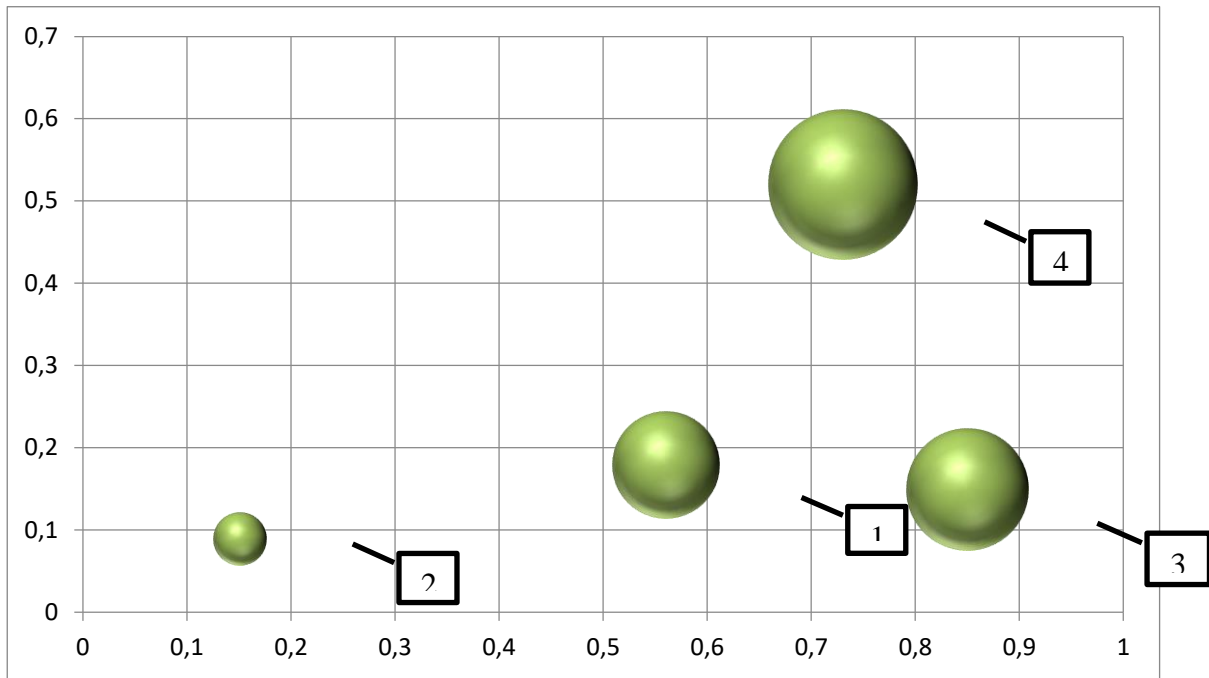
Совокупность основных типических черт и характеристик интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций может быть визуализирована посредством построения профиля их инновационной интенсивности [5; 7]. Такой подход является более информативным в сравнении с методиками построения единого синтетического показателя, так как позволяет интерпретировать сразу несколько блоков индикаторов.

На рисунках 7, 8 и 9 нами был сформирован профиль инновационной интенсивности рассмотренных гостиничных организаций г. Сочи. В качестве графической интерпретации профиля предложена пузырьковая диаграмма, которая позволяет сравнить наборы из трех значений и наглядно представить на двумерной плоскости трехмерные данные.

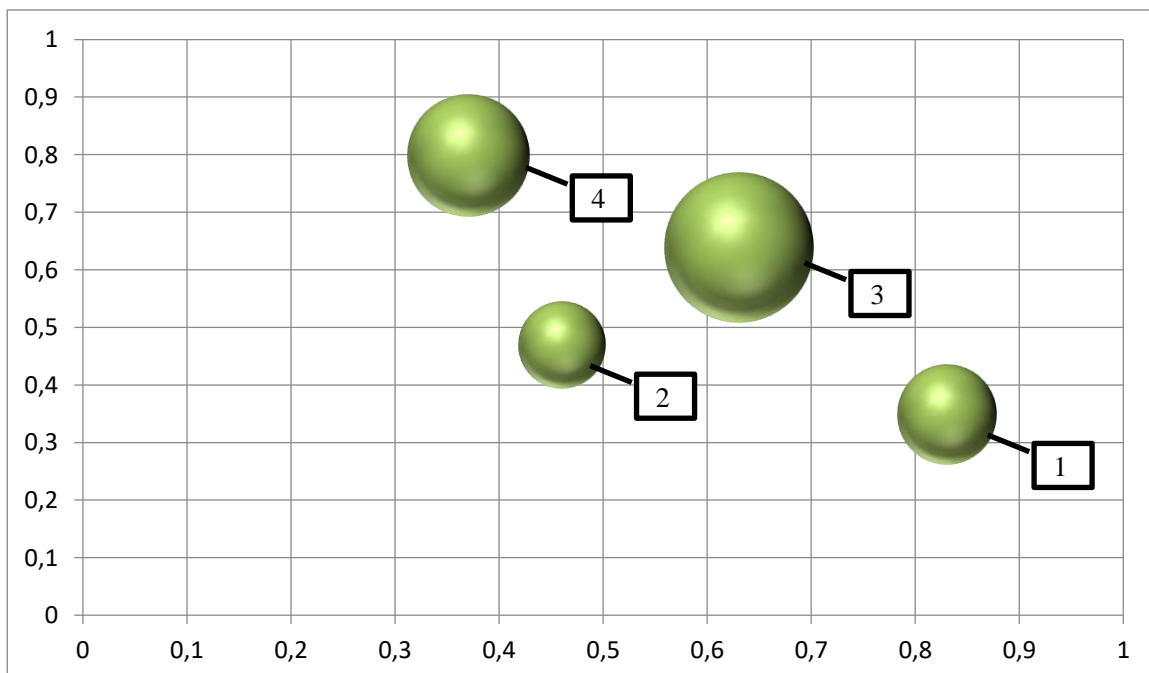
А с помощью диаметра или площади поверхности пузырьков можно отобразить различия в каком-либо показателе у исследуемых объектов [10; 16].

По горизонтали отложены значения, характеризующие показатели реализации инновационных процессов в организациях. По вертикали – значения индикаторов блока инновационных ресурсов. Размер «пузырьков» соответствует результирующим показателям интенсивности инновационной деятельности. Для обеспечения наглядности введены следующие обозначения, применяемые в ходе построения инновационного профиля:

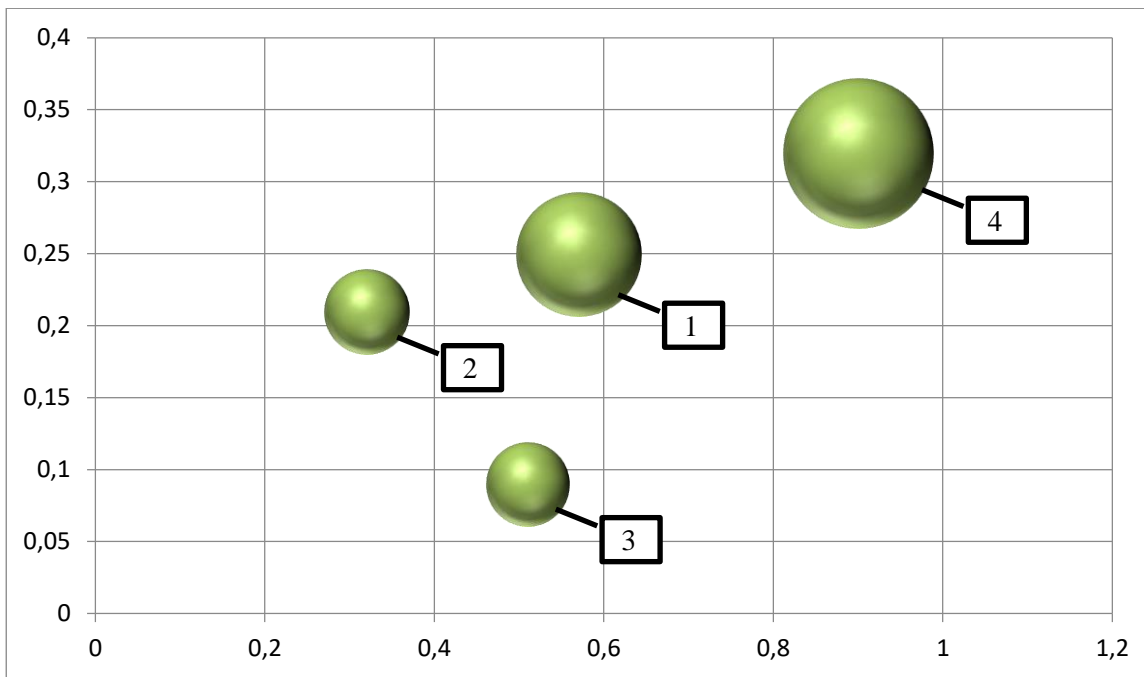
1. повышение производительности труда;
2. повышение качественных и количественных характеристик гостиничного продукта;
3. снижение издержек на единицу продукции;
4. повышение спроса на гостиничные услуги.

Рис. 7. Инновационный профиль Гостиничной организации 1

Рис. 8. Инновационный профиль Гостиничной организации 2

Рис. 9. Инновационный профиль Гостиничной организации 3

Максимальные значения агрегированного индикатора интенсивности инновационной деятельности демонстрирует показатель повышения спроса на гостиничные услуги. Несколько меньше долю составляют показатели снижения издержек на единицу продукции.

Целью данного исследования была разработка трансформационной модели инновационного процесса с целью измерения инновационной интенсивности гостиничных организаций. В качестве основы для нашей модели была использована шкала оценки интенсивности инновационной деятельности. Предлагаемая модель рассматривает развитие инноваций как процесс, в котором инновационные ресурсы преобразуются в инновационные результаты. Для построения шкалы измерений была использована трехэтапная процедура.

Во-первых, были построены одномерные шкалы для инновационных ресурсов, процессов и результатов. Во-вторых, был произведен подтверждающий факторный анализ, чтобы проверить, могут ли эти шкалы быть объединены в один балл для инновационной интенсивности небольшой компании. В-третьих, сформированы профили инновационной интенсивности исследуемых гостиничных организаций.

Таким образом, проведенное исследование показало, что применяя предлагаемую трансформационную модель в практической деятельности гостиничных организаций, можно учитывать влияние на инновационный процесс, которое обусловлено степенью интенсивности инновационной деятельности, и соответственно принимать своевременные управленческие решения в целях оптимизации коммерческой деятельности.

Литература

1. Вертакова Ю.В., Ваганова О.В. Выделение приоритетов инновационного развития региона на основе интегральной оценки // Регион: системы, экономика, управление. 2012. № 1. С. 85-89.
2. Еремкин В.А. Проблемы разработки индикаторов для оценки уровня инновационного развития экономики // Теоретическая экономика. 2012. №3. С. 56-62.
3. Тепман Л.Н., Напёров В.А. Инновационная экономика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям экономики и управления. Москва: ЮНИТИ, 2015. 278 с.
4. Инновационные методы управления предприятием. Москва: Лаборатория книги, 2014. 238 с.
5. Малышева Л.А., Шестаков И.В. Анализ подходов к оценке инновационной активности российских предприятий. URL: http://www.sr.pstu.ru/files/VestnikSocialnojekonpomnauki14_2012.pdf.

6. Мирюшкина, Ю.В. Совершенствование механизма управления инновационной деятельностью на предприятии: монография. Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет». Ставрополь: СКФУ, 2014. 168 с
7. Тлисов А.Б., Иванов Н.П., Крылова М.А. Оценка и совершенствование инвестиционно-инновационной деятельности предприятия: монография. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. 98 с.
8. Плотников А.П., Власова А.Е. Проблемы оценки инновационной активности торговых предприятий. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-innovatsionnoy-aktivnosti-torgovyh-predpriyatiy>.
9. Реутов А.Ю. Практическая интерпретация количественной оценки инновационной активности организации. URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/2627/12_352-160.pdf?sequence=1.
10. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИН-ФРА-М, 2008. 449 с.
11. Румянцева А.В., Егорова И.С. Система показателей для оценки эффективности функционирования субъектов инновационной системы России. URL: <http://vestnik.urfu.ru/archive/statja/Journal/article/44/sistema-pokazatelei-dlja-ocenki-ehffektivnosti-funkcio/>.
12. Собченко Н.В. Комплексная методика оценки экономической устойчивости предприятий на основе инновационной активности. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/29.pdf>.
13. Гилязова А.А., Шарапов А.Р., Багаутдинова Н.Г. Совершенствование организационно-экономического механизма управления инновациями: монография. М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. Казань : Изд-во КНИТУ, 2012. 260 с.
14. Сулейманова Ю.М. Управление экономической устойчивостью предприятия в процессе его инновационного развития // Креативная экономика. 2013. № 8. С. 89–95.
15. Управление инновационной активностью предприятия : метод. указания. Сост. А.И. Попов. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университетата, 2008. 24 с.
16. Левченко Т.П., Кощеев С.В., Левченко К.К. Формирование системы управления инновационным развитием санаторно-курортных комплексов [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. Сочи: РосИнновации, 2013. 153 с.
17. Харин А.А., Коленский И.Л., Харин А.А.(мл.). Управление инновационными процессами: учебник для образовательных организаций высшего образования. Берлин: Директ-Медиа, 2016. 472 с.
18. Хозяйственные системы инновационного типа: теория, методология, практика. Под общей ред. А.Н. Фоломьева. М.: «Экономика», 2011. 397 с.
19. Buijs J.A. (1987). *Innovatie en Interventie*, 2nd enlarged ed., Kluwer, Deventer.
20. Van der Valk, W.D.M. (1998). *Speurtocht naar maatstaven voor innovatie-intensiteit*, Zoetermeer: EIM.
21. Van der Valk, W.D.M. (1998). *De innovativiteit van de Nederlandse industrie: editie 1998*, Zoetermeer: EIM.

References

1. Vertakova Yu.V., Vaganova O.V. Vydelenie prioritetov innovatsionnogo razvitiya regiona na osnove integral'noi otsenki // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 2012. № 1. pp. 85-89.
2. Eremkin V.A. Problemy razrabotki indikatorov dlya otsenki urovnya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki // Teoreticheskaya ekonomika. 2012. №3. pp. 56-62.
3. Терпан Л.Н., Наперов В.А. Innovatsionnaya ekonomika: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po napravleniyam ekonomiki i upravleniya. Moskva : YuNITI, 2015. 278 p.
4. Innovatsionnye metody upravleniya predpriyatiem. Moskva: Laboratoriya knigi, 2014. 238 p.
5. Malysheva L.A., Shestakov I.V. Analiz podkhodov k otsenke innovatsionnoi aktivnosti rossiiskikh predpriyatii. URL: http://www.sr.pstu.ru/files/VestnikSocialnojekononomnauki14_2012.pdf.

6. Miryushkina, Yu.V. Sovershenstvovanie mekhanizma upravleniya innovatsionnoi deyatel'nost'yu na predpriyatii: monografiya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet». Stavropol': SKFU, 2014. 168 p.
7. Tlisov A.B., Ivanov N.P., Krylova M.A. Otsenka i sovershenstvovanie investitsionno-innovatsionnoi deyatel'nosti predpriyatiya: monografiya M. Berlin: Direkt-Media, 2016. 98 p.
8. Plotnikov A.P., Vlasova A.E. Problemy otsenki innovatsionnoi aktivnosti torgovykh predpriyatii. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-innovatsionnoy-aktivnosti-torgovykh-predpriyatii>.
9. Reutov A.Yu. Prakticheskaya interpretatsiya kolichestvennoi otsenki innovatsionnoi aktivnosti organizatsii. URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/2627/12_352-160.pdf?sequence=1.
10. Rumyantseva E.E. Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya. M.: IN-FRA-M, 2008. 449 p.
11. Rumyantseva A.V., Egorova I.S. Sistema pokazatelei dlya otsenki effektivnosti funktsionirovaniya sub"ektov innovatsionnoi sistemy Rossii. URL: <http://vestnik.urfu.ru/archive/statja/Journal/article/44/sistema-pokazatelei-dlja-ocenki-ehffektivnosti-funkcio/>.
12. Sobchenko N.V. Kompleksnaya metodika otsenki ekonomicheskoi ustoichivosti predpriyatii na osnove innovatsionnoi aktivnosti. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/29.pdf>.
13. Gilyazova A.A., Sharapov A.R., Bagautdinova N.G. Sovershenstvovanie organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniya innovatsiyami: monografiya. M-vo obraz. i nauki Rossii, Kazan. nats. issled. tekhnol. un-t. Kazan' : Izd-vo KNITU, 2012. 260 p.
14. Suleimanova Yu.M. Upravlenie ekonomicheskoi ustoichivost'yu predpriyatiya v protsesse ego innovatsionnogo razvitiya // Kreativnaya ekonomika. 2013. № 8. pp. 89–95.
15. Upravlenie innovatsionnoi aktivnost'yu predpriyatiya : metod. ukazaniya. Cost. A.I. Popov. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universitetata, 2008. 24 p.
16. Levchenko T.P., Koshcheev S.V., Levchenko K.K. Formirovanie sistemy upravleniya innovatsionnym razvitiem sanatorno-kurortnykh kompleksov [Elektronnyi resurs]. Elektron. tekst. dan. Sochi: RosInnovatsii, 2013. 153 p.
17. Kharin A.A., Kolenskii I.L., Kharin A.A.(ml.). Upravlenie innovatsionnymi protsessami: uchebnik dlya obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya. Berlin: Direkt-Media, 2016. 472 p.
18. Khozyaistvennye sistemy innovatsionnogo tipa: teoriya, metodologiya, praktika. Pod obshchei red. A.N. Folom'eva. M.: «Ekonomika», 2011. 397 p.
19. Buijs J.A. (1987). Innovatie en Interventie, 2nd enlarged ed., Kluwer, Deventer.
20. Van der Valk, W.D.M. (1998). Speurtocht naar maatstaven voor innovatie-intensiteit, Zoetermeer: EIM.
21. Van der Valk, W.D.M. (1998). De innovativiteit van de Nederlandse industrie: editie 1998, Zoetermeer: EIM.

УДК 330

Оценка интенсивности инновационной деятельности гостиничных организаций на основе трансформационной модели

Татьяна Павловна Левченко ^{а, *}, Вячеслав Александрович Вареников ^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Большинство гостиничных организаций работает в условиях постоянных изменений потребительских предпочтений, роста конкуренции и изменения технологических требований. Для достижения бизнес-целей, таких как увеличение прибыли

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: lekonst@mail.ru (Т.П. Левченко),
www.vyacheslove@mail.ru (В.А. Вареников)

и экономический рост, необходимо осуществлять непрерывный поток успешных инноваций. Многие зарубежные ученые, такие как Буйс, Агель, Госселинк, Ван дер Валк, утверждают, что инновации являются необходимым условием для выживания гостиничных организации. Их стратегическое положение зависит от способности предлагать качественные услуги, отвечающие потребностям рынка. Поэтому обеспечение непрерывного потока эффективных инноваций имеет важное значение.

Многие предприниматели заинтересованы в поиске путей повышения интенсивности инновационной деятельности своих предприятий. Первая проблема, с которой приходится сталкиваться, заключается в том, что интенсивность инновационной деятельности представляет собой латентную переменную и поэтому не поддается прямому измерению. Необходимо решить проблему измерения интенсивности инновационной деятельности, прежде чем можно будет исследовать пути ее повышения. В экономической науке используется множество различных методик, что обеспечивает значительную путаницу и неопределенность в рамках изучения рассматриваемого понятия, а также осложняет его оценку. Таким образом, целью данной работы является разработка и тестирование шкалы измерения интенсивности инновационной деятельности гостиничных организацией.

Ключевые слова: инновации, инновационная активность, интенсивность инновационной деятельности, гостиничный бизнес, гостиничные организации, конфирматорный факторный анализ.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 60-67

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338; 348; 631

Improving Management at the Enterprises of a Sanatorium Complex

Matvey S. Oborin ^{a, b, c, d, *}

^a Perm Institute (branch) Russian economic university G.V. Plekhanov, Russian Federation

^b Perm state national research university, Russian Federation

^c Perm state agro-technological university named after academician D.N. Pryanishnikov, Russian Federation

^d Sochi state university, Russian Federation

Abstract

Sanatorium and resort activity occupies a significant place in strengthening the health of the population of the Russian Federation. Historically occupying an important place in the health care system, the sanatorium complex has not lost its practical significance, moreover, the strategic objectives of improving the quality of life of every citizen and ensuring the availability of health services only confirm the important role of specialized enterprises in the socio-economic development of the state. At this stage, the priority task is to ensure the quality of management of health resorts. Analysis of these statistics indicates that the activity of the health resort complex is unprofitable in many regions of the Russian Federation, which are considered the leaders of the market of health resort services.

Problems of efficiency of management of the profile enterprises rendering medical and improving services are considered on the example of the Central Federal district, only one region in which positive operational result is received is revealed: Tula region.

The main results of the study: sanatorium-resort complex is affected by the negative impact of macroeconomic factors, industry-specific problems have to be overcome on the basis of external and domestic policy measures. Public Finance programmes are essential for reducing losses, and internal controls must be based on the effective use of capacity and the introduction of new management methods and technologies.

Keywords: sanatorium-resort business, resort and recreation, health and fitness area, the Spa infrastructure, spa services, resort complex, sanatorium-resort organizations of the sanatorium-resort enterprises.

1. Введение

Эффективность управления является достаточно сложным, комплексным понятием, которое включает систему социально-экономических показателей. Вопрос качества и эффективности результатов управления рассматривают как в практических [1; 3], так и в теоретических исследованиях зарубежных и отечественных авторов [12-15].

В традиционной концепции административной политики, приверженцами которой являются Ф. Тэйлор, В. Вильсон и М. Вебер, дается акцент на эффективность работы аппарата государственного управления. Эффективность в рамках данной концепции является величиной объективной. Базовыми установками данной величины можно назвать:

* Corresponding author

E-mail addresses: recreachin@rambler.ru (M.S. Oborin)

отделение администрирования от политики, признание единственно верного (быстрого и лучшего) метода в любой работе, а также расценивание бюрократии как наилучшего способа внедрения научных принципов в управлении [10].

Г. Саймон [7] считал, что эффективность в сущности является «образом действий организации» и в некотором роде является синонимом понятия рациональности. Смысл административной концепции состоит в определении способов конструкции организации с целью эффективности. Данный подход понимается под главными инструментами повышения эффективности государственного управления различного рода административные распоряжения, приказы, которые способны установить «эффективную» структуру или упразднить «неэффективную».

2. Материалы и методы

Проведенное исследование базируется на измерении, наблюдении, описании процессов управления на предприятиях санаторно-курортного комплекса, что подтверждает эмпирический метод исследования. Современные подходы стремятся выявить и количество влияющих на систему факторов. В процессе исследования широко использовались логические методы, в частности анализ и синтез, индукция и дедукция. На их основе получены результаты и сформулированы выводы. Использование статистического метода исследования позволило оценить систему управления с позиции ее качества.

В нашей стране эффективность регионального управления рассматривается как реализация формальных целей посредством заранее установленных методов в конкретные сроки. Данный подход осуществляется в целевых программах, которые распространены на различных уровнях управления. Методологически его можно выразить так: основой эффективности является рационально сформированный бюджет, в плане которого заложена ориентация на количественно измеряемые результаты (при этом реализуется установленный Бюджетным кодексом принцип эффективности использования средств) [9]. Это значит, что при составлении и исполнении бюджета органы исполнительной власти стремятся к достижению запланированных результатов с использованием наименьшего объема средств.

В условиях ведения хозяйственной деятельности обобщенно можно говорить о наличии прибыли как основного критерия качества менеджмента. Тем не менее, сложная макроэкономическая ситуация и неравномерность развития отраслевых комплексов в регионах существенно влияют на параметры роста и устойчивости профильных предприятий. Санаторно-курортный комплекс оказался в достаточно сложном положении, когда государственное финансирование практически отсутствует, а проблемы носят глубокий, структурный характер и требуют значительных инвестиций [4; 5].

Регулирование и организация санитарно-курортной деятельности трактуется в рамках понятия «курортное дело».

Официально законодательно закрепленное понятие «курортное дело» - это совокупность всех имеющихся видов научно-практической деятельности по организации и, непосредственно, осуществлению лечения и профилактики заболеваний на основе использования природных лечебных ресурсов.

В условиях стремительно развивающихся рыночных отношений данное определение не дает полного понятия реальных отношений в организации курортной деятельности. Таким образом, вводится более, по смыслу, широкое определение данного термина.

Санаторно-курортное дело (деятельность) – это комплекс всех видов деятельности в сфере организации и осуществления профилактики заболеваний, лечения, а также реабилитации больных, на основе использования при этом природных лечебных ресурсов, изучения их свойств и механизмов работы. Также это общность мероприятий по организации, развитию и управлению курортами, что позволяет обеспечить целенаправленное лечение и культурно-бытовое обслуживание граждан на курорте.

Поскольку санаторно-курортная деятельность рассматривает научно-практические направления деятельности, в данном случае будет уместно дать несколько связанных с данным понятием определений.

Курорт – это особо охраняемая природная территория, имеющая в своем владении природные лечебные ресурсы, а также необходимые условия для их применения, с лечебно-профилактической целью.

Оздоровительный отдых – комплекс мероприятий, которые направлены, непосредственно, на предоставление всесторонней медицинской помощи, а также это проведение диагностики высококвалифицированными специалистами.

Лечебно-оздоровительная местность – территория, которая обладает природными лечебными ресурсами, такая территория, которая пригодна для организации лечения и профилактики заболеваний, и, непосредственно, для отдыха населения.

Курортная инфраструктура – это система материальных объектов и видов деятельности по оказанию оздоровительных услуг населению, которые помогают в укреплении здоровья.

Курортное хозяйство – это система сервисов со сложными производственно-хозяйственными связями, данная система призвана гарантировать условия для полноценного лечения.

3. Обсуждение

Научно-практическая деятельность на курортах достаточно развита и включает в себя несколько основных направлений (рис. 1).

Рис. 1. Формы санаторно-курортной деятельности

Санаторно-курортный комплекс – это межотраслевое объединение организаций, которые направлены на оказание лечебно-оздоровительных услуг, расположены непосредственно в курортных местностях, используют в своей деятельности природно-оздоровительные ресурсы.

Отсюда следует, что СКК включает в свой состав предприятия различных сфер деятельности, которые расположены на курортных местностях и направлены на обслуживание отдыхающих.

В состав СКК входят следующие компоненты:

- СКО – к данным организациям относятся: предприятия, учреждения, организации, различной формы собственности и ведомственной принадлежности. Данное понятие не получило законодательного закрепления, поэтому Министерство здравоохранения использует официальный термин СКУ;

- СКУ – лечебно-профилактические учреждения, которые предназначены для оказания медицинской помощи [2].

Таблица 1. Классификация организаций СКК

Критерии	Подвид	Примечание
по медицинскому профилю	- общего профиля; - специализированные.	Профиль определяется наличием природных лечебных факторов, материальной базой, кадровым составом. В СКО нет общего профиля отбора специализированных больных, лечение осуществляется в рамках специализации.
по контингенту отдыхающих	- для взрослых; - для родителей с детьми; - для детей; - для молодежи.	Показатель отбора – возраст или семейный состав.
по расположению	- расположенные на курортах; - местные.	Расположение санаториев вне курорта, то есть рядом с местными лечебными территориями.
по собственности	- государственные; - частные; - собственность общественных организаций; - смешанная форма; - иностранные.	
по типу	- санатории; - пансионаты; - санатории-профилактории; - детские лагеря; - гостиницы.	Тип учреждения определяется направлением его деятельности и закрепляется статистикой.

Органы управления различных уровней (федеральные, региональные, местные).

Федеральный уровень – государственные органы СКК. К ним относятся органы, которые входят в состав исполнительной и законодательной власти.

Законодательная власть (Государственная Дума и Федеральное Собрание) образуют структуры, которые отвечают на вопросы туризма и курортов. Одним из министерств, занимающихся вопросами курортов и туризма, является Министерство здравоохранения.

Исполнительная власть, в свою очередь, это Министерство здравоохранения с 2001 года.

Региональный (мезо-уровень) – это региональные департаменты, управления, комитеты и отделы при администрациях субъектов РФ, а также в составе муниципалитетов. Главная задача регионального уровня – это проведение государственной курортной политики в пределах своих территориальных образований.

Микро-уровень – уровень управления СКО.

Следующий элемент в структуре СКК – это турфирмы и другие посредники. Роль посредников между СКО и отдыхающими выполняют также туроператоры, которые работают в сфере внутреннего туризма, они также заключают договоры с пансионатами и санаториями на реализацию, непосредственно, части санаторно-курортных путевок, а также участвуют в продвижении услуг санаторно-курортных учреждений [6].

Курортные ресурсы. Комплекс природно-климатических факторов и искусственно созданных объектов, которые предназначены, непосредственно, для лечебно-оздоровительных и профилактических мероприятий, которые способствуют более быстрому выздоровлению. Основу курортных ресурсов составляют природные лечебные факторы: климат, лечебные минеральные воды, лечебная грязь и другие.

Курортная инфраструктура. К инфраструктуре относятся: транспортное обслуживание, торговля, общественное питание, развлекательно досуговые мероприятия, и другие.

Рынок. Образование рынка предоставляемых услуг. У данного рынка существует две группы людей: пациенты, которые приехали на лечение (оздоровление), отдыхающие, которые прибыли на отдых. Отсюда следует, что структура предложения санаторно-

курортного лечения не соответствует потребительскому спросу. Также важный аспект – это то, что часть санаторно-курортного находится вне рынка и реализует путевки, непосредственно, либо ограничено, либо не реализует вообще. Данный аспект относится к государственным бюджетным учреждениям силовых структур, санаториям Министерства здравоохранения и другим [8].

4. Результаты

Следует отметить, что во многих субъектах РФ деятельность предприятий санаторно-курортного комплекса является убыточной (таблица 2).

Таблица 2. Финансовые показатели деятельности предприятий санаторно-курортного комплекса Центрального федерального округа за 2016 год*

Субъект ЦФО	Доходы СКО, тыс. руб.	Расходы СКО, тыс. руб.	Операционный результат (+/-), тыс. руб.
Белгородская область	552725,4	618643,2	-65917,8
Брянская область	351620,2	433071,8	-81451,6
Владимирская область	452707,1	493727,8	-41020,7
Воронежская область	850394,2	1189963,5	-339569,3
Ивановская область	906749,7	952034,7	-45285
Калужская область	394283,1	508721,8	-114438,7
Костромская область	472626,9	503811,3	-31184,4
Курская область	313096,7	714936,2	-401839,5
Липецкая область	258495,6	356428	-100932,4
Московская область	6362539,3	9849844,8	-3487305,5
Орловская область	126424,7	137527,6	-11102,9
Рязанская область	424577,5	803741,6	-379164,1
Смоленская область	279821,6	542278,9	-262457,3
Тамбовская область	264288,2	333997,1	-69708,9
Тверская область	801151,2	949891,1	-148739,9
Тульская область	873701,4	857154,8	16546,6
Ярославская область	1018823,8	1125122,1	-106298,3
г. Москва	310838,6	1190799,3	-879960,7
Всего	15014865,2	21561695,6	-6549830,4

*составлено по данным [11]

Положительный операционный результат только в Тульской области, остальные субъекты по данному показателю являются убыточными.

В связи с этим большое значение приобретает система контроля как способ адаптации к негативным макроэкономическим условиям.

Функция управленческого контроля существенно трансформировалась в современных условиях ведения производственно-финансовой деятельности, что закономерно обусловлено следующими факторами:

- распространение цифровых технологий в различных отраслях и функциональных направлениях деятельности субъектов бизнеса;
- внедрение программно-целевого подхода, который положительно зарекомендовал себя в коммерческом секторе;
- новые глобальные вызовы экономики и геополитики, способствующие переосмыслению роли тактического и стратегического руководства;

- научно обоснованный подход к принятию управленческих решений, новые технологии менеджмента.

Данные факторы способствуют перестройке системы управления санаторно-курортным комплексом на основе системного и ситуационного подхода, формированию показателей и индикаторов оценки объекта управления, которые соответствуют миссии, целям и задачам руководства. Безусловно, что ориентиром являются жизненный цикл продукта, целевые рынки и предпочтения потребителей.

5. Заключение

Санаторно-курортный комплекс является важным фактором повышения качества жизни за счет оказания лечебно-оздоровительных услуг. Несомненно, что профилактика заболеваемости и реабилитация способствует не только более полноценной жизни каждого человека, но и позволяет получить экономический эффект на уровне предприятия, отрасли и региона. В связи с этим эффективность деятельности санаторно-курортных организаций является важным направлением социально-экономической политики регионов. Анализ заболеваемости в субъектах РФ показал, что даже регионы с благополучными природными и социально-экономическими условиями показывают динамику роста заболеваемости, в связи с этим необходимо устойчивое развитие профильных предприятий и курортов.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 03.11.2012 № 1142 (ред. от 26.11.2015) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. N 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
2. Крутов А.В. О соотношении эффективности и результативности регионального государственного управления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2013. Т. 6. № 6 (32). С. 76-84.
3. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // *Проблемы прогнозирования*. 2016. №4 (157). С.81-94.
4. Оборин М.С., Гварлиани Т.Е., Кожушкина И.В. Механизм государственного управления санаторно-курортным комплексом региона // *Вестник Национальной академии туризма*. № 4(40), 2016. С. 70-77.
5. Оборин М.С., Нагоева Т.А., Фролова Н.В. Системный анализ инструментов продвижения рынка санаторно-курортных услуг Пермского края // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. Т. 26. № 6, 2016. С. 47-57.
6. Оборин М.С., Надворная Г.Г., Климчук С.В., Гварлиани Т.Е. Совершенствование методики оценки экономического потенциала предприятий туристско-рекреационной сферы // *Вестник Национальной академии туризма*. № 3(39), 2016. С. 29-34.
7. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях / М.: Экономика, 1995, 337 с.
8. Сулакшин С.С., Погорелко М.Ю., Репин И.В. Источники и основания государственных политик в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2010. 264 с.
9. Суслов М.Г. Взгляды на эффективность работы органов власти в зарубежных странах // *Ars Administrandi*. 2012. № 4. С. 94-100.
10. Фредерик Тейлор. Принципы научного менеджмента: монография, 1911.
11. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).
12. Jafari, J. (Ed.). (2010). *Encyclopedia of Tourism*. New York, United States of America: Routledge.
13. Okpolo, U., Emeka, E., & Chris, D. (2008). *Understanding Tourism*. Nsukka: Nsukka University of Nigeria Press Limited.
14. Onodugo V.A et al (2010). *Social Science Research: Principles, Methods and Applications*. Enugu, Ed'mark publishers
15. Tribe, J. (2009). *Philosophical Issues in Tourism: Aspects of Tourism*. Bristol: Channel View Publications.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.11.2012 № 1142 (red. ot 26.11.2015) «O merakh po realizatsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21 avgusta 2012 g. N 1199 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii».
2. Krutov A.V. O sootnoshenii effektivnosti i rezul'tativnosti regional'nogo gosudarstvennogo upravleniya // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2013. T. 6. № 6 (32). pp. 76-84.
3. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Otsenka rezul'tativnosti gosudarstvennykh programm sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2016. №4 (157). pp. 81-94.
4. Oborin M.S., Gvarliani T.E., Kozhushkina I.V. Mekhanizm gosudarstvennogo upravleniya sanatorno-kurortnym kompleksom regiona // Vestnik Natsional'noi akademii turizma. № 4(40), 2016. pp. 70-77.
5. Oborin M.S., Nagoeva T.A., Frolova N.V. Sistemnyi analiz instrumentov prodvizheniya rynka sanatorno-kurortnykh uslug Permskogo kraia // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. T. 26. № 6, 2016. pp. 47-57.
6. Oborin M.S., Nadvornaya G.G., Klimchuk S.V., Gvarliani T.E. Sovershenstvovanie metodiki otsenki ekonomicheskogo potentsiala predpriyatii turistsko-rekreatsionnoi sfery // Vestnik Natsional'noi akademii turizma. № 3(39), 2016. pp. 29-34.
7. Saimon G., Smithburg D., Tompson V. Menedzhment v organizatsiyakh / M.: Ekonomika, 1995, 337 p.
8. Sulakshin S.S., Pogorelko M.Yu., Repin I.V. Istochniki i osnovaniya gosudarstvennykh politik v Rossii. Monografiya. M.: Nauchnyi ekspert, 2010. 264 p.
9. Suslov M.G. Vzglyady na effektivnost' raboty organov vlasti v zarubezhnykh stranakh // Ars Administrandi. 2012. № 4. pp. 94-100.
10. Frederik Teilor. Printsipy nauchnogo menedzhmenta: monografiya, 1911.
11. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya: 01.02.2017).
12. Jafari, J. (Ed.). (2010). Encyclopedia of Tourism. New York, United States of America: Routledge.
13. Okpolo, U., Emeka, E., & Chris, D. (2008). Understanding Tourism. Nsukka: Nsukka University of Nigeria Press Limited.
14. Onodugo V.A et al (2010). Social Science Research: Principles, Methods and Applications. Enugu, Ed'mark publishers
15. Tribe, J. (2009). Philosophical Issues in Tourism: Aspects of Tourism. Bristol: Channel View Publications.

УДК 338; 348; 631

Совершенствование управления на предприятиях санаторно-курортного комплекса

Матвей Сергеевич Оборин ^{a, b, c, d, *}

^a Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^b Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

^c Пермский государственный аграрно-технологический университет им. ак. Д.Н. Прянишникова, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Санаторно-курортная деятельность занимает значительное место в укреплении здоровья населения Российской Федерации. Исторически занимая важное место в системе здравоохранения, санаторно-курортный комплекс не утратил своей практической значимости, более того, стратегические цели повышения качества жизни каждого гражданина и обеспечение доступности лечебно-оздоровительных услуг только

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: reachin@rambler.ru (М.С. Оборин)

подтверждают важную роль профильных предприятий в социально-экономическом развитии государства. На данном этапе приоритетной задачей является обеспечение качества управления санаториями и курортами. Анализ данных статистики свидетельствует о том, что деятельность санаторно-курортного комплекса является убыточной во многих субъектах РФ, которые считаются лидерами рынка санаторно-курортных услуг.

Проблемы эффективности управления профильными предприятиями, оказывающими лечебно-оздоровительные услуги, рассмотрены на примере Центрального федерального округа, выявлен только один регион, в котором получен положительный операционный результат: Тульская область. Основные результаты исследования: санаторно-курортный комплекс испытывает негативное влияние макроэкономических факторов, отраслевые проблемы необходимо преодолеть на основе комплекса внешних и внутренних программных мер. Программы государственного финансирования являются необходимыми для снижения убытков, внутренний контроль должен основываться на эффективном использовании потенциала, внедрении новых методов и технологий управления.

Ключевые слова: санаторно-курортное дело, курортно-оздоровительный отдых, лечебно-оздоровительная местность, курортная инфраструктура, санаторно-курортные услуги, санаторно-курортный комплекс, санаторно-курортные организации, санаторно-курортные учреждения.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 68-78

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33 + 004.056

Cybersecurity Issues in the Implementation of the Digital Economy

Vladlena S. Oladko ^{a, *}

^a Financial university under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article discusses the important branch of development of economic system as the digital economy. The digital economy is a future step of global economic system development due to the transformation of all human activities under the influence of information and telecommunication technologies. The division of the digital economy into economic hubs is presented. Each hub is described. The objects and subjects of the digital economy's information infrastructure are analyzed, conclusion about the problems of its cybersecurity are made. The statistics of cybersecurity events are studied and classified into three groups – normal events, abnormal events and threat events. On the basis of the information infrastructure and events provides a list of potential cybersecurity incidents and their consequences to the digital economy's subjects and objects. The risk factors for cybersecurity and their management strategies are defined. It draws conclusions about the need to ensure the security of the information infrastructure on the side of consumer subjects, subjects of manufacturers, kernel objects, and remote services, networks and communication channels, data stores. The author in the conclusion suggests the scheme of realization of protection mechanisms from cybersecurity threats on two levels: organizational-administrative and technical.

Keywords: digital production, information infrastructure, risk, damage, e-commerce, Internet market, information security.

1. Введение

Современный уровень развития инфокоммуникационных технологий, массовый охват практически всех отраслей мировой экономики глобальными сетями и наличие сетевого общества постепенно привели к необходимости модернизации классической экономической системы и сферы услуг. Решением данной проблемы стало внедрение цифровой экономики, задачей которой является стимулирование цифрового производства, создание универсальных маркетплейсов для эффективного предоставления данных, продуктов и услуг во всех сферах жизни общества, повышение качества товаров и услуг, произведённых с использованием современных цифровых технологий. О переходе на цифровую экономику в конце 2016 г. объявил Президент России Владимир Путин. В послании к Федеральному Собранию глава государства предположил, что в ближайшее десятилетие ИТ-индустрия станет одной из ключевых экспортных отраслей страны, в связи с чем была рабочая группа Экономического совета при президенте РФ по направлению «Цифровая экономика».

Программа «Цифровая экономика» была утверждена распоряжением Правительства РФ №1632-р от 28 июля 2017 года [1] и создается в целях ускорения цифровой трансформации Российской Федерации. Основная задача программы — создание основы

* Corresponding author

E-mail addresses: oladko.vs@yandex.ru (V.S. Oladko)

для развития технологий в России. Эта основа должна складываться из правового регулирования, образования, инфраструктуры, стимулирования разработок и исследований, информационной безопасности как информационной инфраструктуры, так и страны в целом.

2. Материалы и методы

Для написания статьи были использованы материалы научной, учебной литературы, законодательство Российской Федерации, постановления Правительства, статистические данные, собранные из печатных и электронных источников информации. Основными методами исследования при выполнении работы были: метод описания, системного анализа, аналогии и обобщения, а также элементы теории управления рисками.

3. Обсуждение

Информационная инфраструктура цифровой экономики

Цифровая экономика — это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых технологий [2]. На сегодняшний момент цифровая экономика в России — это те сегменты рынка, где добавленная стоимость создается с помощью цифровых (информационных) технологий.

По данным российского интернет форума РИФ+КИБ 2017 [3] вклад цифровой экономики в ВВП России оценивается в 2,8 %, при этом 19 % от ВВП формируют интернет-зависимые рынки. Эффективное развитие рынков в цифровой экономике возможно только при наличии развитых технологий, поэтому разработанная программа развития сфокусирована на двух базовых направлениях:

– институты, создающие условия для развития цифровой экономики: нормативное регулирование, кадры и образование;

– основные инфраструктурные элементы цифровой экономики: информационная инфраструктура и информационная безопасность.

Сегодня кадровая индустрия Рунета насчитывает 2,5 млн сотрудников, инфраструктура и программное обеспечение оцениваются в 2 000 млрд рублей, Маркетинг и реклама – 171 млрд рублей, цифровой контент – 63 млрд рублей, электронная коммерция – 1238 млрд рублей.

Анализ источников [4-7] показывает, что цифровая экономика строится на базе веб-приложений, сетей передачи данных и современных информационных технологий к которым можно отнести большие данные, нейротехнологии, искусственный интеллект, системы распределённого реестра, квантовые технологии, интернет-вещей и промышленный интернет, робототехнику, сенсорику, виртуальная и дополненная реальности. Основным продуктом цифровой экономики является цифровое производство, удаленная продажа и обмен товара, предоставление электронных платежных сервисов, информации и услуг.

В 2017 году аналитики Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) впервые поделили экономическую систему цифровой экономики на хабы [8]:

- 1) Государство и общество;
- 2) Маркетинг и реклама;
- 3) Финансы и торговля;
- 4) Инфраструктура и связь;
- 5) Медиа и развлечения;
- 6) Кибербезопасность;
- 7) Образование и кадры;
- 8) Стартапы.

Каждый хаб занимает свою нишу и вносит вклад в развитие всей экономической системы РФ. Для обеспечения существования и выполнения целевых бизнес-процессов каждого хаба системы цифровой экономики используется информационная инфраструктура (см. [рис. 1](#)).

Рис. 1. Информационная инфраструктура цифровой экономики

Информационная инфраструктура цифровой экономики имеет распределённую архитектуру и представляет собой гетерогенную интегрированную систему с полным жизненным циклом, которая окружена существенной средой [9] порождающей угрозы безопасности случайного или умышленного характера. Каждая угроза несет потенциальные риски обусловленные:

- наличием круглосуточно доступных удаленных сервисов и каналов обслуживания;
- использованием открытых или слабозащищенных протоколов передачи данных;
- регулярным доступом к услугам и сервисам множества лиц;
- наличием доступных из внешних сетей интерфейсов удаленного доступа и управления сетевым оборудованием и серверами, которые должны быть доступны только ограниченному числу администраторов;
- привязкой счетов платежных карт и вкладов к интернет-банку и платежным сервисам;
- низкой информационной грамотностью некоторых категорий пользователей;
- навязыванием дополнительных информационных сервисов;
- ростом числа уязвимостей и использованием компонентов с известными уязвимостями;
- редким обновлением программного-аппаратного обеспечения;
- незащищенным хранением личных данных пользователей;
- небезопасной конфигурацией и ошибками в конфигурации объектов информационной инфраструктуры;
- слабыми паролями и утерей аутентификаторов;
- некорректной аутентификацией и управлением сессией пользователей;
- небезопасной десериализацией данных и ошибками в коде сервисов услуг и веб-приложений;
- отсутствием подсистем регистрации событий и мониторинга.

Результатом реализации угроз являются деструктивные информационные и физические воздействия на циркулирующие данные, бизнес-процессы, инфраструктурные

технические, программные и экономические компоненты, пользователей системы. Последствиями воздействий является нарушение устойчивого функционирования подсистем информационной инфраструктуры цифровой экономики, внедрение вредоносного кода и XML-сущностей, межсайтовый скриптинг, мошенничество, хищение денежных средств, компрометация платежных транзакций, утечка персональных данных пользователей, кража «цифровой личности», а также финансовый ущерб и снижение репутации участников цифрового взаимодействия.

События и инциденты кибербезопасности

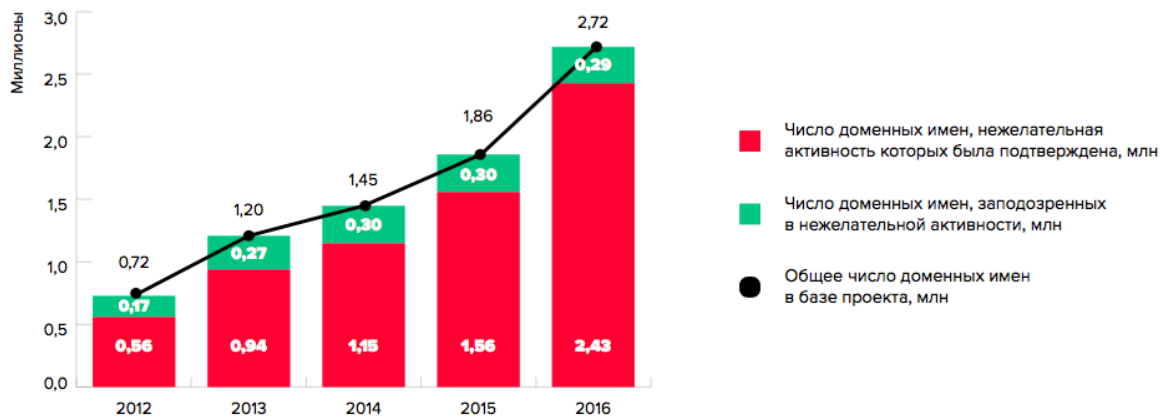
Каждое действие пользователей и процедуры реализации технологического процесса порождают множество событий, характеризующих процессы функционирования информационной инфраструктуры систему цифровой экономики.

Все события с точки зрения информационной безопасности можно разделить на три группы – нормальные события, аномальные события, опасные события [10]. Описание каждой группы событий представлено в [таблице 1](#).

Таблица 1. Группы событий кибербезопасности цифровой экономики

№	Группа событий	Описание
1	Нормальные события	Описывают процесс штатного функционирования объектов информационной инфраструктуры системы цифровой экономики в соответствии с их задачами и согласно документам, регламентирующим работу. Составляют большую часть от всех событий происходящих в системе.
2	Аномальные события	Подозрительная активность, которая характеризуется временным изменением штатного режима функционирования объектов информационной инфраструктуры системы цифровой экономики, неполным исполнением услуг, прерыванием бизнес-процесса. Может быть вызвана резким увеличением спроса на некоторый цифровой товар или услугу, временным ростом нагрузки на сеть, появлением новых пользователей, обновлением программно-аппаратного обеспечения, деятельностью злоумышленника, сбоями в работе обеспечивающих подсистем и объектов информационной инфраструктуры. При регистрации данного типа событий необходим их дальнейший анализ и последующий контроль до выяснения причин и источников аномалии.
2	Опасные события	Описывают процессы связанные с прерыванием бизнес-процессов, нарушением безопасности данных, кражей финансовых средств ошибками, сбоями и отказами объектов информационной инфраструктуры цифровой экономики. Связаны с атаками злоумышленника и деструктивными воздействиями техногенного и природного характера. Требует немедленного применения специализированных средств и мер, направленных на обнаружение источника и причин нарушения, быстрого блокирования и устранения последствий.

Согласно представленной выше классификации к событиям информационной безопасности в первую очередь можно отнести аномальные события и опасные события. Событие информационной безопасности – какое-либо событие информационной безопасности, идентифицируемое появлением определенного состояния системы, сервиса или сети, указывающее на возможное нарушение политики информационной безопасности или отказ защитных мер, или возникновение неизвестной ранее ситуации, которая может иметь отношение к безопасности [11]. Как было показано Волковым А.Н. в своем докладе «Кибербезопасность в цифровом мире» на прошедшей в ноябре 2017 года в рамках IV Международного форума Финансового университета «Что день грядущий нам готовит?» конференции «Информационная безопасность надежный щит цифровой экономики» [12] число событий безопасности напрямую связано со сложностью информационной инфраструктуры, количеством субъектов и объектов взаимодействия в системе цифровой экономики и при наращивании сложности возрастает в геометрической прогрессии. Каждое событие не существует по отдельности, а является частью процесса реализации инцидента информационной безопасности (см. [рис. 2](#)).

Рис.2. Тенденция роста числа событий безопасности за 2012 – 2016 гг.

Поскольку информационная инфраструктура цифровой экономики построена на использовании удаленных рабочих мест и сетевых сервисов, веб-приложений, маркетплейсов, платежных систем и систем электронной коммерции различного типа, то ей будут присущи все типы инцидентов безопасности характерные для составляющих ее систем [5; 13; 14]:

- утечка чувствительных данных и конфиденциальной информации;
- утечка персональных и личных данных пользователей;
- компрометация данных и транзакций;
- мошенничество;
- отказ одной из сторон взаимодействия от обязательств;
- атаки на пользователей;
- атаки на системы защиты информационной инфраструктуры;
- атаки на реализацию объектов информационной инфраструктуры;
- перехват управления объектами информационной инфраструктуры;
- отказ в обслуживании;
- кража финансовых средств и их электронных заместителей;
- деструктивные действия вредоносного ПО;
- прерывание ключевых бизнес-процессов.

Таким образом, существование и развитие цифровой экономики невозможно без развитой распределенной информационной архитектуры с безопасными технологиями удаленного доступа, обмена данными и защиты личности участников взаимодействия. Поэтому чтобы создать цифровое производство и обеспечить устойчивое существование и развитие цифровой экономики, необходимо уметь эффективно противодействовать киберугрозам и управлять рисками кибербезопасности.

Управление рисками кибербезопасности цифровой экономики

Процессы управления рисками кибербезопасности цифровой экономики должны учитывать требования к безопасности ключевой информационной инфраструктуры РФ и охватывать все субъекты и объекты информационной инфраструктуры цифровой экономики. Процессы управления рисками реализуются двумя взаимосвязанными и чередующимися видами деятельности (см. рис. 3):

- регламентной оценкой рисков;
- нейтрализацией рисков за счет выбора эффективных и экономичных защитных механизмов и средств.

Рис. 3. Схема управления рисками кибербезопасности информационной инфраструктуры системы цифровой экономики

Регламентная оценка рисков, описывается этапами:

- инвентаризация анализируемых объектов информационной инфраструктуры цифровой экономики;
- выбор методики оценки рисков, может быть количественной, качественной или гибридной;
- идентификация активов;
- анализ угроз и их последствий для отдельных объектов информационной инфраструктуры, бизнес-процессов, субъектов цифрового взаимодействия и все системы в целом;
- определение уязвимостей в защите объектов и субъектов;
- оценка рисков и интерпретация полученных результатов.

Действия по нейтрализации рисков включают:

- выбор стратегии по управлению выявленными рисками;
- принятие допустимых рисков;
- выбор механизмов и дополнительных средств обеспечения безопасности, направленных на устранение выявленных уязвимостей, ликвидацию и уменьшение риска;
- реализация и проверка выбранных мер;
- оценка остаточного риска.

4. Результаты

Поскольку информационная инфраструктура цифровой экономики представляет собой сложную многоуровневую систему, использующую технологии клиент-серверного взаимодействия, распределенного доступа к данным посредством глобальных сетей, то при реализации стратегии управления рисками кибербезопасности необходимо использовать защиту на каждом уровне. При этом необходимо учитывать, что система цифровой экономики является критически важным объектом информационной инфраструктуры, следовательно, при планировании стратегии защиты информации необходимо учитывать требования безопасности к данным объектам.

Защита строится на организационно-административном уровне и техническом (см. рис. 4), соотношение между которыми распределяется в соотношении 70 % и 30 % соответственно.

Задачами организационно-административного уровня являются:

- планирование стратегии и мер обеспечения безопасности;
- разработка и оформление документов, инструкций и политики безопасности для объектов информационной инфраструктуры цифровой экономики;

- внедрение административных мер по защите и контролю действий персонала, уровня защищенности объектов;
- оценка благонадежности и рисков деструктивного поведения субъектов (персонала, пользователей, потребителей услуг) цифровой экономики;
- повышение уровня осведомленности персонала, проведение тренингов;
- контроль качества подготовки и профессиональных компетенций ответственных за защиту информации;
- внедрение технических мер для обеспечения информационной безопасности.

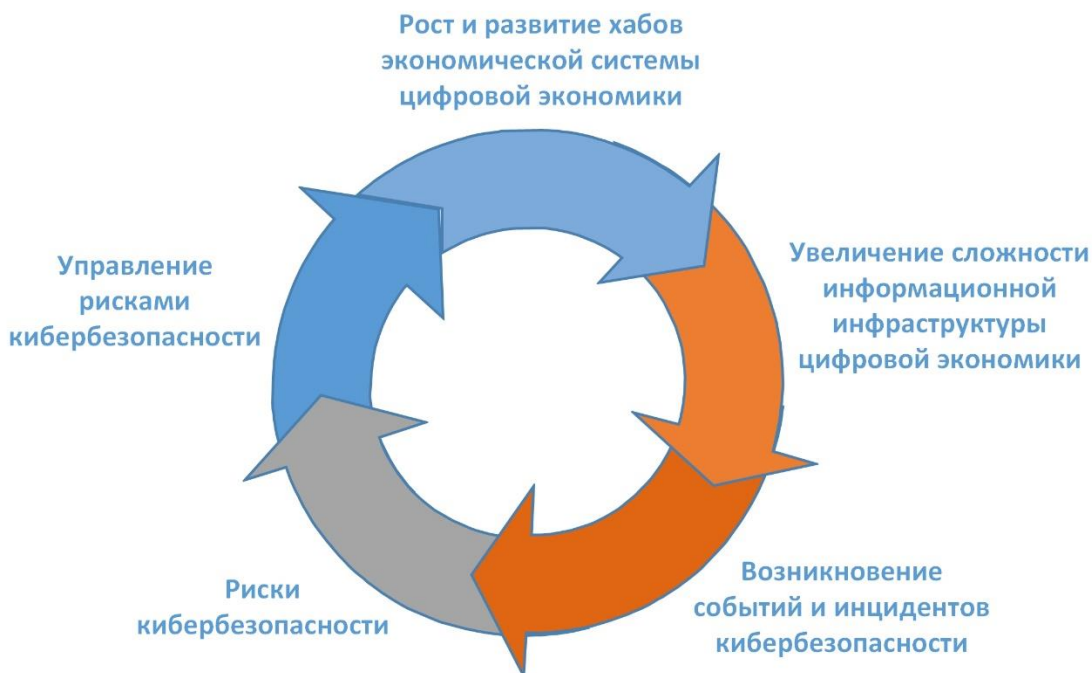
Рис. 4. Уровни обеспечения кибербезопасности информационной инфраструктуры цифровой экономики

Технический уровень защиты объектов информационной-инфраструктуры цифровой экономики подразумевает использование специализированных программных, программно-аппаратных и технических средств защиты. Защита охватывает сетевую безопасность, безопасность программных средств и автоматизированных рабочих мест пользователей, вопросы управления доступом, обеспечения конфиденциальности, целостности данных и транзакций, а также управление непрерывностью бизнеса. Средства образуют интегрированную систему, включающую [15]:

- средства защиты от атак на прикладном уровне (WAF);
- средства однократной и многофакторной аутентификации;
- средства управления идентификационными данными и доступом (IAM);
- средства управления доступом к информации (IRM);
- механизмы контроля доступа к периферийным устройствам и приложениям;
- системы защиты от утечки конфиденциальной информации (DLP)
- инфраструктуры открытых ключей (PKI);

- средства антивирусной защиты;
- механизмы защиты электронной почты от спама, вирусов и других угроз;
- механизмы контентной фильтрации web-трафика;
- средства контроля целостности программных сред;
- средства криптографической защиты при хранении информации;
- системы управления инцидентами и событиями ИБ (SIEM);
- системы управления соответствием требованиям ИБ (Compliance Management);

Целью планирования, проектирования, внедрения, эксплуатации и совершенствования интегрированной системы защиты объектов информационной инфраструктуры цифровой экономики является выполнение требований безопасности регуляторов, минимизация рисков и обеспечение приемлемого уровня защищенности при допустимых затратах (см. рис. 5).

Рис.5. Влияние процессов кибербезопасности на цифровую экономику

Адекватность решения задач, необходимых для достижения поставленной цели будет оказывать непосредственное влияние на экономическую эффективность объектов системы цифровой экономики, развитие отдельных хабов экономической системы цифровой экономики и успешность реализации всей программы «Цифровая экономика» в целом.

5. Заключение

Цифровая экономика представляет собой сложную гетерогенную систему, включающую множество субъектов, объектов информационной инфраструктуры, бизнес-процессов, взаимодействующих между собой и разделенных на хабы. Успешность и рост этой экономической системы невозможны без применения и совершенствования сетей, информационных технологий, систем искусственного интеллекта, что в свою очередь приводит к росту числа событий и инцидентов безопасности. Для противодействия рискам и ущербу от инцидентов необходимо проводить ряд мероприятий, направленных на управление рисками. Для повышения эффективности данных мероприятий предлагается использовать интегрированную систему защиты объектов информационной инфраструктуры, реализованную на организационно-административном и техническом уровнях.

Литература

1. Распоряжение Правительства от 28 июля 2017 года №1632-р. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://m.government.ru/all/28653/>
2. Беркана А. Зачем России цифровая экономика//Rusbase [Электронный ресурс].URL: <https://rb.ru/longread/digital-economy-in-russia/>
3. Материалы конференции Российский Интернет Форум РИФ+КИБ 2017 [Электронный ресурс].URL: <http://2017.russianinternetforum.ru/itogi/>
4. Шмырова В. «Цифровая экономика» обойдется в 520 миллиардов//Издание о высоких технологиях С-news [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2017-12-18_zapusk_tsifrovoj_ekonomiki_obodetsya_v_520_milliardov
5. Введение в «Цифровую» экономику / А.В. Кешелава В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. – ВНИИГеосистем, 2017. –28 с.
6. Сударушкина И.В., Стефанов Н.А. Цифровая экономика // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т.6. №1. С. 182-184.
7. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Е.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки.2017. Т.10. №3. С. 9-25.
8. Цифровая экономика 2016 / Итоговая брошюра исследования Экономика Рунета 2015–2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://raec.ru/live/analytics/9863/>
9. Аткина В.С. Разработка методов, алгоритмов и программы для анализа катастрофоустойчивости информационных систем / Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Южный федеральный университет. Волгоград, 2013.
10. Виттенбург Е.А., Оладько В.С., Пушкарская А.И. Модель оценки безопасности на основе данных мониторинга информационной системы // Информационные системы и технологии. 2017. № 4 (102). С. 87-93.
11. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002-2012 Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Свод норм и правил менеджмента информационной безопасности // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70795320/#ixzz4MOF779bo>
12. Волков А.Н. Кибербезопасность в цифровом мире // Материалы конференции Информационная безопасность в цифровом мире 29 ноября 2017, Финуниверситет г. Москва.
13. Oladko V.S. The model of information security audit in the information system of e-commerce type of B2E // Sochi Journal of Economy. 2016. № 2 (40). С. 117-126.
14. Борзунов А.А. Развитие человеческих ресурсов как ключевой фактор обеспечения экономической безопасности компании в условиях цифровой экономики [Текст] // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2017 г.). Самара: ООО "Издательство АСГАРД", 2017. С. 94-97. URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12799>
15. План мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден Правительственной комиссией по использованию информационных технологий улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18 декабря 2017 г. № 2) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287575/

References

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva ot 28 iyulya 2017 goda №1632-r. Ob utverzhdenii programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs]. URL: <http://m.government.ru/all/28653/>
2. Berkana A. Zachem Rossii tsifrovaya ekonomika//Rusbase [Elektronnyi resurs].URL: <https://rb.ru/longread/digital-economy-in-russia/>
3. Materialy konferentsii Rossiiskii Internet Forum RIF+KIB 2017 [Elektronnyi resurs].URL: <http://2017.russianinternetforum.ru/itogi/>
4. Shmyrova V. «Tsifrovaya ekonomika» oboidetsya v 520 milliardov//Izдание o vysokikh tekhnologiyakh С-news [Elektronnyi resurs].URL: http://www.cnews.ru/news/top/2017-12-18_zapusk_tsifrovoj_ekonomiki_obodetsya_v_520_milliardov

5. Vvedenie v «Tsifrovuyu» ekonomiku / A.V. Keshelava V.G. Budanov, V.Yu. Rumyantsev i dr.; pod obshch. red. A.V. Keshelava; gl. «tsifr.» kons. I.A. Zimnenko. VNIIGeosistem, 2017. 28 p.
6. Sudarushkina I.V., Stefanov N.A. Tsifrovaya ekonomika // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. 2017. T.6. №1. pp. 182-184.
7. Babkin A.V., Burkal'tseva D.D., Kosten' D.G., Vorob'ev E.N. Formirovanie tsifrovoi ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizatsiya, problemy razvitiya // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskije nauki. 2017. T.10, №3. pp. 9-25.
8. Tsifrovaya ekonomika 2016 / Itogovaya broshyura issledovaniya Ekonomika Runeta 2015–2016 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://raec.ru/live/analytics/9863/>
9. Atkina V.S. Razrabotka metodov, algoritmov i programmy dlya analiza katastrofoustoichivosti informatsionnykh sistem// dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata tekhnicheskikh nauk / Yuzhnyi federal'nyi universitet. Volgograd, 2013.
10. Vittenburg E.A., Olad'ko V.S., Pushkarskaya A.I. Model' otsenki bezopasnosti na osnove dannykh monitoringa informatsionnoi sistemy // Informatsionnye sistemy i tekhnologii. 2017. № 4 (102). pp. 87-93.
11. GOST R ISO/MEK 27002-2012 Informatsionnaya tekhnologiya. Metody i sredstva obespecheniya bezopasnosti. Svod norm i pravil menedzhmenta informatsionnoi bezopasnosti// Sistema GARANT. URL: <http://base.garant.ru/70795320/#ixzz4MOF779bo>
12. Volkov A.N. Kiberbezopasnost' v tsifrovom mire//Materialy konferentsii Informatsionnaya bezopasnost' v tsifrovom mire 29 noyabrya 2017, Finuniversitet g. Moskva.
13. Oladko V.S. The model of information security audit in the information system of e-commerce type of B2E // Sochi Journal of Economy. 2016. № 2 (40). pp. 117-126.
14. Borzunov A. A. Razvitie chelovecheskikh resursov kak klyuchevoi faktor obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti kompanii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Tekst] // Problemy sovremennoi ekonomiki: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Samara, avgust 2017 g.). Samara: OOO "Izdatel'stvo ASGARD", 2017. pp. 94-97. URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12799>
15. Plan meropriyatii po napravleniyu «Informatsionnaya bezopasnost'» programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii». Utverzhden Pravitel'stvennoi komissiei po ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologii uluchsheniya kachestva zhizni i uslovii vedeniya predprinimatel'skoi deyatelnosti (protokol ot 18 dekabrya 2017 g. № 2) [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287575/

УДК 33 + 004.056

Проблемы кибербезопасности в условиях внедрения цифровой экономики

Владлена Сергеевна Оладько ^{а,*}

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается такая отрасль развития экономической системы как цифровая экономика. Цифровая экономика является будущей ступенью развития глобальной экономической системы за счет трансформации всех сфер человеческой деятельности под влиянием информационных и телекоммуникационных технологий. Описываются составляющие цифровую экономику хабы. Проводится анализ объектов и субъектов информационной инфраструктуры цифровой экономики, делается вывод о существовании проблем кибербезопасности. Исследуется статистика событий кибербезопасности и проводится их классификация на три группы – нормальные события, аномальные события и опасные события. На основе информационной инфраструктуры и данных о событиях приводится список потенциальных инцидентов кибербезопасности и их последствий для субъектов и объектов цифровой экономики. Раскрываются факторы риска кибербезопасности и стратегии по управлению ими. Формулируется вывод о необходимости

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oladko.vs@yandex.ru (В.С. Оладько)

обеспечения безопасности информационной инфраструктуры на стороне субъектов-потребителей, субъектов-производителей, ядра объектов и удаленных сервисов, сети и каналов связи, хранилищ данных. В заключении автором предлагается схема реализации механизмов защиты от угроз кибербезопасности на двух уровнях: организационно-административном и техническом.

Ключевые слова: цифровое производство, информационная инфраструктура, риск, ущерб, ВВП, электронная коммерция, интернет-рынок.

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 79-93

www.vestnik.sutr.ru

Sustainable Reproduction and Competitiveness of a Regional Tourist Product

Vladimir N. Sharafutdinov ^{a,*}, Elena V. Onischenko ^a

^a Sochi research center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article discusses the expediency of including regional tourist products in the competitiveness assessment objects, which opens new perspectives in improving the management of tourism development in the regions, as it complements and enriches the picture of regional comparisons of the tourist potential by analyzing the effectiveness of its use. The features of the regional tourist product as an object of competitive relations are presented on the basis of the principles of sustainability, integrity and manufacturability. Author's interpretation of the concept of «competitiveness of the regional tour product» is given from the perspective of its sustainable reproduction. The features of this economic category are revealed. According to the authors, the proposed approach will allow not only to more adequately identify the competitive advantages of regional tour products of Russia, but also to come close to investigating ways and practical ways of actively demonstrating the civilizational features and advantages of Russian civilization.

Keywords: tourism, tourist sector of economy, regional tourist product (RTP), competitiveness of the regional tourist product, assessment of the competitiveness of the regional tourist product, sustainable reproduction of the regional tourist product.

1. Введение

Анализу содержания формулировок понятия «конкурентоспособность» (продуктов, отрасли, региона, страны и т.д.) в отечественной и зарубежной экономической литературе уделяется большое внимание. Чаще всего данное понятие рассматривают как «обладание свойствами, создающими преимущества для субъекта экономического соревнования» [1, с. 86]; «способность выдерживать конкуренцию в сравнении с аналогичными объектами в условиях конкретного рынка», «способность удовлетворять потребности (решать проблемы) потребителей на основе производства товаров и услуг, превосходящих конкурентов по требуемому набору параметров» [2, с. 84]; «способность выявлять, создавать, использовать и удерживать конкурентные преимущества в сравнении с другими регионами» [3, с. 179]. Так или иначе, конкурентоспособность связывают либо с внутренней и внешней деятельностью того или иного субъекта (со стороны производителей продуктов), либо с позиций потребителей, представляя две стороны, характеризующие спрос и предложение на конкурентном рынке.

Многие исследователи практически ставят рядом понятия «качество» и «конкурентоспособность», связывая последнюю с двумя основными показателями – уровнем цены и уровнем качества продукции, ставя второй фактор на первое место [4]. Хотя с экономической, технической и других точек зрения, на наш взгляд, некорректно пытаться ставить «качество» и «цену» (как подсистемы) на один уровень с «конкурентоспособностью» (самой системой).

* Corresponding author

E-mail addresses: 398993@gmail.com (V.N. Sharafutdinov), elon@list.ru (E.V. Onischenko)

В последние годы, как за рубежом, так и в России всё чаще стали рассматривать конкурентоспособность отраслей или целого ряда (комплекса) отраслей; сформировалась методология оценки объектов конкурентоспособности в сфере туризма [5-18]. Но конкурентоспособность туристской отрасли в масштабах нашей страны, в основном, продолжают связывать с такими показателями, как экспорт туристских услуг, доходы от туризма, чистый экспорт (разница между расходами российских туристов за рубежом и расходами иностранных туристов в России), показатели туристско-рекреационного потенциала, и, не более того. В то же время, следует отметить, что на мировом туристском рынке конкурируют не отрасли сами по себе, а продукты, базирующиеся на определённых технологиях, в том числе региональные турпродукты (далее – РТП). Однако применительно к региональным турпродуктам понятие «конкурентоспособность» ранее никогда не рассматривалось и не исследовалось. Попробуем самостоятельно определить сущность и особенности данного объекта конкурентоспособности в сфере туризма, опираясь на имеющуюся разработанность темы по данной проблеме с использованием концепции устойчивого воспроизводства применительно к туристскому рынку.

2. Материалы и методы

Информационную базу проведения исследования составили материалы Всемирной туристской организации (UNWTO), Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), Федерального агентства по туризму Министерства культуры РФ, образовательных и научно-исследовательских учреждений РФ, занимающихся данной проблематикой. Статья опирается на материалы журнальных и монографических исследований отечественных и зарубежных ученых, а также результаты собственных исследований авторов, посвящённых проблеме оценки конкурентоспособности объектов в сфере туризма на мезо- и макроуровне. Обоснованность теоретических положений и аргументация выводов, представленных в работе, обеспечивается посредством использования общенаучных методов и специфических экономических приёмов исследования: описательного метода, структурно-функционального анализа, абстрактно-логического метода, метода сравнительного анализа, систематизации и интерпретации данных.

3. Обсуждение

В настоящее время тема конкурентоспособности в экономике туризма в мире на макроуровне исследуется, в основном, посредством Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма (ТТСИ), в котором на основе определенной системы показателей измеряются факторы и политика государства, которые делают ту или иную страну привлекательной для развития туристического бизнеса. Данный индекс широко распространен и пользуется большой популярностью, постоянно обновляется. Подробная его структура с переменными для оценки (всего – 90) представлена в таблице 1. В мировом рейтинге конкурентоспособности индустрии туризма и путешествий в 2017 году России принадлежит 43 место [19].

Таблица 1. Структура и параметры оценки Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма в 2017 г. (ТТСИ)⁴

Субиндексы	Компоненты субиндексов	Переменные
А. Общие благоприятные условия	1.Бизнес-среда	1.1 Права собственности; 1.2 Влияние бизнес-правил на прямые иностранные инвестиции; 1.3 Эффективность правовых рамок в урегулировании споров; 1.4 Эффективность правовых рамок в оспаривании регистров; 1.5 Время, необходимое для получения разрешения на строительство (дней)*; 1.6 Стоимость получения разрешения через

⁴ Составлено на основе источника: [19].

Субиндексы	Компоненты субиндексов	Переменные
		Интернет на строительство (% от стоимости строительства)*; 1.7 Степень доминирования на рынке; 1.8 Время, необходимое для открытия дела (дней)*; 1.9 Стоимость открытия дела (% валового национального дохода на душу населения)*; 1.10 Влияние налогообложения на стимулы к труду; 1.11 Влияние налогообложения на стимулы к инвестированию; 1.12 Общая налоговая ставка, % прибыли*.
	2. Надёжность и безопасность	2.1 Издержки бизнеса из-за преступности и насилия; 2.2 Надёжность полицейских служб; 2.3 Издержки бизнеса, связанные с терроризмом; 2.4 Индекс распространённости терроризма; 2.5 Количество убийств на 100 тыс. населения*.
	3. Здравоохранение и гигиена	3.1 Плотность распределения врачей (на 1 тыс. населения)*; 3.2 Доступ к улучшенным санитарным условиям (% населения)*; 3.3 Доступ к улучшенной питьевой воде (% населения)*; 3.4 Количество больничных коек (на 10 тыс. населения)*; 3.5 Распространённость ВИЧ (% взрослого населения)*; 3.6 Случаи заболеваемости малярией (на 100 тыс. населения)*.
	4. Человеческие ресурсы и рынок труда	4.1 Охват начальным образованием (чистый %)*; 4.2 Охват средним образованием (брутто %)*; 4.3 Уровень подготовки персонала; 4.4 Уровень ориентации на клиента; 4.5 Практики по приёму на работу и увольнению; 4.6 Удобство поиска квалифицированных сотрудников; 4.7 Простота приёма на работу иностранной рабочей силы; 4.8 Оплата и производительность труда; 4.9 Участие женщин в рабочей силе (по отношению к мужчинам)*.
	5. Готовность информационно-коммуникационных технологий	5.1 Использование ИКТ для B-to-B операций; 5.2 Использование Интернет для B-to-C сделок; 5.3 Пользователи Интернет (% населения)*; 5.4 Количество подписчиков на широкополосный доступ в Интернет (на 100 чел. населения)*; 5.5 Количество подписчиков на услуги

Субиндексы	Компоненты субиндексов	Переменные
		мобильной телефонии (на 100 чел. населения)*; 5.6 Количество подписчиков на услуги мобильной широкополосной связи (на 100 чел. населения)*; 5.7 Покрываемость сотовой сетью (% населения)*; 5.8 Качество электроснабжения.
Б. Политика и благоприятные условия в секторе путешествий и туризма	6. Приоритетность туризма и путешествий	6.1 Приоритетность сферы путешествий и туризма в политике; 6.2 Расходы государства на отрасль путешествий и туризма (% государственного бюджета)*; 6.3 Эффективность маркетинга и брендинга для привлечения туристов; 6.4 Полнота (комплексность) статистической отчетности по путешествиям и туризму (0-120 лучшее)*; 6.5 Своевременность предоставления ежемесячных / ежеквартальных данных в сфере путешествий и туризма (0-21 лучшее)*; 6.6 Оценка стратегии бренда (1-10 лучшее)*.
	7. Международная открытость	7.1 Визовые требования (0-100 лучшее)*; 7.2 Открытость двусторонних соглашений о воздушном сообщении (0-38 лучшее)*; 7.3 Число действующих региональных торговых соглашений (количество)*.
	8. Ценовая конкурентоспособность	8.1 Налоги на билеты и аэропортовые сборы (0-100 лучшее)*; 8.2 Индекс гостиничных цен (US\$)*; 8.3 Паритет покупательной способности (%)*; 8.4 Уровень цен на топливо ((US \$ центов / литр)*.
	9. Экологическая устойчивость	9.1 Строгость законодательства в области охраны окружающей среды; 9.2 Соблюдение экологических правил; 9.3 Устойчивость развития индустрии туризма и путешествий; 9.4 Концентрация твердых (взвешенных) частиц (мкг/м3)*; 9.5 Ратификация договора о защите окружающей среды (0-27 лучшее)*; 9.6 Базовый водный стресс (количество используемой воды и количество возобновляемой воды) (5-0 лучшее)*; 9.7 Виды, находящиеся под угрозой вымирания (% от общего числа видов)*; 9.8 Изменения лесного покрова (% изменения)*; 9.9 Очистка сточных вод (%)*; 9.10 Пластовое давление на шельф (тонн / км2)*.

Субиндексы	Компоненты субиндексов	Переменные
В. Инфраструктура	10. Инфраструктура воздушного транспорта	10.1 Качество инфраструктуры воздушного транспорта; 10.2 Пассажирооборот, внутренние перевозки (млн.)*; 10.3 Пассажирооборот, международные перевозки (млн.)*; 10.4 Вылеты самолетов (на 1 тыс. населения)*; 10.5 Плотность аэропортов (количество аэропортов / население, млн. чел)*; 10.6 Количество авиакомпаний (ед.)*.
	11. Наземная и портовая инфраструктура	11.1 Качество дорог; 11.2 Плотность автодорожной сети (% от общей площади территории)*; 11.3 Плотность асфальтированных дорог (% от общей площади территории)*; 11.4 Качество железнодорожной инфраструктуры; 11.5 Плотность железнодорожной сети (км дорог / площадь земли)*; 11.6 Качество портовой инфраструктуры; 11.7 Эффективность наземного транспорта.
	12. Инфраструктура для обслуживания туристов	12.1 Количество гостиничных номеров (на 100 чел. населения)*; 12.2 Качество туристической инфраструктуры; 12.3 Наличие крупных компаний по прокату автомобилей; 12.4 Количество банкоматов (на 1 тыс. взрослого населения).
Г. Природные и культурные ресурсы	13. Природные ресурсы	13.1 Количество объектов природного комплекса Всемирного наследия (мест)*; 13.2 Общее число известных видов (ед.)*; 13.3 Общая площадь охраняемых территорий (% от общей площади территории)*; 13.4 Спрос на онлайн-поиск, связанный с природным туризмом (0-100 лучшее)*; 13.5 Привлекательность природных активов.
	14. Культурные ресурсы	14.1 Число культурных объектов Всемирного наследия (количество сайтов)*; 14.2 Устное и нематериальное культурное наследие (количество выражений)*; 14.3 Количество спортивных стадионов (больших стадионов, ед.)*; 14.4 Количество совещаний Международных ассоциаций (за 3-летний период)*; 14.5 Спрос на онлайн-поиск, связанный с культурно-развлекательным туризмом (0-100 лучшее)*.

Примечание: *отмечены показатели, опирающиеся на полученные количественные данные; остальные показатели обеспечены качественными исследованиями посредством проведения анкетирования и экспертного опроса ведущих бизнес-субъектов индустрии туризма.

В то же время проблему оценки конкурентоспособности применительно к российским регионам в настоящее время наиболее компетентно предлагается решать в основном

посредством Рейтинговой оценка туризма в регионах Российской Федерации, разработанной учёными МГУ В.И. Кружалиным, Н.В. Шабалиной и др. [20, с. 173-190]. Исследователи предлагают использовать три группы индикаторов: 1) индикаторы туристско-рекреационного потенциала регионов РФ; 2) индикаторы социально-экономического развития туристско-рекреационного потенциала регионов РФ; 3) индикаторы активности туристско-рекреационной деятельности в регионах РФ (таблица 3). В свою очередь каждый блок видов индикаторов состоит из набора параметров, активизирующих или лимитирующих развитие туристско-рекреационной деятельности в регионе.

Таблица 2. Индикаторы оценки для рейтинга субъектов РФ по уровню развития туризма (по В.И. Кружалину и др.)

Группы индикаторов	Виды индикаторов
1) Индикаторы туристско-рекреационного потенциала регионов РФ	– природный потенциал региона; – культурно-исторический потенциал региона.
2) Индикаторы социально-экономического развития туристско-рекреационного потенциала регионов РФ	– туристско-рекреационные потребности человека; – уровень жизни и здоровья населения; – инвестиционная привлекательность территории; – нормативно-правовое обеспечение туристской деятельности; – уровень информатизации общества; – качество окружающей среды; – инновативность предприятий региона.
3) Индикаторы активности туристско-рекреационной деятельности в регионах РФ	– доступность туристско-рекреационных услуг потребителя; – геополитическая стабильность и социальная безопасность; – атмосфера гостеприимства; – экономические механизмы стимулирования развития туризма; – предпринимательская активность населения; – институциональная активность (экспертная оценка); – кадровое обеспечение туристской деятельности; – динамика развития индустрии туризма.

Но обе вышеуказанные методики, хотя и дают определённое представление об уровне конкурентоспособности тех или иных регионов, но на наш взгляд, проблема оценки уровня конкурентоспособности остаётся открытой, так как сравниваются в основном пока туристские потенциалы и сложившиеся условия для развития туризма. То есть сравниваются имеющиеся в регионах ресурсы в виде природных, культурно-исторических, определённых видов материальных ресурсов, в виде условий проживания, транспортной инфраструктуры, имеющейся законодательной базы и ряда других характеристик, способных в определённой степени показать определённую обеспеченность пребывания туристов в пространстве сравниваемых стран и регионов.

В то же время, как показывает мировая и отечественная практика развития туризма, нередко при сравнительно похожих туристских потенциалах мы часто наблюдаем большие разбросы в эффективности их использования, как по объёмам турпотоков, генерируемым ими финансовых потоков, так и по состоянию используемых природных и культурных ресурсов, вовлекаемых в создание популярных турпродуктов и т.д. При этом причины различий в эффективности использования, казалось бы, сопоставимых туристских потенциалов порой продолжают оставаться в тени. Хотя и имеются попытки в России выйти на некоторую оценку использования туристских ресурсов. В Рейтинговой оценке туризма в регионах РФ говорится не просто о наличии программ и особых экономических зон, но и их

реализации; о динамике расходов на поддержку малых предприятий в туризме; динамике занятых в туризме; средней заполняемости коллективных средств размещения, статистике международных прибытий и т.д.

Наиболее используемые методики не затрагивают тему соотношения спроса и предложения на создаваемые объёмы товаров и услуг в интересах туристов. Порой рассматривается информация по численности гостиничных номеров, но не уделяется внимание степени их загрузки, комфортности, что весьма важно для понимания того, насколько предлагаемые для проживания туристов условия отвечают потребностям реальных турпотоков. Практически не выражена тема вовлечённости и допустимых рекреационных нагрузок, состояния культурных ресурсов, реальной востребованности спортивных сооружений и т.д.

Всё это указывает на то, что сравнение стран и регионов по сохранению и наращиванию тех или иных видов туристских ресурсов ещё не даёт полной и объективной картины об уровне конкурентоспособности, так как можно располагать серьёзным туристским потенциалом, но использовать его таким образом, что по прошествии определённого периода времени, страны и регионы с гораздо меньшим потенциалом могут быть в гораздо большем выигрыше и по доходам, и по уровню и качеству жизни населения, и по состоянию экологии и т.д.

Вместе с тем, очевидно, что подобных фрагментов явно недостаточно для того, чтобы понять, насколько потенциалы регионов России дают объективное представление об их конкурентоспособности, особенно если эти потенциалы сравнивать с другими регионами мира. Тем более, что эти сопоставления весьма уместны, учитывая природу туризма, а также то, что как призывает практика, наши отечественные туристы эти сопоставления уже хорошо производят самостоятельно. И они зачастую не в пользу наших регионов, даже при наличии у них гораздо более масштабных и многообразных туристских ресурсов, то есть больших потенциалов, судя по тому, что наши выездные потоки зачастую превышают внутренние, в то время как въездные потоки по сравнению с другими регионами мира зачастую явно несопоставимо малы. Всё это указывает на то, что тема конкурентоспособности в сфере туризма далеко не исчерпывается наличием туристского потенциала и поэтому требует дальнейших исследований.

В этой связи мы полагаем целесообразным выдвигать гипотезы о том, что помимо такого объекта конкурентных отношений как туристские потенциалы регионов или характеристики потенциалов дестинаций, необходимо в качестве объекта конкурентных отношений рассматривать и такой объект как *региональный турпродукт* (далее – РТП). Под последним мы понимаем долю создаваемого и реализуемого валового регионального продукта, производство которой в пространстве региона генерируется под воздействием туристского спроса со стороны всего турпотока [21, с. 24]. Причём речь идёт не о зауженном и практикуемом сегодня в России в теории, туристском законодательстве и практике представлении, которое охватывает чуть более десяти направлений деятельности, статистически сфокусированной в основном на туроператорской, гостиничной и ресторанной деятельности, а о гораздо более широком подходе, охватывающем более 50-ти отраслей и сфер экономики регионов страны. Причём не оставляя вне поля зрения и такие характерные для туризма черты турпродуктов, весьма слабо оцениваемые сегодня в стоимостных показателях, но пользующиеся всё более нарастающим спросом, как экологическая чистота, красота ландшафтов, архитектурный облик, сохранившиеся цивилизационные слои, глубина исторических показов и др.

4. Результаты

В этой связи, мы полагаем уместным и целесообразным, прежде чем переходить к попытке выдвигания и обоснования систем показателей эффективности использования туристских потенциалов, попытаться определиться с *особенностями регионального турпродукта как объекта конкурентных отношений*. Ибо, по-видимому, именно из понимания этих особенностей и должны вытекать те характерные принципы и факторы, на основе которых должна быть выстроена адекватная им система показателей, на базе которой можно будет делать полновесные выводы об уровне конкурентоспособности по такому объекту конкурентных отношений как региональный турпродукт. А уже на основе этих выводов иметь не просто полноценные представления об уровне конкурентоспособности регионов и стран в сфере туризма, хотя это само по себе крайне

важно, но и причинах, порождающих различия в уровнях конкурентоспособности предлагаемых туристам услуг и товаров.

По результатам проведённых нами исследований, на наш взгляд, особого внимания заслуживают следующие *особенности регионального турпродукта как объекта конкурентных отношений*.

Во-первых, воспроизводство регионального турпродукта должно быть устойчивым. Неустойчивое воспроизводство РТП, как мы полагаем, по определению не может быть конкурентоспособным, так как оно неизбежно будет носить разовый фрагментарный характер и поэтому такого рода РТП на туристском рынке будут быстро появляться и исчезать со всеми вытекающими отсюда последствиями, как для туристов, так и для создателей такого рода РТП. При этом под устойчивым воспроизводством РТП мы понимаем только такой его тип, в котором все его ключевые воспроизводственные пропорции целенаправленно регулируются в направлении его устойчивого развития, и которое, в свою очередь, должно выверяться динамикой такого ёмкого и обобщающего показателя, как сохранение и наращивание человеческого потенциала регионов-доноров турпотоков. В свою очередь, под устойчивым развитием воспроизводства РТП мы понимаем только такое, в котором обеспечивается целенаправленное регулирование следующих его ключевых воспроизводственных пропорций.

1. Неисчерпаемость и не ухудшение туристской ресурсной базы, вовлекаемой в воспроизводство РТП. Эта туристская ресурсная база не просто должна быть чётко определена по своим качественным и количественным параметрам, но и рассматриваться во взаимосвязи с воспроизводством РТП. Динамика её параметров должна тщательно отслеживаться, как с точки зрения допустимого расхода объёмов и запасов, так и адекватных и достаточных мер по восстановлению и наращиванию на каждом последующем воспроизводственном цикле РТП. При этом основными компонентами туристско-ресурсной базы являются:

- все виды природных ресурсов, вовлекаемые в воспроизводство РТП, начиная с климата, флоры, фауны, в том числе, бальнеологические ресурсы всех видов и категорий, вовлекаемые в создание всего многообразия лечебно-оздоровительных, экологических, охотничьих и многих прочих турпродуктов в составе РТП;

- культурно-исторические ресурсы, включая археологические, бережно сохраняющие предшествующие цивилизационные слои, музеи всех типов, картинные галереи, театры, традиции, все виды культурно-исторических маршрутов в пространстве регионов страны, на основе которых развёрнуто воспроизводство таких типов турпродуктов, как культурно-исторические экскурсионные маршруты, научно-познавательные, этнические, религиозные и многие другие турпродукты;

- социальные ресурсы, включая науку, образование, систему подготовки кадров, качество и уровень жизни местного населения, социальный капитал региона и т.д., вовлекаемые в воспроизводство РТП;

- материальные ресурсы, включающие в себя всю материально-техническую базу отраслей и сфер экономики региона, задействованных в воспроизводстве РТП, продуктами и услугами которых обеспечивается жизнедеятельность туристов. Как правило, речь идёт о материально-технической базе, которая используется совместно с местным населением, но при этом это использование дифференцировано в зависимости от уровня туристской подвижности, то есть исходя из соотношения турист / местный житель, причём в расчёте на пиковые туристско-курортные нагрузки.

2. Важнейшим обстоятельством устойчивого воспроизводства РТП является сопряжённость функционирования, протекания его воспроизводственных фаз. Имеется в виду производство, распределение, обмен и потребление всех компонентов РТП в пространственно-временном континууме региона, как внутри каждого воспроизводственного цикла, так и в отношении взаимосвязи и взаимозависимости последовательных воспроизводственных циклов РТП. При этом важно отметить, что как показали наши исследования, важным инструментом обеспечения этой внутрицикловой и межцикловой сопряжённости воспроизводственных циклов, является брендинг РТП, которое должно прошиваться весь процесс его воспроизводства. При этом, не просто мониторя стыки воспроизводственных фаз на предмет допустимых сочетаний объёмов производства, распределения, обмена и потребления циклов воспроизводства РТП, но и визуализируя в информационном пространстве необходимые с точки зрения привлекательности те или

иные грани РТП. Естественно, что подобного рода брендинг в составе маркетинговой деятельности должно быть органической частью системы управления и регулирования воспроизводством РТП [21].

3. Важной стороной обеспечения устойчивого воспроизводства РТП, как условия его устойчивого развития, является целенаправленное форматирование форм и параметров РТП, то есть *конкурентоспособность регионального турпродукта напрямую зависит от его структуры*. Речь идёт о таких ранее выявленных нами формах РТП:

- функциональная форма с определением основного ядра каждого РТП;
- событийная форма с «вписанием» всех уровней событийных графиков в воспроизводственные циклы РТП;
- производственная форма с распределением и сопряжением во времени и пространстве регионов всех производственных фаз;
- интегративная форма с интегрированием и фокусировкой производственного процесса на регулировании таких основных производственных пропорций РТП, как параметры турпотоков, генерируемые ими параметры финансовых потоков в экономику регионов, доходы и расходы бюджетов регионов, обусловленные функционированием туристского сектора экономики региона, параметры уровня жизни местного населения, влияния РТП на динамику человеческого потенциала регионов-доноров турпотоков и др.

4. Важнейшим фактором обеспечения устойчивости воспроизводства РТП является его адекватность цивилизационным основам региона или страны. Это вытекает из того, что РТП являются духовной и материальной основой «мягкой силы» туризма. Поэтому в РТП необходимо целенаправленно закладывать определенную визуализацию, озвучивание цивилизационного своеобразия РТП и через неё – определённые цивилизационные преимущества страны, её регионов, которые могут быть привлекательными, прежде всего для отечественных туристов. Осуществляться это должно посредством целенаправленной закладки в РТП лучших традиций и культурных особенностей местного населения, уникальности природы, экологической чистоты, архитектурного облика городов и весей, хорошего уровня жизни местного населения и др. Если этого не будет, то устойчивость такого рода регионального турпродукта будет недолговечной. Его востребованность, особенно внутренними туристами, очень быстро исчезнет, и естественно, такой РТП не будет востребован въездными турпотоками, прежде всего со стороны экономически и туристски высокоразвитых регионов и стран, являющихся основными источниками финансовых потоков в экономике туризма.

Во-вторых, из устойчивости воспроизводства регионального турпродукта вытекает такая его особенность как *технологичность*, всё более выпукло проявляющаяся в современных турпродуктах. Важно при этом отметить, что именно данная особенность конкурентоспособности РТП лежит в основе активно разрабатываемых и внедряемых туристских технологических платформ, благодаря которым РТП приобретают всё более мощные конкурентные преимущества, прежде всего в пространстве экономически высокоразвитых стран. Это обусловлено тем, что все компоненты РТП, начиная с продуктов и услуг транспорта, размещения, питания, связи, финансов, АПК, культуры, образования, современной науки, экономики, архитектуры, строительства, экологии, безопасности и т.д., по всем, без исключения, направлениям развития туризма в регионе, должны быть органично и сопряжённо загружены на создаваемые туристские технологические платформы.

И такая постановка задач на настоящем этапе развития экономики, её информатизации и внедрения современных технологий – уже не отвлечённые фантазии. Так, первые контуры такого подхода уже начинают прорабатываться и реализовываться в теории и практике развития туризма в нашей стране. Например, впервые в России компания Национальный исследовательский институт технологий и связи (НИИТС), «дочка» бизнесмена Виталия Юсуфова, разработала и приступает к реализации первого этапа Концепции «Умный город Сочи». В ней речь идёт о начале разработки такой Туристской технологической платформы, которая позволяла бы, помимо электронного реестра средств размещения и туристических ресурсов, «учитывать прибывающих и уезжающих туристов, а также их расходы, поддерживать процесс подбора билетов, заказ транспорта, мест проживания, питания, развлечения, помогать продвигать турпродукт посредством фото- и видеоматериалов, виртуальных туров и дополненной реальности» и т.д. [22]. Иными словами, речь идёт уже о начале проработки такого контура форм и параметров сочинского

турпродукта, которые бы действительно начинали целенаправленно регулироваться с позиций достижения уровня конкурентоспособности региональных турпродуктов курортных регионов мирового уровня.

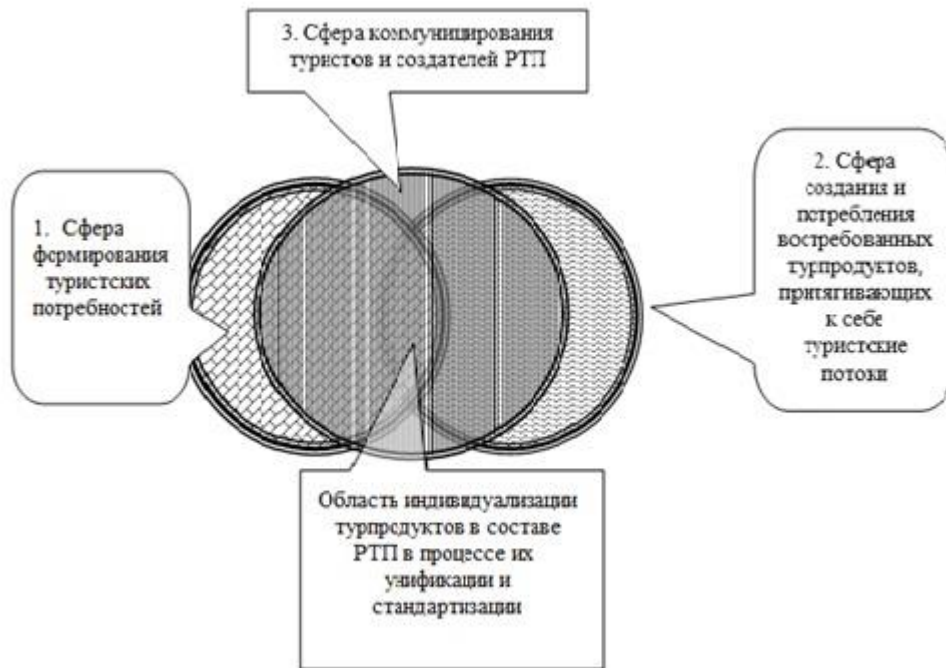
Иными словами, *конкурентоспособность регионального турпродукта не появляется сама по себе с рождением турпродуктов в пространстве того или иного региона, а является итогом целенаправленной хорошо сопряжённой совместной деятельности всех участников туристского сектора экономики региона по обеспечению конкурентных преимуществ создаваемого регионального турпродукта*. И весь перечень товаров и услуг, предлагаемых туристам, должен быть технологически сопряжен. Только таким образом может осуществляться целенаправленное форматирование параметров воспроизводства функциональных, событийных, воспроизводственных и интегративных форм регионального турпродукта во всём пространственно-временном континууме регионов.

Естественно, всё это должно находить своё отражение в стратегировании развития туристского сектора экономики регионов, в формировании единой туристской политики, оформленной в согласованных стратегических документах развития туристского сектора экономики региона, едином зонтичном региональном туристском бренде и т.д. [23]. И чем технологичнее будет налажено взаимодействие между всеми участниками туристского сектора экономики, вне зависимости от величины перечня отраслей экономики региона в него входящих, тем больше будет проявляться целостных характеристик регионального турпродукта и, тем выше вероятность повышения его конкурентоспособности за счёт создания тех или иных конкурентных преимуществ. Тем более, что современный этап глобализации мировой экономики, её информатизации, образования сетей, оцифровки отраслей экономики показывают, что в недрах высокоразвитых экономик вертикальные иерархические системы и традиционные торговые посредники начинают вытесняться «самоуправляемыми сетевыми системами, построенными на горизонтальных связях и непрерывных согласованиях», становясь на постиндустриальной стадии одновременно и показателем её достижения и «новым мотором экономического роста» [24].

С этих позиций технологичность, как свойство конкурентоспособного регионального турпродукта, постепенно выдвигает на передний план современной экономики туристский сектор экономики страны и регионов, так как во главу угла гуманитарных технических технологий ставятся задачи, решения которых должны обеспечивать «жизнедеятельность и здоровье человека, сбережение природных ресурсов и охрану окружающей среды» [25, с. 48]. В этой связи вряд ли является случайным то, что в 2013 г. крупнейшая в мире международная конференция по вопросам развития культуры определила туризм одной из «самых креативных» отраслей мировой экономики [26].

В-третьих, из таких свойств регионального турпродукта, как устойчивость и технологичность, вытекает *свойство единства процесса потребления и производства РТП*. В этой связи процесс воспроизводства регионального турпродукта в самом общем виде представляет собой не просто «системно-содержащее пространство», начавшее приобретать свою «внешнюю целостность и внутреннее многообразие» в последние десятилетия [27, с. 8], но, одновременно, включает в себя как минимум три сферы тесно взаимосвязанных групп отношений: 1) сфера формирования туристских потребностей; 2) сфера создания и потребления туристских продуктов; 3) сфера коммуницирования, в которой происходит форматирование параметров регионального турпродукта (рис. 1).

Рис. 1. Особенности создания и потребления регионального турпродукта в процессе его воспроизводства

Таким образом, третье свойство РТП, как объекта конкурентных отношений, характеризует его высокую степень взаимозависимости от степени удовлетворения разноплановой и противоречивой совокупности потребностей туристов, и органического единства стратегии и тактики развития туристского сектора экономики регионов, где создаются РТП. Стратегия развития туристского сектора экономики региона должна обеспечиваться современной методологией стратегирования развития. Сюда входит формирование стратегических целей и задач на долговременные временные горизонты (15-25 лет), формирование флагманских проектов, реализация которых может дать возможность достигнуть намеченные рубежи [23].

Оперативный, тактический уровень – это текущее регулирование ключевых параметров процесса воспроизводства регионального турпродукта. Но уже строго в русле очерченных стратегических намерений, намеченных проектов и мер по их реализации. Например, стратегические намерения достичь равномерного распределения турпотоков в пространстве региона могут практически реализовываться только чётким текущим мониторингом растекания турпотоков в пространстве региона и одновременно отработкой и реализацией мер по их расконцентрации, когда это необходимо.

То же самое должно иметь место по отношению к оперативному маркетинговому мониторингу сопряженности и сбалансированности протекания всех фаз процесса воспроизводства РТП (производства, распределения, обмена и потребления) в пространственно-временном континууме региона [28, с. 293-299]. На его основе должен выверяться не только реальный ход стратегических намерений, но, при необходимости, сами эти намерения должны корректироваться применительно к последующему новому годовому циклу воспроизводства РТП, в котором будут корректироваться, например, объёмы производства тех или иных видов турпродуктов, параметры их распределения в пространстве пребывания туристов, цена и др.

При этом нельзя выпускать из поля зрения, что свойства РТП, как объекта конкурентных отношений также зависят от стадии жизненного цикла, на которой находится в рассматриваемый период региональный турпродукт. В этой связи, необходимо использовать весь маркетинговый комплекс для формирования сбалансированного «продуктового портфеля» туристского сектора экономики региона, в том числе, применяя технологии продления и различные формы жизненного цикла продуктов в целях обеспечения устойчивых трендов реализации региональных турпродуктов, что равносильно устойчивому, но сбалансированному росту в регион турпотоков.

Необходим также обязательный мониторинг использования всей туристской ресурсной базы, вовлекаемой в воспроизводство РТП, которого до настоящего времени в России практически нет. В большинстве регионов рекреационно-туристской специализации отсутствуют также и целостные контуры, параметры совокупной туристской ресурсной базы, вовлекаемой в ежегодный процесс воспроизводства РТП.

5. Заключение

Из всей этой многообразной, но систематизированной информационной базы, отражающей состояние туристско-рекреационного потенциала региона и параметры РТП, и должна нарабатываться аналитика, на основе которой нужна адекватная сложности объекта воспроизводства РТП система управления и регулирования его воспроизводственными пропорциями. Это предполагает комплексное системное использование методов прикладного системного анализа, статистики, маркетинга и других, по результатам которых полученная информация должна оперативно сопоставляться с аналогичными данными по региональным турпродуктам других регионов. Результаты конкурентного анализа позволят отрабатывать и реализовывать меры по совершенствованию управления воспроизводством РТП, в том числе посредством внедрения современных Туристских технологических платформ, без которых выдерживать конкуренцию со стороны туристски привлекательных и экономически развитых стран уже практически невозможно.

При этом важно отметить, что определение конкурентоспособности по показателям воспроизводства РТП не подменяет оценку конкурентоспособности дестинаций по показателям туристских потенциалов, а развивает оценочную базу, делает её более полной, емкой и адекватной. Иными словами, переводя оценку конкурентоспособности в таком стремительно развивающемся секторе, как туристский сектор отечественной и мировой экономики с плоскости определения нарастающих туристских потенциалов регионов и стран в иную плоскость – плоскость оценок эффективности использования этих потенциалов, технологий их преобразования в востребованные РТП посредством регулирования их форм и ключевых параметров.

Всё это может позволить обеспечить региону устойчивое экономическое развитие, создаст условия для маневренного использования капитала при осуществлении инновационной деятельности и позволит РТП устойчиво воспроизводиться за счёт видоизменения своих форм и структурных преобразований при сохранении основных констант на уровне «ядра», его цивилизационных основ и нарабатываемых цивилизационных преимуществ.

С этих позиций, мы приходим к выводу, что *конкурентоспособность регионального турпродукта* – это экономическая категория, отражающая способность региона эффективно управлять своим туристско-рекреационным потенциалом с целью обеспечения устойчивого воспроизводства регионального турпродукта, способного выдерживать конкуренцию с турпродуктами аналогичного уровня и масштаба на национальном и мировом туристских рынках. Иными словами, *конкурентоспособность РТП* – это его востребованность со стороны потребителей и способность к устойчивому воспроизводству в соответствии с требованиями (императивами) мировых рынков и цивилизационными вызовами современности.⁵ Обеспечение процесса устойчивого воспроизводства регионального турпродукта является *главным фактором*, влияющим на его конкурентоспособность.

На сегодняшний день определёнными полномочиями для выполнения данной функции располагает сложившаяся система управления туристским сектором экономики России, которая включает три иерархических уровня: федеральный, региональный и муниципальный, с наличием, как государственных органов власти, так и различных общественных организаций. Однако говорить о высокой степени эффективности функционирования этой системы, несмотря на предпринимаемые попытки её совершенствования со стороны государства, пока приходится говорить с большой осторожностью, так как теория и практика оценки конкурентоспособности региональных турпродуктов пока фактически находится на начальной стадии развития.

⁵ Авторская трактовка Е.В. Онищенко.

Литература

1. Бекетов Н.В. Понятие конкурентоспособности и его эволюция // Маркетинг в России и за рубежом. 2007. №6. С. 83-86.
2. Васильева З.А. Иерархия понятий конкурентоспособности субъектов // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. №4. С. 83-90.
3. Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты. Под ред. Ю.К. Перского, Н.Я. Калужновой. М.: ТЕИС, 2003. 472 с.
4. Ребрин Ю.И. Управление качеством. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. 174 с.
5. Bordas E. Competitiveness of tourist destinations in long distance markets // *The Tourist Review*. 1994. №3, pp. 3-9.
6. Tefertiller K.R., Ward R.W. Revealed comparative production advantage: Implications for competitiveness in Florida's vegetable industry // *Agribusiness*, 1995. №11 (2), pp.105-115.
7. Clark J., Guy K. Innovation and competitiveness: A review. // *Technology Analysis & Strategic Management*. 1998. № 10 (3), pp. 363-395.
8. Cizmar S., Weber S. Marketing effectiveness of the hotel industry in Croatia // *International Journal of Hospitality Management*. 2000. №19 (3), pp. 227-240.
9. Hassan S. Determinants of market competitiveness in an environmentally sustainable tourism industry // *Journal of Travel Research*. 2000. №38 (3), pp. 239-245.
10. D'Hauteserre A.-M. Lessons in managed destination competitiveness: the case of Foxwoods Casino Resort // *Tourism Management*. 2000. № 21(1), pp. 23-32.
11. Heath E. Towards a model to enhance destination competitiveness: A Southern African perspective // *Proceedings of CAUTHE 2003 National Research Conference*. Coffs Harbour. Australia. 2003. February 5-8.
12. Ritchie J.B., Crouch G.I. *The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Prospective*. CABI Publishing. 2003.
13. Dwyer L., Kim C. Destination competitiveness: Determinants and indicators // *Current issues in Tourism*. 2003. Vol. 6, No. 5, pp. 369-414.
14. Newman N.C., Porter A.L., Roessner J.D., Kongthong A., Jin X. (2005). Differences over a decade: High tech capabilities and competitive performance of 28 nations // *Research Evaluation*. 2005. №14 (2). pp. 121-128.
15. Crouch G.I. Destination competitiveness and attribute determinance. // *First Conference of International Association for Tourism Economics*. Palma. Mallorca. Spain. 2007. October 25-28.
16. Ritchie J.B., Crouch G.I. «A Model of Destination Competitiveness and Sustainability» in Wang, Y. and Pizam, A. (Eds.). *Tourism Destination Marketing and Management: Theories and applications*. 2011. pp. 326-339.
17. Cernat L., Gourdon J. Paths to success: Benchmarking cross-country sustainable tourism // *Tourism management*. 2012. Oct. Vol. 33. No. 5. pp. 1044-1056. DOI: 10.1016/j.tourman.2011.12.007
18. Hanafiah M.H., Hemdi M.A., Ahmad I. Reflections on Tourism Destination Competitiveness (TDC) Determinants // *Advanced Science Letters*. 2015. Vol. 21. No. 5, pp. 1571-1574.
19. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017> (дата обращения 10.01.2018).
20. Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Новиков В.С. Технологии управления и саморегулирования в сфере туризма. М.: Диалог культур, 2014. 328 с.
21. Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В. Брендинг в создании и продвижении регионального турпродукта (на примере Крыма и Краснодарского края) // *Известия Сочинского государственного университета*. 2015. №2 (35). С. 121-130. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1440325957.pdf
22. Компания Юсуfoва разработала стратегию «умного города» для Сочи Подробнее на РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/11/2017/5a0c2a1d9a7947f8ff0152cb?from=main (дата обращения: 19.12. 2017)
23. Сорокин Д.Е., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В. О проблемах стратегирования развития туризма в регионах России (на примере Краснодарского края и города-курорта Сочи) // *Экономика региона*. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 764-776. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-10>. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2017/September_2017/ERSeptember2017_764_776.pdf

24. Смородинская Н. Инновационная экономика: от иерархий к сетевому укладу // Вестник Института экономики Российской Академии наук. 2013. № 2. С. 90-92.
25. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. 2-изд., доп. М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2005.
26. «Декларация Ханчжоу» знаменует новую эру в развитии человечества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/resources/the-hangzhou-declaration-heralding-the-next-era-of-human-development/> (дата обращения: 03.02.2018)
27. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4-28.
28. Крым: новый вектор развития туризма в России: монография / В.Н. Шарафутдинов, И.М. Яковенко, Е.А. Позаченюк, Е.В. Онищенко; под ред. В.Н. Шарафутдинова. М.: ИНФРА-М, 2017. 364 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znaniium.com>]. (Научная мысль). www.dx.doi.org/10.12737/24213

References

1. Beketov N.V. Ponyatie konkurentosposobnosti i ego evolyutsiya // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2007. №6. pp. 83-86.
2. Vasil'eva Z.A. Ierarkhiya ponyatii konkurentosposobnosti sub"ektov // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2006. №4. pp. 83-90.
3. Konkurentosposobnost' regionov: teoretiko-prikladnye aspekty. Pod red. Yu.K. Perskogo, N.Ya. Kalyuzhnoyi. M.: TEIS, 2003. 472 p.
4. Rebrin Yu.I. Upravlenie kachestvom. Taganrog: Izd-vo TRTU, 2004. 174 p.
5. Bordas E. Competitiveness of tourist destinations in long distance markets // The Tourist Review. 1994. № 3, pp. 3-9.
6. Tefertiller K.R., Ward R.W. Revealed comparative production advantage: Implications for competitiveness in Florida's vegetable industry // Agribusiness, 1995. №11 (2), pp. 105-115.
7. Clark J., Guy K. Innovation and competitiveness: A review. // Technology Analysis & Strategic Management. 1998. № 10 (3), pp. 363-395.
8. Cizmar S., Weber S. Marketing effectiveness of the hotel industry in Croatia // International Journal of Hospitality Management. 2000. №19 (3), pp. 227-240.
9. Hassan S. Determinants of market competitiveness in an environmentally sustainable tourism industry // Journal of Travel Research. 2000. №38 (3), pp. 239-245.
10. D'Hauteserre A.-M. Lessons in managed destination competitiveness: the case of Foxwoods Casino Resort // Tourism Management. 2000. № 21(1), pp. 23-32.
11. Heath E. Towards a model to enhance destination competitiveness: A Southern African perspective // Proceedings of CAUTHE 2003 National Research Conference. Coffs Harbour. Australia. 2003. February 5-8.
12. Ritchie J.B., Crouch G.I. The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Prospective. CABI Publishing. 2003.
13. Dwyer L., Kim C. Destination competitiveness: Determinants and indicators // Current issues in Tourism. 2003. Vol. 6, No. 5, pp. 369-414.
14. Newman N.C., Porter A.L., Roessner J.D., Kongthong A., Jin X. (2005). Differences over a decade: High tech capabilities and competitive performance of 28 nations // Research Evaluation. 2005. №14 (2). pp. 121-128.
15. Crouch G.I. Destination competitiveness and attribute determinance. // First Conference of International Association for Tourism Economics. Palma. Mallorca. Spain. 2007. October 25-28.
16. Ritchie J.B., Crouch G.I. «A Model of Destination Competitiveness and Sustainability» in Wang, Y. and Pizam, A. (Eds.). Tourism Destination Marketing and Management: Theories and applications. 2011. pp. 326-339.
17. Cernat L., Gourdon J. Paths to success: Benchmarking cross-country sustainable tourism // Tourism management. 2012. Oct. Vol. 33. No. 5. pp. 1044-1056. DOI: 10.1016/j.tourman.2011.12.007
18. Hanafiah M.H., Hemdi M.A., Ahmad I. Reflections on Tourism Destination Competitiveness (TDC) Determinants // Advanced Science Letters. 2015. Vol. 21. No. 5, pp. 1571-1574.
19. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017> (data obrashcheniya 10.01.2018).

20. Kruzhalin V.I., Shabalina N.V., Aigina E.V., Novikov V.S. Tekhnologii upravleniya i samoregulirovaniya v sfere turizma. M.: Dialog kul'tur, 2014. 328 p.
21. Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V. Brending v sozdanii i prodvizhenii regional'nogo turprodukta (na primere Kryma i Krasnodarskogo kraya) // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №2 (35). pp. 121-130. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1440325957.pdf
22. Kompaniya Yusufova razrabotala strategiyu «umnogo goroda» dlya Sochi Podrobnее na RBK. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/11/2017/5a0c2a1d9a7947f8ff0152cb?from=main (data obrashcheniya: 19.12. 2017)
23. Sorokin D.E., Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V. O problemakh strategirovaniya razvitiya turizma v regionakh Rossii (na primere Krasnodarskogo kraya i goroda-kurorta Sochi) // Ekonomika regiona. 2017. T. 13, vyp. 3. pp. 764-776. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-10>. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2017/September_2017/ERSeptember2017_764_776.pdf
24. Smorodinskaya N. Innovatsionnaya ekonomika: ot ierarkhii k setevomu ukkladu // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi Akademii nauk. 2013. № 2. pp. 90-92.
25. Rossiya – 2050: strategiya innovatsionnogo proryva / B.N. Kuzyk, Yu.V. Yakovets. 2-izd., dop. M.: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika»», 2005.
26. «Deklaratsiya Khanchzhou» znamenuet novuyu eru v razvitii chelovechestva. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/resources/the-hangzhou-declaration-heralding-the-next-era-of-human-development/> (data obrashcheniya: 03.02.2018)
27. Kleiner G. Sistemnaya ekonomika kak platforma razvitiya sovremennoi ekonomicheskoi teorii // Voprosy ekonomiki. 2013. № 6. pp. 4-28.
28. Krym: novyi vektor razvitiya turizma v Rossii: monografiya / V.N. Sharafutdinov, I.M. Yakovenko, E.A. Pozachenyuk, E.V. Onishchenko; pod red. V.N. Sharafutdinova. M.: INFRA-M, 2017. 364 p. + Dop. materialy [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.znaniium.com>]. (Nauchnaya mysl'). www.dx.doi.org/10.12737/24213

УДК 338.48

Устойчивое воспроизводство и конкурентоспособность регионального турпродукта

Владимир Насибуллович Шарафутдинов ^{a,*}, Елена Васильевна Онищенко ^a

^a Сочинский научно-исследовательский центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность включения в объекты оценки конкурентоспособности региональных турпродуктов, что раскрывает новые перспективы в совершенствовании управления развитием туризма в регионах, так как дополняет и обогащает картину сравнений регионов по туристскому потенциалу анализом эффективности его использования. Представляются особенности регионального турпродукта как объекта конкурентных отношений на основе принципов устойчивости, целостности и технологичности. Дается авторская трактовка понятия «конкурентоспособность регионального турпродукта» с позиции его устойчивого воспроизводства. Раскрываются особенности данной экономической категории. По мнению авторов, предложенный подход позволит не только более адекватно выявлять конкурентные преимущества региональных турпродуктов России, но и вплотную подойти к исследованию путей и практических способов активной демонстрации цивилизационных особенностей и преимуществ российской цивилизации.

Ключевые слова: туризм, туристский сектор экономики, региональный турпродукт (РТП), конкурентоспособность регионального турпродукта, оценка конкурентоспособности регионального турпродукта, устойчивое воспроизводство регионального турпродукта.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 398993@gmail.com (В.Н. Шарафутдинов), elon@list.ru (Е.В. Онищенко)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 94-100

www.vestnik.sutr.ru

UDC 336.142

Problems of Regional Budgetary-Tax Policy on the Example of the Krasnodar Region

Denilbek S. Temirov ^{a, *}, Zaira D. Temirova ^a

^a Russian State Hydrometeorological University (RSHU), filial agency in the city of Tuapse, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the structure of the distribution of tax revenues between the levels of the budget system of the Krasnodar region. The analysis revealed the following main problems:

1. Local budgets are characterized by low levels of sustainability and autonomy;
2. Intergovernmental relations in the Krasnodar region are centralized. This provokes dependency in the municipalities.

Regional fiscal policy should increase the interest of municipalities in increasing their tax revenues. This goal will be achieved if the structure of the distribution of tax revenues between the budget of the Krasnodar region and the budgets of municipalities is changed. More precisely, the increase in allocations to local budgets.

Keywords: budgetary and fiscal policy, budgets of RF subjects, local budgets, intergovernmental transfers.

1. Введение

Бюджетно-налоговая политика занимает основополагающее место в финансовой политике, проводимой государством, так как именно она определяет количественные параметры доходов и расходов бюджетов всех уровней, формирует налоговую систему, не являющуюся обременительной для субъектов экономической деятельности, но в достаточной мере обеспечивающей основные потребности в финансовых средствах бюджетной системы государства.

2. Материалы и методы

В качестве источников при написании статьи использовались результаты исследований теоретико-прикладного характера отечественных учёных по аналогичной проблеме, данные открытого бюджета Краснодарского края. Использовались статистические методы анализа, методы классификации и группировки данных.

3. Обсуждение

Составной и основополагающей частью финансовой политики любого уровня является бюджетно-налоговая политика.

Главной целью бюджетной и налоговой политики в Краснодарском крае является обеспечение мер, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие Краснодарского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: zo.temirova@gmail.com (Z.D. Temirova)

Основными приоритетами бюджетной политики являются обеспечение населения доступными и качественными государственными и муниципальными услугами, социальными гарантиями, адресное решение социальных вопросов, создание благоприятных и комфортных условий для проживания.

Основными приоритетами налоговой политики являются создание условий для дальнейшего расширения потенциала сбалансированного развития Краснодарского края, обеспечения роста доходной части консолидированного бюджета Краснодарского края за счет повышения качества администрирования доходов бюджета и собираемости налогов, эффективного использования государственного и муниципального имущества.

Для успешного достижения приоритетных целей основными задачами бюджетно-налоговой политики Краснодарского края в должны стать в первую очередь обеспечение сбалансированности и устойчивости краевого бюджета, поддержка инвестиционной активности хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на территории Краснодарского края.

В целях обеспечения поступления в консолидированный бюджет Краснодарского края налоговых и неналоговых доходов в 2018–2020 годах предполагается проведение следующих работ:

- обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия исполнительных органов государственной власти Краснодарского края, органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по вопросам мобилизации доходов в консолидированный бюджет Краснодарского края;

- оказание содействия в совершенствовании информационных ресурсов налоговых органов, иных федеральных ведомств и регистрирующих органов в части актуализации содержащейся в базе данных информации об объектах налогообложения и их правообладателях;

- совершенствование взаимодействия с финансовыми органами в Краснодарском крае с целью качественного формирования прогнозных показателей поступлений в бюджет и выполнение плановых назначений

- стимулирование предпринимателей к легализации доходов, в том числе в рамках предоставленных полномочий органам местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края по установлению экономически обоснованных ставок единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности и корректирующего коэффициента базовой доходности, учитывающего особенности ведения предпринимательской деятельности;

- проведение информационной кампании, направленной на повышение налоговой грамотности населения, привлечение граждан к предоставлению информации о случаях нарушения земельного законодательства и законодательства о государственной регистрации недвижимости, а также побуждение их к своевременному исполнению платежных обязательств [1].

Низкий уровень бюджетно-налоговой автономии (что видно из таблицы 1) муниципальных образований является не только серьезным препятствием проведения качественной работы по созданию благоприятных условий экономического развития и как следствие повышению уровня жизни населения, но и значительно снижает заинтересованность администраций муниципальных образований в активном сотрудничестве с основными администраторами налоговых и неналоговых доходов по повышению уровня поступлений в консолидированный бюджет.

Так, например, согласно исследованию международной Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА) объем теневой экономики в России составляет 39 % от ВВП 2016 г. Открытые данные Росстата об уровне теневой экономики в России не опубликованы. [2]

Не менее тревожные данные о теневой (не криминальной) занятости российских граждан. По разным оценкам уровень неформальной (не криминальной) занятости в 2016 году составлял от 21,2 % (данные Росстата) до 44,8 % (исследование РАНХиГС) от общего количества занятого населения. [3] По данным Росстата уровень скрытого фонда оплаты труда в 2015 году составил 13,4 % ВВП и постоянно растет с 2011 года.

Снижение уровня теневой экономики и неформальной занятости существенно повысит налоговые поступления в бюджеты всех уровней.

Однако это возможно только при эффективном взаимодействии администрации муниципальных образований с администратором налоговых доходов, проведении активной инвестиционной политики, реальном участии представителей муниципальных образований при формировании бюджетов.

Таблица 1. Распределение налоговых и неналоговых доходов по уровням бюджетной системы Краснодарского края по состоянию на 01.01.2018

Показатель	Консолидированный бюджет, млн руб	Местные бюджеты, млн руб	Доля поступлений в местные бюджеты в общей сумме поступлений, %
Всего поступлений	296 894,33	136 884,91	46,08
Налоговые и неналоговые доходы	252 577,39	60 837,27	24,09
Налоговые доходы	234 570,83	48 691,22	20,76
Налог на прибыль организаций	51 905,87	2 595,29	5,00
Налог на доходы физических лиц	85 869,84	27 290,98	31,78
Акцизы	24 541,12	1 566,71	6,38
Налог на имущество физических лиц	2 096,46	2 096,46	100,00
Налог на имущество организаций	32 754,22	0	0,00
Транспортный налог	6 355,77	0	0,00
Земельный налог	7 579,76	7 579,76	100,00
Налог на игорный бизнес	412,29	0	0,00
Налог на добычу полезных ископаемых	149,61	0	0,00
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов	4,60	0	0,00
Государственная пошлина	1 826,48	1 490,29	81,59
Задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам	3,39	1,16	34,22
Неналоговые доходы	18 006,56	12 146,05	67,45
Дивиденды по акциям	132,25	24,24	-
Проценты от предоставления бюджетных кредитов	0,60	4,09	-
Платежи от унитарных предприятий	62,99	39,34	-
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	371,28	214,95	-
Платежи за пользование недрами	9,62	0	-
Плата за использование лесов	56,96	0	-

Административные платежи и сборы	24,14	0,16	-
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	3 182,65	785,21	-
Прочие неналоговые доходы, в том числе невыясненные	438,68	423,51	-
Безвозмездные поступления	44 316,94	75 933,72	-

Источник: составлен автором по данным «Открытый бюджет Краснодарского края» (<http://budgetkubani.ru>)

Как отмечает А.И. Поварова «подводя итог вышесказанному, можно резюмировать, что вопреки фундаментальным принципам бюджетного федерализма, закрепляющим единство общегосударственных, региональных и местных интересов, усиление централизации доходов в бюджетах вышестоящих уровней превращается в один из решающих факторов дестабилизации муниципальных бюджетов» [4].

В целях повышения обеспеченности и устойчивости бюджетов местного уровня изменения в распределении налоговых доходов должны коснуться в первую очередь таких налогов как налог на прибыль организаций и налог на доход физических лиц.

Низкий уровень отчислений в бюджет местного уровня приводит, как упоминалось выше, к низкому уровню финансовой автономии и к высокой зависимости от межбюджетных трансфертов из регионального уровня бюджетной системы, что видно из таблицы 2. В таблице 3 наглядно показана доля межбюджетных трансфертов в общей сумме поступлений в разрезе муниципальных образований Краснодарского края. Из которой видно, что уровень данных поступлений очень высок и находится в рамках от 40,33 % до 75,1 %. Из чего можно сделать вывод, что межбюджетные отношения в Краснодарском крае носят централизованный характер скорее сглаживающую функцию, провоцируют иждивенческие настроения в муниципальных образованиях. Основной причиной данных явлений выступает нерациональное распределения доходов консолидированного бюджета Краснодарского края.

Таблица 2. Перечисление межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований по состоянию на 01.01.2018

Межбюджетные трансферты, млн руб	Дотации, млн руб	Субвенции, млн руб	Субсидии, млн руб	Иные бюджетные трансферты, млн руб	Доля межбюджетных трансфертов в общей сумме поступлений в местные бюджеты, %
74 574,20	4 039,30	50 363,15	18 345,30	1 826,45	54,5

Источник: составлен автором по данным «Открытый бюджет Краснодарского края» (<http://budgetkubani.ru>)

Таблица 3. Межбюджетные трансферты, передаваемые из краевого бюджета в бюджеты муниципальных образований Краснодарского края по состоянию на 01.01.2018

	Межбюджетные трансферты, млн руб	Доходы, млн руб	Доля межбюджетных трансфертов в общем объеме доходов, млн руб
город-курорт Геленджик	1273,99	3158,55	40,33
Темрюкский	1310,77	3217,18	40,74

город-курорт Сочи	6308,67	13979,98	45,13
г. Новороссийск	3514,22	7241,57	48,53
Туапсинский	1698,79	3424,14	49,61
город-курорт Анапа	2211,96	4221,30	52,40
г. Краснодар	16078,44	30574,44	52,59
Тбилисский	649,92	1225,70	53,02
Ейский	1554,67	2911,85	53,39
Новопокровский	611,18	1142,27	53,51
Тимашевский	1253,92	2330,01	53,82
Выселковский	911,82	1679,18	54,30
Куцевский	937,08	1692,21	55,38
Тихорецкий	1357,99	2450,72	55,41
Кореновский	1148,25	2042,08	56,23
Белоглинский	480,46	848,87	56,60
Щербиновский	532,94	937,49	56,85
Приморско-Ахтарский	671,97	1170,97	57,39
Северский	1437,85	2465,36	58,32
Славянский	1847,09	3167,02	58,32
Динской	1587,53	2719,45	58,38
Абинский	1202,38	2053,14	58,56
Крымский	1549,46	2623,24	59,07
Кавказский	1422,47	2369,48	60,03
Красноармейский	1231,94	2045,27	60,23
Каневской	1343,13	2225,37	60,36
Брюховецкий	818,50	1347,06	60,76
Гулькевичский	1158,72	1901,84	60,93
Курганинский	1298,23	2110,24	61,52
Крыловский	508,06	822,31	61,78
Павловский	977,70	1574,44	62,10
Лабинский	1236,94	1981,39	62,43
г. Армавир	2247,77	3529,35	63,69
Усть-Лабинский	1516,77	2371,14	63,97
Белореченский	1695,29	2619,44	64,72
Калининский	779,24	1202,48	64,80
Новокубанский	1209,65	1850,98	65,35
Апшеронский	1117,40	1686,98	66,24
Староминский	820,21	1229,06	66,73
Успенский	735,36	1098,43	66,95
Ленинградский	910,76	1321,69	68,91
Мостовский	1159,74	1646,63	70,43
г. Горячий Ключ	1219,25	1696,83	71,85
Отраденский	1411,17	1876,27	75,21

Источник: составлен автором по данным «Открытый бюджет Краснодарского края» (<http://budgetkubani.ru>)

Согласно документу «Основные направления бюджетной и налоговой политики Краснодарского края на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов» Бюджетная

политика Краснодарского края в сфере межбюджетных отношений сосредоточена на решении следующих задач:

– содействие сбалансированности бюджетов муниципальных образований Краснодарского края;

– повышение ответственности за использование бюджетных средств.

Как видно повышение уровня самостоятельности, самообеспеченности муниципальных образований бюджетно-налоговая политика Краснодарского края не предусматривает.

4. Заключение

Совершенствование бюджетно-налоговой политики необходимо проводить в направлении повышения заинтересованности муниципальных образований в увеличении собственной доходной базы за счет повышения налоговых доходов, снижения уровня зависимости от межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта. Для достижения данной цели в первую очередь необходимо изменить структуру распределения налоговых доходов между бюджетом Краснодарского края и бюджетами муниципальных образований в сторону увеличения отчислений в местные бюджеты.

Литература

1. Пояснительная записка к проекту закона Краснодарского края «О краевом бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».

2. РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff>

3. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/socopros-ranhigs-vse-bolshe-rossiyan-stremyatsya-v-ten>

4. Поварова А.И. Проблемы формирования бюджета городского округа // Проблемы развития территории. 2017. № 88. С. 177-191.

5. Открытый бюджет Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <http://budgetkubani.ru>

6. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017).

7. Закон Краснодарского края от 15 июля 2005 г. N 918-КЗ «О межбюджетных отношениях в Краснодарском крае» [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.kubani.ru/megbudget/detail.php?IBLOCK_ID=45&ID=937

8. «Основные направления бюджетной и налоговой политики Краснодарского края на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfinkubani.ru/budget_execution/detail.php?ID=9043&IBLOCK_ID=51&str_date=24.10.2017

9. Закон Краснодарского края от 20 декабря 2017 года № 3722-КЗ «О краевом бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfinkubani.ru/budget_execution/detail.php?ID=9321&IBLOCK_ID=31&str_date=22.12.2017

10. Дерюгин А., Дробышевский С., Золотарева А., Идрисов Г., Клячко Т., Синельников-Мурылев С. Актуальные проблемы в сфере бюджетной политики. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 52 с.

11. Сумская Т.В. Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики. Под ред. С.А. Суспицына. М.: Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 212 с.

12. Оценка эффективности бюджетно-налоговой политики: ретроспективный и целеориентированный подходы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 28, С. 2-10.

References

1. Poyasnitel'naya zapiska k proektu zakona Krasnodarskogo kraya «O kraevom byudzhete na 2018 godi na planovyi period 2019 i 2020 godov».

2. RBC [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff>

3. Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF (RANKhiGS) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/socopros-ranhigs-vse-bolshe-rossiyan-stremyatsya-v-ten>
4. Povarova A.I. Problemy formirovaniya byudzheta gorodskogo okruga // Problemy razvitiya territorii. 2017. № 88, pp. 177-191.
5. Otkryti byudzheta Krasnodarskogo kraja [Elektronnyi resurs]. URL: <http://budgetkubani.ru>
6. «Byudzhetnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii» ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 28.12.2017).
7. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 15 iyulya 2005 g. N 918-KZ «O mezhbyudzhetnykh otnosheniyakh v Krasnodarskom krae» [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.minfin.kubani.ru/megbudget/detail.php?IBLOCK_ID=45&ID=937
8. «Osnovnye napravleniya byudzhetnoi i nalogovoi politiki Krasnodarskogo kraja na 2018 god i planovyi period 2019 i 2020 godov» [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.minfinkubani.ru/budget_execution/detail.php?ID=9043&IBLOCK_ID=51&str_date=24.10.2017
9. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 20 dekabrya 2017 goda № 3722-KZ «O kraevom byudzhete na 2018 god i na planovyi period 2019 i 2020 godov» [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.minfinkubani.ru/budget_execution/detail.php?ID=9321&IBLOCK_ID=31&str_date=22.12.2017
10. Deryugin A., Drobyshevskii C., Zolotareva A., Idrisov G., Klyachko T., Sinel'nikov-Murylev S. Aktual'nye problemy v sfere byudzhetnoi politiki. M.: Izd-vo In-ta Gaidara, 2016. 52 p.
11. Sumskaia T.V. Mestnoe samoupravlenie: evolyutsiia byudzhetnoi politiki. Pod red. S.A. Suspitsyna. M.: Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2016. 212 p.
12. Otsenka effektivnosti byudzhetno-nalogovoi politiki: retrospektivnyi i tseleorientirovannyi podkhody // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. № 28, pp. 2-10.

УДК [336.142](#)

Проблемы региональной бюджетно-налоговой политики на примере Краснодарского края

Денилбек Султангириевич Темиров ^а, Заира Денилбековна Темирова ^{а, *}

^а Российский государственный гидрометеорологический университет» филиал в г. Туапсе, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ структуры распределения налоговых и неналоговых доходов по уровням бюджетной системы Краснодарского края. В результате проведенного анализа выявлены следующие основные проблемы: бюджеты местного уровня характеризуются низким уровнем устойчивости и автономности, вызванным нерациональным распределением налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета Краснодарского края между региональным и местным уровнями бюджета; межбюджетные отношения в Краснодарском крае носят централизованный характер и скорее сглаживающую функцию, что провоцирует иждивенческие настроения в муниципальных образованиях. Сделан вывод о том, что региональную бюджетно-налоговую политику необходимо проводить в направлении повышения заинтересованности муниципальных образований в увеличении собственной доходной базы за счет повышения налоговых доходов, снижения уровня зависимости от межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта. Для достижения данной цели в первую очередь необходимо изменить структуру распределения налоговых доходов между бюджетом Краснодарского края и бюджетами муниципальных образований в сторону увеличения отчислений в местные бюджеты. В первую очередь это должно коснуться таких налогов как налог на прибыль организаций и налог на доход физических лиц.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая политика, бюджеты субъектов РФ, местные бюджеты, межбюджетные трансферты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zo.temirova@gmail.com (З.Д. Темирова)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 101-122

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Econometric Revalidation of Nigeria's Import Demand Behaviour: A Koyck's Dynamic Analysis and the Policy Response

David Umoru ^{a,*}, Efosa Osayamen A. Evbuomwan ^b, Benedict Imimole ^c

^a Edo University Iyamho, Edo State, Nigeria

^b School of Energy Economics, Warri, Effurun, Delta State, Nigeria

^c Ambrose Alli University, Ekpoma, Edo State, Nigeria

Abstract

This paper estimates import demand functions for Nigeria using yearly data for 2000 to 2017 on basis of dynamics of distributed lag model in line with first-order Koyck lag transformation. GLS estimator was utilized in two ways: Estimation without any restriction imposed on lag coefficients and estimation by restricting Koyck lag weights to satisfy erstwhile assumption of smoothness. Our chosen restriction was such that lag coefficients exponentially decline from initial impact to zero at a lag length of s . For estimation without restrictions, probability values of Wald statistic were insignificant. As regards estimation with restrictions, our restrictions on lag coefficients were significant and as such our analysis of results was focussed on estimations with coefficient restrictions. The empirics upholds structural import equation as most well-behaved import function for predicting variation in Nigeria's demand for importation with a mean lag of 1.088 years, median lag of 1.063 years and variance of lag distribution of about 2.271 years. In light of its low variance, it shows that impact of foreign reserves holding and import tariff reduction is spread over 2 years. Thus, consequent upon changes in foreign reserves holding and tariff reduction policy, 52.1 % changes in Nigeria's demand for importation is completed in one year, implying somewhat rapid adjustment. Overall, our empirics denotes that Nigeria's import demand behaviour are significantly responsive to foreign reserves holding, tariff reduction policy and final consumption expenditure. Nevertheless, lag distributions exhibit a sequence of lag coefficients that bounce around positive and negative numerals and so outlying (outliers) in a way not in conformity to economic theory. Hence, the lag distributions are unstable and so diverge as lag length escalates in the long-run. Consequently, with all estimated import functions, the policy response is oscillatory. This implies that response of import demand to government policy on importation is dynamically inconsistent. Such oscillation could be propelled by sensitivity of Nigeria's demand for importation to fluctuating economic circumstances prompted by recent recessionary sequence and its associated economic disorder via reality of Nigerian business cycle given oil price shocks and its socio-economic vulnerability effect on the nation. So, while Nigerian government prudently implement expenditure-reducing policies, there is need to sustain a balance between protection of import substituting industries for the drive to enhancing indigenous production and maintaining a positive payment balance by adequate international reserves through ample acquisition of official remittances to strengthen the country's import funding when the demand to import for national development becomes vital.

* Corresponding author

E-mail addresses: david.umoru@edouniversity.edu.ng (D. Umoru)

Keywords: import demand, Koyck transformation, distributed lag, final consumption, Nigeria.

1. Introduction

Nigeria has sought to improve its local production and develop its industry but severe economic policy distortions in economic system persistently impairs progress. Notwithstanding recent reforms, structural changes required to develop a more vivacious local production industry have not emerged, and oil sector still governs national economic activity [37].

The outcome of diminishing oil prices on net oil importers has been to cut taxes and hence lowers costs for consumers and businesses while for net oil exporters such as Nigeria which became leading economy in Africa with GDP of 502 billion US dollars in 2013 [38], foreign investors have had course to flee domestic financial markets and imposes momentous sinking pressure on managed currencies. Hence, Nigeria's import trade has not balance export revenue. This of course contributed to imbalance of payment and external sector had to suffer structural trade deficits in recent time. For example, Nigeria witnessed a 43.1 % decline in import trade value from 2011 to 2012.

The government, identifying this adverse circumstance, embarked on import replacement policy as a source to overcome payment imbalance in Nigeria. The leading challenges to industries in Nigeria comprise protectionist policies and lack of satisfactory chattels rights protection [25]. Regardless of attempts to protect Nigeria's industries by imposing bans on imports to hurt certain consumption and businesses, overall progress in diversifying local production is only negligible.

In line with this background, we seeks to ascertain econometrically the most well-behaved import model for Nigeria by calculating mean lag, median lag, variance of lag distribution and the fraction of adjustment in Nigeria's demand for importation based on Koyck's estimates. For example, contemporary studies conducted for Nigerian namely, Aliyu (2007), Babatunde and Egwaikhide (2010), Omoke (2012) and Ogbonna (2016) only concentrated on estimating elasticity of import demand in relation to its determinants [2; 6; 26; 27].

The paper is further planned into section two which provides synopsis of trends in Nigeria's import, section three which reviews relevant previous literature, section four that specifies import functions, confers data sources, section five which analyzes the econometric results and last section which provides conclusion and policy stance.

2. Discussion

Nigeria's import trend analysis

Before SAP, import management of Nigeria's government was controlled mutually by measureable restrictions on import and protectionism of baby industries. According to Ogbona (2016), there exists inconsistency in issuance of import permits, import bills and import tariff in Nigeria and this branded tariff structure by high-priced tariff on final goods while simultaneously lowering tariff on intermediate and manufacturing inputs became hitch block for sustained growth of an efficient industrial strategy in Nigeria [26].

The institution of SAP in 1986 with a policy thrust of ban on food importation, caused some protections that favour importation of specific items [6]. The aftermath of such policy thrust was high production cost and hence failure in withstanding increasing demand. This in turn generated gap in demand besides supply and instantaneously activated illegitimate importation. Nevertheless, in spirit of WTO agreement on trade liberalization, importation bans were lifted.

Nigeria imports are mainly industrial supplies of about 27 % of total imports, capital goods of about 23 %, food and drinks of 17 %, petrol and lubricants of about 14 %, transport equipment and spare parts of about 12 % and consumer goods imports stood at 7 %. Overall, 43 % of imports arrives from Asia; 34 % arrives from Europe; 15% arrives from America and 7 % arrive from Africa (NBS, 2017). According to NBS (2012), in 2004, China supplied 9.4 % of total imports, United States supplied 8.4 %, United Kingdom supplied 7.8 %, Netherlands supplied 5.9 %, France supplied 5.4 %, Germany supplied 4.8 % and Italy supplied 4 %. Principal items imported were manufactured goods, machineries, transport equipment, food products with consumer goods.

In September 2017, Nigeria's import dropped by 13.9 % year-on-year to NGN 697.2 billion as purchases fell for manufactured goods by - 4 %; other crude oil products fell by -37% and also raw material declined by 10 % (CBN, 2017). The essential imports partners were China with 22.3 % imports, US with 8 %, Netherlands with 7.6 %, India with 5 % and the UK with 4.1 % (NBS, 2017).

By 2017, aggregate exports rose by 53.9 % while aggregate imports declined by 4.5 %, shifting the country's trade balance to NGN 1225 billion from NGN 135.9 deficit in 2016.

A foremost basis of external earnings for Nigeria are remittances from overseas. According to IOM, in 2007, Nigeria absorbed increase of remittances from USD 2.3 billion in 2004 to 17.9 billion, signifying 6.7 % of GDP (IOM, 2007). United States explains highest percentage of remittance flows to Nigeria followed by UK, Italy, Canada, Spain, France and South Africa.

Previous related literature

There are copious studies on determinants of import demand for both emerging market and developed economies based on panel data, cross-sectional data and most often, time series data. These have generated ample literature with mixed empirical findings. For example, Gumede (2000) reported significant elastic income import demand in South Africa. Mohammed and Tang (2000) found that in Malaysia, investment and consumption expenditures had inelastic impact on import demand with coefficients of 0.78 and 0.72 respectively [12; 23].

To Dutta and Ahmed (2001), import demand is price-inelastic with coefficient of -0.47; and income elastic with a coefficient of 1.48 in Indian. Also, in Malaysia Tang and Nair (2002) evaluated the strength of the Malaysia's import demand and found long-run income and relative price elasticities of 1.5 % and - 1.3 %, respectively. Min, Mohammed and Tang (2002) showed that investment expenditure is insignificant and negatively associated to import in South Korea while relative prices also impacted negatively on import demand [34-36].

Bahmani-Oskooee and Kara (2003) reported inelastic long-run income elasticities [7]. Tang (2003) assessed demand for China's import and found that export expenditures exacted most significant impact on import with a coefficient of 0.51, followed by 0.4 coefficient of investment expenditure [35]. Ho (2004) estimated significantly 0.1396 coefficient of investment expenditure, 1.4810 coefficient of export spending and -0.3041 coefficient of prices for import demand function of Macao [15].

In Fiji, Narayan and Narayan (2005) obtained import demand elasticities of 0.69 and 0.38 for relative prices respectively. Chang et al (2005) estimated 0.86 and -0.05 short-run elasticities as well as 1.86 and -0.2 long-run elasticities of import demand in relation to income and prices respectively. The study by Chang, Ho and Huang (2005) for South Korea covered 1980-2000 with implication of long-term association between imports, income and prices [8; 24].

For Madagascar, Ivohasina and Hamori (2005) estimated long-run income and prices elasticities of 0.855 and - 0.487 respectively while for Mauritius, Ivohasina and Hamori (2005) also estimated income and relative prices coefficients of 0.671 and -0.644 in the long-run. Frimpong and Oteng-Abayie (2006) found inelastic import demand for all expenditure variables and relative prices in Ghana. The study by Frimpong and Oteng-Abayie (2006) was corroborated four years after by Constant and Yue (2010) when they reported that investment and exports were core factors of import demand in Cote d'Ivoire [11; 18].

On their part, Emran and Shilpi (2010) adopted a structural model and found a long-run price elasticity of -0.78 and a long-run income elasticity of 0.85 for Sri Lankan economy. On stability of Nigeria's import demand, Shuaibu and Fatai (2014) reported long-run association between import demand, instability of reserves and oil revenue inflows with indication of leading role of regime shifts in influencing stability of Nigeria's import demand [7; 30].

Gaps in Literature Reviewed

The study by Shuaibu and Fatai (2014) suffers from specification error having included income and oil revenue in the import function simultaneously knowing that oil revenue constitutes greater fraction of GDP in Nigeria. This econometrically invokes multicollinearity problem which makes their estimates unreliable. Such specification error is avoided by the present study. Besides, no studies reviewed estimated variance of lag distribution needed to ascertain the fraction of adjustment in demand for importation taking into knowledge behaviour of its acclaimed predictors. This development, present study attempts to accomplish in addition to estimating short-run and long-run coefficients of import demand in the spirit of Koyck equation [30].

Another significance is in our modelling pattern whereby we consider not only how much effect on import our predictors would impact but when such predictors have the impact. We also ascertains if such impact is instantaneous or not, if the impact emerges slowly or rapidly and if there is an initial impact that dies off in next few years. These we achieved by estimating lag

distribution associating Nigeria’s import behaviour to its predictors. Also, for drive of revalidation of Nigeria’s import demand behaviour, ECMs were also estimated.

Economic theory and specification of import demand functions

Economic theory propelling our study is Keynesian import demand theory as adopted in theoretical framework of Ho (2004) where import function is either aggregated or disaggregated on income basis. The nitty-gritty of the Keynesian theory is on contemporaneous relationship between aggregated income and import which permits rigidity of relative prices with perfect mobility of capital and slow adjustment towards restoration of trade balance.

To realistically model Nigeria’s importation circumstance having recognized Nigeria as net oil exporter, we afterwards tracked the works of Arize and Osang (2007) to specify a structural import function with variables like oil revenue, trade liberalization policy, exchange rate and foreign reserves holding to explain Nigerian situation. In what follows, we considers distributed lag model in line with Koyck’s dynamic specification as follows [3]:

$$M_t = a + \eta Z_t + \eta \partial Z_{t-1} + \eta \partial^2 Z_{t-2} + \dots + \eta \partial^s Z_{t-s} + \dots + u_t \quad \text{where } -1 < \partial < 1 \tag{1}$$

Whatever is true about association between current year import volume and the previous values of real income holds also for previous year observation on import demand. Hence, we have:

$$M_{t-1} = a + \eta Z_{t-1} + \eta \partial Z_{t-2} + \eta \partial^2 Z_{t-3} + \dots + \eta \partial^s Z_{t-(s+1)} + \dots + u_{t-1} \tag{2}$$

Multiply relation (2) by ∂ ,

$$\partial M_{t-1} = \partial a + \eta \partial Z_{t-1} + \eta \partial^2 Z_{t-2} + \eta \partial^3 Z_{t-3} + \dots + \eta \partial^{s+1} Z_{t-(s+1)} + \dots + \partial u_{t-1} \tag{3}$$

Now subtract relation (3) from relation (1) and reorganize terms to obtain our final equation for Koyck’s transformation as:

$$M_t = a(1 - \partial) + \eta Z_t + \partial M_{t-1} + u_t - \partial u_{t-1} \tag{4}$$

$$\Rightarrow M_t = \beta_0 + \beta_1 Z_t + \beta_2 M_{t-1} + e_t$$

$$\text{where } \beta_0 = a(1 - \partial), \beta_1 = \eta, \beta_2 = \partial, e_t = u_t - \partial u_{t-1}$$

The instantaneous impact of a one period income changes for example is “ η ”. After one year, import demand increases by “ $\eta \partial$ ” compared to initial demand. After two years, import demand exceeds its previous demand by “ $\eta \partial^2$ ” such that with passage of time, percentage impact on import of income changes dies out. Table 1 shows this impact. If income change is stable then the annual impacts must be summed to find total change in the demand for import as provided in closing column.

Table 1. Koyck’s Transformation Parameters

Years	Yearly impact	Total impact
1	η	η
2	$\eta \partial$	$\eta [1 + \partial]$
3	$\eta \partial^2$	$\eta [1 + \partial + \partial^2]$
.	.	.
.	.	.
.	.	.

t	$\eta\partial^t$	$\eta[1+\partial+\dots+\partial^t]$
---	------------------	-------------------------------------

Source: author's derivation

Final column is a convergent infinite series provided $-1 < \partial < 1$ such has the cumulative effect $[\eta/(1-\partial)]$. Given that in the log-run, $M_t = M_{t-1} = M$,

$$\begin{aligned} M &= a(1-\partial) + \eta Z + \partial M \\ \Rightarrow M &= a + [\eta/(1-\partial)]Z \end{aligned} \quad (5)$$

So, long run impact on import of income changes becomes the slope coefficient in import function (5). Analytically, mean lag becomes $\partial/(1-\partial)$, median lag which is duration of time required for 50 % adjustment in importation to be completed given a change in level of income is $\ln(0.5)/\ln(\partial)$ and variance becomes $\partial/(1-\partial)^2$. Percentage of changes in demand for importation in current time (t) period subsequent to variations in import determinants is $(1-\partial^t)$. Thus, our distributed lag specification of the import functions are:

$$\begin{aligned} M_t &= \wp_0 + \wp_1 Y_t + \wp_2 P_t \\ &\quad + \wp_3 M(t-1) + u_{1t}, \quad [0 < \wp_3 < 0] \end{aligned} \quad (6)$$

$$\begin{aligned} M_t &= \mathfrak{S}_0 + \mathfrak{S}_1 C_t + \mathfrak{S}_2 I_t + \mathfrak{S}_3 X_t \\ &\quad + \mathfrak{S}_4 P_t + \mathfrak{S}_5 M(t-1) + u_{2t} \quad [0 < \mathfrak{S}_5 < 0] \end{aligned} \quad (7)$$

$$\begin{aligned} M_t &= \omega_0 + \omega_1 R_t + \omega_2 T_t + \omega_3 N_t \\ &\quad + \omega_4 O_t + \omega_5 M(t-1) + u_{3t}, \quad [0 < \omega_5 < 0] \end{aligned} \quad (8)$$

The dynamic marginal impact of corresponding to equation (6), (7) and (8) are thus derived as outlined:

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial Y_t} = \wp_1 \Phi^s$$

where $\Phi = \wp_3$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial P_t} = \wp_2 \Phi^s$$

where $\Phi = \wp_3$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial C_t} = \mathfrak{S}_1 \Gamma^s$$

where $\Gamma = \mathfrak{S}_5$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial I_t} = \mathfrak{S}_2 \Gamma^s$$

where $\Gamma = \mathfrak{S}_5$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial X_t} = \mathfrak{I}_3 \Gamma^s$$

$$\text{where } \Gamma = \mathfrak{I}_5$$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial P_t} = \mathfrak{I}_4 \Gamma^s$$

$$\text{where } \Gamma = \mathfrak{I}_5$$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial R_t} = \omega_1 \mathcal{G}^s$$

$$\text{where } \mathcal{G} = \omega_5$$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial T_t} = \omega_2 \mathcal{G}^s$$

$$\text{where } \mathcal{G} = \omega_5$$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial N_t} = \omega_3 \mathcal{G}^s$$

$$\text{where } \mathcal{G} = \omega_5$$

$$\frac{\partial M_{t+s}}{\partial O_t} = \omega_4 \mathcal{G}^s$$

$$\text{where } \mathcal{G} = \omega_5$$

The dynamic marginal impacts of all predictors decline exponentially at same rate Φ , Γ and $\mathcal{G}$ for equations (6), (7) and (8) individually. This goes to show that with Koyck lag, policy response is dynamic and symmetric. Our error correction specification of the import functions become:

$$\begin{aligned} D(M) &= D(\delta_0) + \delta_1 \sum_{i=0}^k D(Y_{t-i}) \\ &\quad + \delta_2 \sum_{i=0}^k D(P_{t-i}) + \delta_3 [M_{t-1} - \delta_0 - Y_{t-1} - P_{t-1}] + e_{1t} \\ D(M) &= D(\delta_0) + \delta_1 \sum_{i=0}^k D(Y_{t-i}) + \\ &\quad + \delta_2 \sum_{i=0}^k D(P_{t-i}) + \delta_3 ecm(t-1) + e_{1t} \end{aligned} \quad (9)$$

where, $ecm(t-1) = M_{t-1} - \delta_0 - Y_{t-1} - P_{t-1}$

$$\begin{aligned}
D(M) &= D(\phi_0) + \phi_{1i} \sum_{i=0}^k D(C_{t-i}) + \phi_{2i} \sum_{i=0}^k D(I_{t-i}) \\
&\quad + \phi_{3i} \sum_{i=0}^k D(X_{t-i}) + \phi_{4i} \sum_{i=0}^k D(P_{t-i}) \\
&\quad + \phi_5 [M_{t-1} - \phi_0 - C_{t-1} - I_{t-1} - X_{t-1} - P_{t-1}] + e_{2t} \\
D(M) &= D(\phi_0) + \phi_{1i} \sum_{i=0}^k D(C_{t-i}) + \phi_{2i} \sum_{i=0}^k D(I_{t-i}) \\
&\quad + \phi_{3i} \sum_{i=0}^k D(X_{t-i}) + \phi_{4i} \sum_{i=0}^k D(P_{t-i}) + \phi_5 ecm(t-1) + e_{2t} \quad (10)
\end{aligned}$$

$$\text{where, } ecm(t-1) = M_{t-1} - \phi_0 - C_{t-1} - I_{t-1} - X_{t-1} - P_{t-1}$$

$$\begin{aligned}
D(M) &= D(\Theta_0) + \Theta_{1i} \sum_{i=0}^k D(R_{t-i}) + \Theta_{2i} \sum_{i=0}^k D(T_{t-i}) + \\
&\quad \Theta_{3i} \sum_{i=0}^k D(N_{t-i}) + \Theta_{4i} \sum_{i=0}^k D(O_{t-i}) + \\
&\quad \Theta_5 [M_{t-1} - \Theta_0 - R_{t-1} - T_{t-1} - N_{t-1} - O_{t-1}] + e_{3t} \\
D(M) &= D(\Theta_0) + \Theta_{1i} \sum_{i=0}^k D(R_{t-i}) + \Theta_{2i} \sum_{i=0}^k D(T_{t-i}) + \\
&\quad \Theta_{3i} \sum_{i=0}^k D(N_{t-i}) + \Theta_{4i} \sum_{i=0}^k D(O_{t-i}) + \Theta_5 ecm(t-1) + e_{3t} \quad (11)
\end{aligned}$$

$$\text{where, } ecm(t-1) = M_{t-1} - \Theta_0 - R_{t-1} - T_{t-1} - N_{t-1} - O_{t-1}$$

Where, D is first difference operator, M is volume of import demand, O is oil revenue, Y is real income proxied by GDP of Nigeria, P is relative price of import, R is foreign exchange reserves, N is nominal exchange rate.

Data Sources and Variable Description: Final consumption outlay was calculated as sum of private household consumption and government consumption expenditures, investment expenditure was calculated as expenditure on investment goods, real income was proxied by constant Nigeria's GDP at local currency, export overheads was calculated as total overheads on exports of goods and services and relative prices was calculated as ratio of import price to domestic price indices, volume of import demand was calculated as a ratio of value of imports at local currency prices to import price index, foreign reserves holding was calculated as official remittance inflows from abroad.

Our measure of trade liberalization policy is import tariff reduction. This measurement is a policy-driven measurement with reference to transnational trade negotiations. Data were accessible and calculated from periodicals of NBS of Nigeria, CBN and WDI. Data on import tariff reduction were accessed and calculated from the country's tariff data, specifically, from Nigeria's Customs data base augmented with data from WTO when indispensable.

Econometric Methodology: We cured our data from unit root problem and making same stationary having conducted the relevant preliminary ADF test. In a likewise scenario, we conducted Johansen's co-integration test for each multivariable import demand function. We transformed our data as follows, $M = \log(\text{import})$, $P = \log(\text{relative prices})$, $Y = \log(\text{real GDP})$, $C = \log(\text{final consumption})$, $I = \log(\text{investment expenditures})$, $R = \log(\text{foreign reserves})$, $X = \log(\text{export overheads})$, $O = \log(\text{oil revenues})$, $N = \log(\text{nominal effective exchange rate})$ and $T = \log(\text{import tariff reduction})$.

Given that some of our predictors are strictly exogenous while M_{t-1} is by definition weakly exogenous since Koyck error term is white noise, we estimated Koyck equations with the GLS in two ways: Estimation without any restriction imposed on lag coefficients and estimation by restricting Koyck lag weights to satisfy erstwhile assumption of smoothness. Our chosen restriction

was such that lag coefficients exponentially decline from initial impact to zero at a lag length of s . Our interest in use of distributed-lag technique based on Koyck transformation derives from scientific uniqueness of its theoretical and empirical application.

3. Results

Results of Lag Effects of Koyck Import Equations: Table 1 shows the lag effects of Koyck import functions, evidently, the results reported mean lag of 4.714 years, 3.603 years median lag and variance of the lag distribution of 26.939 years for import equation (6). Considering the high variance, it shows the influence or impact of real income and relative prices is spread over 26 years. Thus, resulting from changes in real income and relative prices, 17.5 % is the fraction of adjustment in Nigeria's demand for importation over a period of one year. In effect, aggregated income import equation explains only 17.5 % changes in import demand by Nigeria in one year, implying slow adjustment.

Table 2. Lag Effects of Koyck Import Equations

Statistics	Aggregated Import Equation (6)	Disaggregated Import Equation (7)	Structural Import Equation (8)
Mean lag	4.714	1.320	1.088
Median lag	3.603	1.229	1.063
Variance of lag	26.939	3.063	2.271
Fraction of adjustment	17.5 %	43.1 %	52.10 %

Source: authors

For import equation (7), mean lag is 1.320 years, median lag is 1.229 years and variance of the lag distribution is 3.063 years. With low variance, it shows that impact of final consumption, investment spending, export overheads and relative prices is spread over 3 years. Thus, ensuing from changes in these predictors, 43.1 % changes in Nigeria's demand for importation is completed in one year. The inference is that adjustment in disaggregated income import equation is moderately rapid

Similarly, structural import equation (8) reported a mean lag of 1.088 years, median lag of 1.063 years and variance of the lag distribution of just 2.271 years. This shows that impact of foreign reserves holding, import, tariff reduction policy, nominal exchange rate and oil revenue is spread over 2 years. In particular, fraction of adjustment in import demand in one year by Nigeria is 52.1 % consequent upon changes in foreign reserves holding, tariff reduction, nominal exchange rate and oil revenue. So, adjustment in this structural import equation is somewhat rapid and also given consideration to its low variance, we observed that the appropriate model for forecasting variation in Nigeria's demand for importation is the structural import equation.

Results of Lag Distribution: The lag distributions are displayed in figures 1, 2 and 3 respectively. The parameters of the first-order Koyck lag namely, Φ , Γ and $\mathcal{G}$ determine the shape of the lag distribution. In all figures, lag distributions tend to exhibit similar behaviour such that sequence of lag coefficients bounce around positive and negative values and between large and small numerals in a way not in conformity to economic theory. Hence, the lag distributions are unstable and hence diverges as lag length increases in long-run. Consequently, with all estimated import functions, the policy response is oscillatory. By implication, response of import demand to government policy on importation is oscillatory. In fact, the oscillation in Nigeria's demand for importation could be sensitive to fluctuating economic circumstances impelled by current recessionary sequence and its accompanying economic disorder through the Nigerian business cycle given socio-economic weakness of Nigeria to oil price shocks.

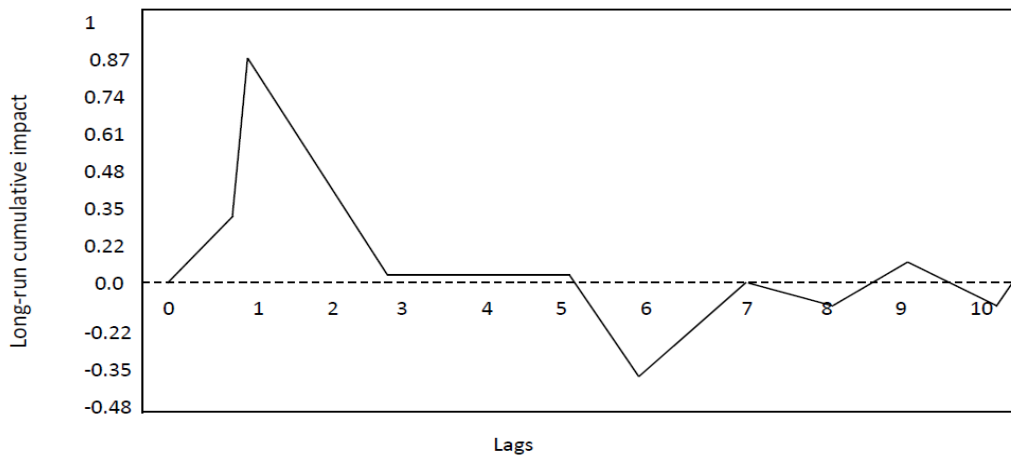

Figure 1: Lag distribution of import demand equation (6)

Activate Window
Go to Settings to acti

Source: authors

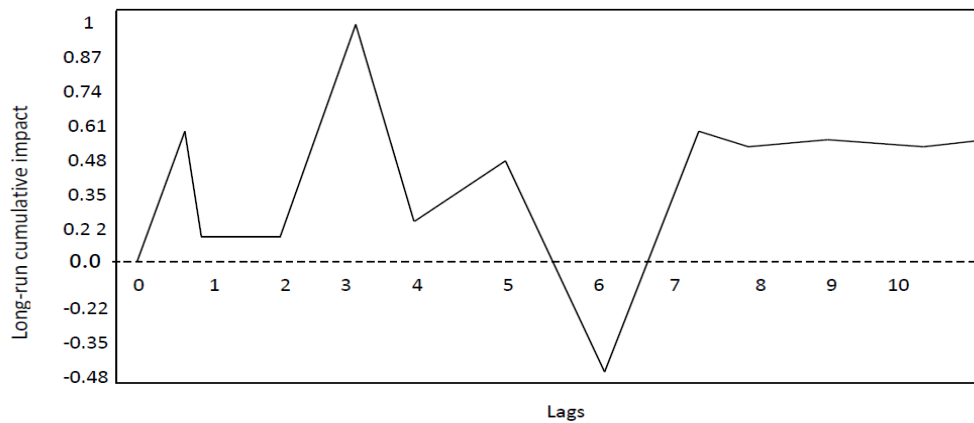

Figure 2: Lag distribution of import demand equation (7)

Activate Win

Source: authors

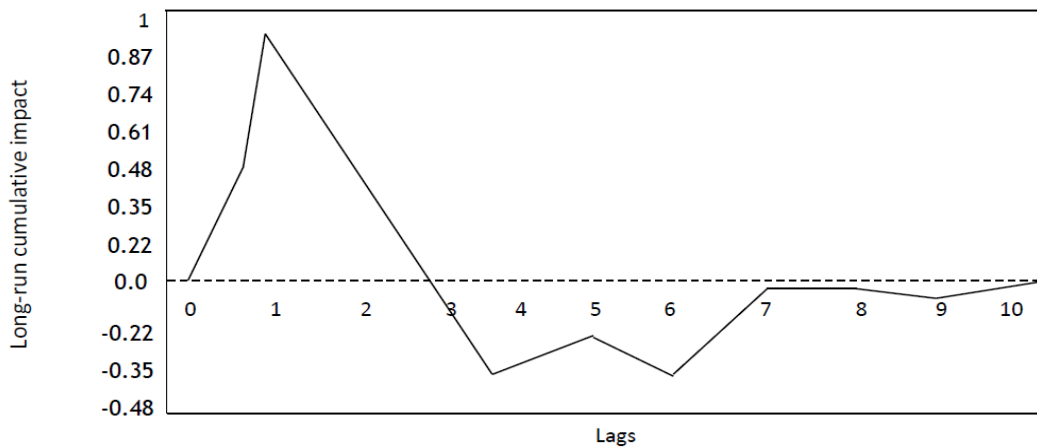

Figure 3: Lag distribution of import demand equation (8)

Activate Window:

Source: authors

Collinearity Results: We estimated collinearity statistics for distributed lag import functions based on tolerance (T) and VIF. The VIF, by quantifying degree of multicollinearity in regression of Koyck equation, provides a measure of how much variance of an estimated coefficient of the import function was amplified due to mulcollinearity. In Table 3, we observe approximately $VIF \leq 10$ which implies low collinearity between the predictors. With VIF of 10.021 for real income, this means that standard error for coefficient of real income is 3.166 ($\sqrt{10.021}$) times as

outsized as it would be if real income was uncorrelated with other predictors namely, relative prices and one-period lag imports. The tolerance indices are extremely low signifying the low variance for each coefficient estimate.

Table 3. Collinearity statistics for import demand equation (6)

Statistics	Tolerance (T)	VIF
<i>Y</i>	0.010	10.021
<i>P</i>	0.100	9.990
<i>M</i> (-1)	0.010	10.009

Source: authors

Table 4 clearly indicates a VIF of 13.937 for relative prices and this implies variance of coefficient of relative prices is excessive because of collinearity. As it were, standard error for the coefficient of relative prices is 3.737 ($\sqrt{13.964}$) times as large as it would be if relative price was uncorrelated with other predictors in the disaggregated import function. This could be one reason why variable of relative price practically failed test of significance in all estimations. All other predictors had VIF below or equal to 10 and hence low tolerance indices which denotes low collinearity between the predictors. This is empirically acceptable.

Table 4. Collinearity statistics for import demand equation (7)

Statistics	Tolerance (T)	VIF
<i>C</i>	0.125	8.025
<i>I</i>	0.173	5.793
<i>X</i>	0.095	10.542
<i>P</i>	0.072	13.964
<i>M</i> (-1)	0.010	10.063

Source: authors

Table 5. Collinearity statistics for import demand equation (8)

Statistics	Tolerance (T)	VIF
<i>R</i>	0.001	10.957
<i>T</i>	0.001	10.043
<i>N</i>	0.003	10.793
<i>O</i>	0.056	10.542
<i>M</i> (-1)	0.099	10.112

Source: authors

In Table 5, the results shows noticeably that all predictors had VIF around 10 and this denotes that standard error of estimated coefficients of all predictors are less than excessive to

induce multicollinearity in estimation. This is further portrayed by low tolerance indices for each coefficient. In effect, relative prices, expenditures on export and aggregate income are insignificant predictors of import demand in Nigeria.

Koyck's Dynamic Results: In the analysis of our Koyck estimates, note that ^{aaa(aa)} indicate significance of coefficient @^{1%(5%)} respectively. The Wald statistic which measures insignificance of coefficient restrictions under null hypothesis was estimated for each of Koyck equation. Table 6 reports Koyck transformation results for equation 6. Having estimated our distributed-lag regression based on Koyck transformation, we then extracted regression residuals and engages Breusch-Godfrey BG-LM test to test null hypothesis that residuals are white noise. With the statistical significance of moving average representation and low probability values of BG-LM statistics, our estimates are indicative of absence of autocorrelation and implies our Koyck estimates both restricted and unrestricted are efficient and hence reliable with low standard errors. Therefore, BG-LM test shows robust evidence of acceptance of white-noise.

For estimation without restrictions, the probability values of Wald statistic are insignificant. This suggests non-smoothness of unrestricted lag weights could possibly be induced by multicollinearity. This indeed is corroborated by insignificant one-year lagged coefficients of import in the unrestricted estimations. Regarding estimation with restrictions, significance of probability values of Wald statistics denotes that the restrictions on lag coefficients are significant and hence our data shows strong evidence that our lag distribution does follow smoothed Koyck import model and as such the smoothness restriction is valid.

Hence, our analysis of results and policy response was propelled on estimations with coefficient restrictions. In effect, use of distributed lags is highly justified for restricted coefficients as made evident by significance of lagged coefficients, namely 0.825, 0.521 and 0.569 with t-ratios of 9.326, 2.536 and 2.179 in the three specifications at 1 % respectively. Table 2 reveals that the short-run impact of real income and relative prices are 0.012 and -0.051 respectively while long-run impact are 0.067 and 0.291 respectively. Nevertheless, none of these is significant. Only the one-year lag value of import passes test of significance even at 1 % level. The F-statistic (148.071) is exceedingly significant and Wald statistic indicates validity of coefficient restriction. LM statistic and the MA coefficient show suitable correction for autocorrelation in the GLS estimation.

Table 6. Koyck results for import demand equation (6)

Variables	Unrestricted Coefficients	Restricted Coefficients
ρ_0	1.164 ^{aaa} (9.410)	1.094 ^{aaa} (5.632)
ρ_1	0.013 (0.037)	0.012 (1.135)
ρ_2	0.050 (1.791)	0.051 (1.042)
ρ_3	0.123 (1.051)	0.025 ^{aaa} (9.326)
MA(1)	0.561 ^{aaa} (7.198)	0.673 ^{aaa} (7.248)
Adjust R^2	0.792	0.647
F stat	159.073(0.000)	148.071(0.000)
Wald stat	4.239(0.000)	0.019(0.056)
B – G LM test	1.526(0.529)	3.925(0.000)

Source: authors

Table 7 reports Koyck transformation estimates for import function (7) and according to the results, short-run impact of final consumption is 0.015 and this impact is significant with a t-ratio of 3.524. Similarly, the short-run impact of total overheads on export of goods and services passes

the significance test at 1 % with a t-ratio of 6.973. The short-run coefficient of relative prices is as usual positive and also failed significance test. The long-run impact of final consumption, investment expenditure, export overheads and relative prices are 0.015, 0.018, 0.027 and 0.106 respectively.

The F-statistic (125.043) passes significance test and points to an overall significance of the disaggregated import function. Also, the insignificance of Wald statistic (0.152) with high probability value of 0.956 indicates validity of coefficient restriction. *LM* statistic of 5.642 and the *MA* coefficient indicates success in the correction for autocorrelation in the GLS estimation.

Table 7. Koyck results for import demand equation (7)

Variables	Unrestricted coefficients	Restricted coefficients
$\mathfrak{S}_0$	0.142 ^{aaa} (56.002)	0.042 ^{aaa} (11.132)
$\mathfrak{S}_1$	0.012 ^{aa} (1.954)	0.015 ^{aaa} (3.524)
$\mathfrak{S}_2$	1.013 ^{aa} (2.179)	0.017 ^{aaa} (6.973)
$\mathfrak{S}_3$	0.016 ^{aaa} (4.321)	0.026 (1.724)
$\mathfrak{S}_4$	0.023 (1.055)	0.103 (0.058)
$\mathfrak{S}_5$	0.029 (1.756)	0.569 ^{aa} (2.536)
<i>MA</i> (1)	0.023 ^{aa} (2.991)	0.023 ^{aaa} (3.981)
<i>Adjust R</i> ²	0.855	0.765
<i>F stat</i>	143.026 (0.000)	125.043 (0.000)
<i>Wald stat</i>	3.721(0.000)	0.052(0.956)
<i>B – GLM test</i>	1.984(1.568)	5.642(0.000)

Source: authors

Table 8 shows Koyck's estimates for import function (8) and the results reveal that changes in importation in relation to changes in foreign reserves holding, tariff reduction policy, exchange rate and oil revenue gives short-run impact of 0.062, 0.014, 0.051 and 0.023 respectively. Only impact of reserves holding, tariff reduction policy and one-year lagged import demand are significant at 1 %, 5 % and 5 % level respectively.

As noted earlier the short-run impact of relative prices is certainly not significant and above all, the coefficient is positive in the Koyck's transformation estimations. The long-run impact of

foreign reserves holding, tariff reduction, exchange rate and oil revenue are 0.144, 0.032, 0.118 and 0.053 respectively. Nominal exchange rate predictor which serves as a channel for transmission of domestic productivity to benefit in foreign competitiveness fails significance test.

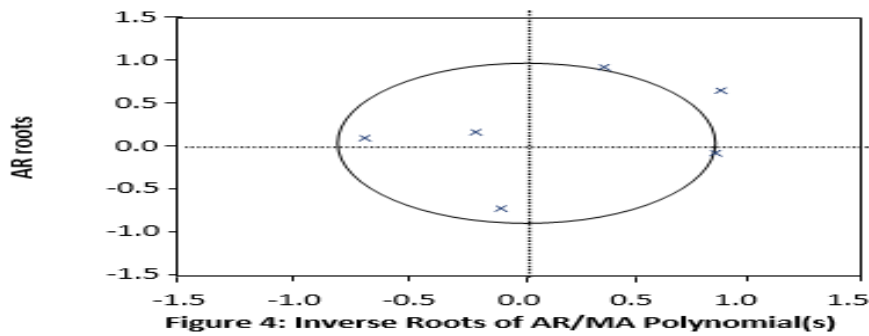
Significance of structural import function as measured by F-statistic of 192.067 with zero probability is highly indicative, implying a substantial fit of Nigerian data by Koyck's transformation regression. Besides, Wald statistic (0.009) with significant probability of 0.539 indicates validity of coefficient restriction. *LM* statistic of 4.092 and the significant *MA* coefficient of 0.017 indicates exultant correction for autocorrelation in the Koyck estimation. In this circumstance of significance of *MA* coefficients in all estimations, it provides an indication that "noise" from random disturbance and its associated imprecision of GLS regression estimates has been thoroughly filtered out.

Table 8. Koyck results for import demand equation (8)

Variables	Unrestricted Coefficients	Restricted Coefficients
ω_0	0.062 ^{aaa} (5.371)	0.032 ^{aaa} (5.039)
ω_1	0.004 ^{aaa} (2.760)	0.062 ^{aaa} (6.124)
ω_2	0.014 (1.368)	0.014 ^{aa} (2.824)
ω_3	0.050 (1.000)	0.051 (1.100)
ω_4	0.023 ^{aa} (2.991)	0.023 (1.458)
ω_5	0.569 (0.128)	0.479 ^{aa} (2.179)
<i>MA</i> (1)	0.010 ^{aaa} (13.561)	0.017 ^{aaa} (13.486)
<i>Adjust R</i> ²	0.754	0.721
<i>F stat</i>	152.000(0.000)	192.067(0.000)
<i>Wald stat</i>	1.386(1.629)	0.009(0.539)
<i>B – G LM test</i>	0.052(1.238)	4.092(0.000)

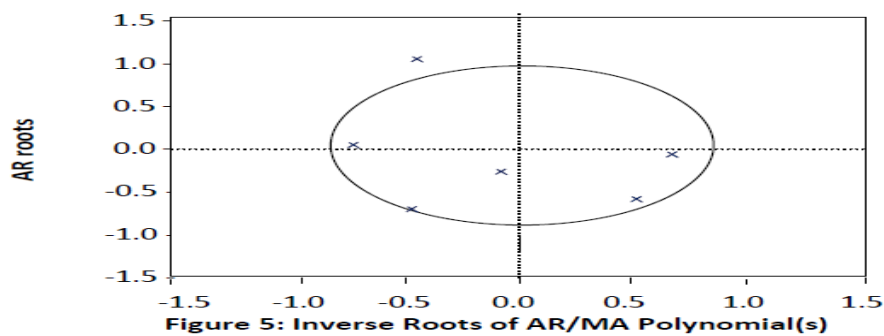
Source: authors

The inverse roots of the characteristic equation associated with the restricted *MA* (*i*) process that we used to correct imprecision of Koyck estimates for aggregated income import equation (6) is dynamically unstable since not all inverted roots are strictly inside unit circle as shown in [figure 4](#).

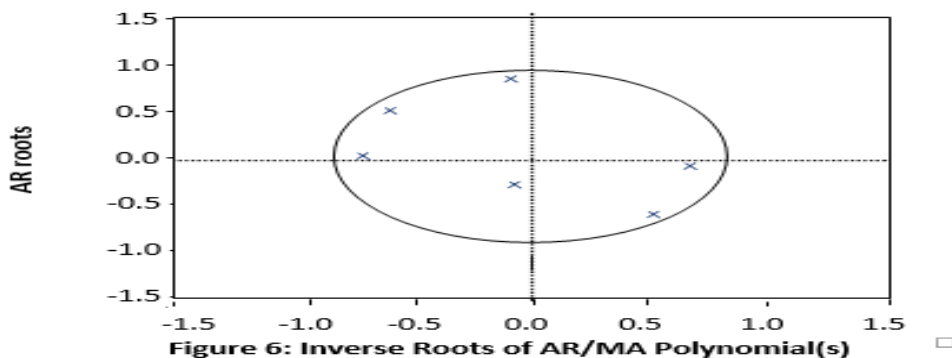
Source: authors

The inverse AR roots of characteristic relation that links the restricted $MA(1)$ process that we utilized in correction of imprecision of Koyck estimates for disaggregated income import equation (7) is dynamically unstable. All inverted roots are not stringently inside unit circle as in figure 5.

Source: authors

The inverted roots are all firmly within unit circle as presented in figure 6. Thus, the inverse roots of the characteristic equation that corresponds to the restricted $MA(1)$ process that we applied in correcting imprecision of Koyck estimates for structural import equation (8) is dynamically stable. Hence, the equation is fit for forecasting.

Source: authors

4. Conclusion

We have so far embarked on a theory based econometric analysis of import functions for Nigeria using three distributed lag functions namely, aggregated import, disaggregated import function and structural import functions based on Koyck dynamic specification. The study found structural import demand equation as the most well-behaved import function for Nigerian economy as it is dynamically stable with mean lag of 1.088 years, median lag of 1.063 years and a low variance of lag distribution of just 2.271 years. In spirit of low variance, it shows that impact of foreign reserves holding and import tariff reduction policy was spread over 2 years.

Consequent upon changes in foreign reserves holding and tariff reduction policy, 52.1 % changes in Nigeria's demand for importation is completed within a year, implying somewhat rapid adjustment for the structural import equation. Overall, our empirics denotes that Nigeria's importation is significantly responsive to foreign reserves holding, final consumption and tariff reduction policy. In effect, our results uphold three policy variables of foreign reserves holding, final consumption expenditures and tariff reduction as significant determinants for predicting variation in Nigeria's demand for importation.

However, the lag distributions exhibit a sequence of lag coefficients that rebound around positive and negative values displaying outlier behaviour in a way that do not conform to economic theory. Hence, the lag distributions are unstable and hence diverge as lag length rises in long-run. Consequently, with all estimated import functions, the policy response is oscillatory. This implies that response of import demand to government policy on importation is oscillatory. The oscillation in Nigeria's demand for importation could be sensitive to inconsistent economic circumstances provoked by current recessionary sequence and its accompanying economic disorder through the Nigerian business cycle that cannot be unnoticed given socio-economic susceptibility of Nigeria to oil price shocks. This corroborates findings of Shuaibu and Fatai (2014) that Nigeria's import has stayed volatile with no distinct pattern owing to the country's exposure to external crude oil market conditions [30].

So, our recommendation is a straight one, while Nigerian government guardedly implement expenditure-reducing policies as measures to curtail excessive importation, there is need to establish balance between protection of import substituting industries for resolve of enhancing indigenous production and maintaining a surplus payment balance by earning abundant foreign reserves through sufficient accumulation of official remittance inflows needed to strengthen country's import funding when the demand to import for national development becomes vital. Protective measures will scarcely stimulate capacity of indigenous industries in the face of feeble institutions. Moreover, import of capital goods plays vivacious role in inducing economic advancement of nations.

5. Acknowledgements

The first author wishes to confess his gratitude to the Management of Edo University Iyamho (EUI) for her magnanimity and wide-ranging support. Authors are thankful to contemporaries for inputs to manuscript and also we extend our indebtedness to all the authors whose studies have been duly cited and referenced in this paper. Largely, authors gratefully acknowledge objectivity of critics in discussing first draft of our manuscript.

References

1. Alias, M. H. and Tang, T. C. (2000). Aggregate imports and expenditure components in Malaysia: A Co-integration and Error Correction Analysis, *ASEAN Economic Bulletin*, vol. 17(3): 257-269.
2. Aliyu, S. U. R., (2007). "Imports-exports demand functions and balance of payment stability in Nigeria: a co-integration and error correction modelling." MPRA Paper No. 10396.
3. Arize, A. C. and Osang T. (2007), Foreign exchange reserves and import demand: evidence from Latin America, *The World Economy*, vol. 30(9): 1477-1489.
4. Aziz, N. (2012), Does a real devaluation improve the balance of trade? empirics from Bangladesh economy, *The Journal of Developing Areas*, vol. 46(2): 19-41.
5. Aziz, M. N. (2013). "Modelling of import demand function for a developing country: an empirical approach." *Asian-African Journal of Economics and Econometrics*. 13(1), 1-15.
6. Babatunde, M. A. and Egwaikhide, F.O. (2010). "Explaining Nigeria's import demand behaviour: a bound testing approach." *International Journal of Development Issues* 9(2):167-187.
7. Emran, M. Shahe and Shilpi, F. (2001), Foreign trade regimes and import demand function: evidence from Sri Lanka, Working Paper, International Trade, EconWPA.
8. Egwaikhide F. O. (2000). Determinants of imports in Nigeria: A dynamic specification; publication and dissemination, African Economic Research Consortium.
9. Bathalomew, D. (2010). 'An econometric estimation of the aggregate import demand function for Sierra Leone.' *Journal of Monetary and Economic Integration* 10(4).
7. Bahmani-Oskooee, M., & O. Kara. (2003). Relative responsiveness of trade flows to a change in price and exchange rate. *International Review of Applied Economics*, Vol (17), 3, 293-308.

8. Chang, T., Ho, Y. and Huang, C., 2005. "A re-examination of South Korea's aggregate import demand function: a bounds test analysis." *Journal of Economic Development* 30: 119-128. Chang, T., Y.
9. Constant, N.B.Z.S and Yue, Y. (2010) 'An econometric estimation of import demand function for Cote D'Ivoire', *International Journal of Business and Management*, vol. 5, No 2, pp. 77-84.
10. Dutta, D. and Ahmed, N. (2001) 'An aggregate import demand function for India: a Co-integration analysis', (Available online: <http://eprints.anu.edu.au/archive/00001731/>).
11. Frimpong, J. M. and Oteng-Abayie, E. F. (2006) 'Aggregate import demand and expenditure components in Ghana: an econometric analysis', MPRA Paper, No. 599
12. Gumede, V. (2000) 'Import demand elasticities for South Africa: a co-integration analysis', *Journal for Studies in Economics and Econometrics*, vol. 24, pp. 21-37.
13. Harvey, S. and Sedegah, K. (2011). "Import demand in Ghana: Structure, behaviour and stability" AERC Research Paper 233.
14. Ho, and Huang, C. (2005) 'A re-examination of South Korea's aggregate import demand function: a bounds test analysis', *Journal of Economic Development*, vol. 30, pp. 119-128.
15. Ho, W. S. (2004) 'Estimating Macao's import demand functions', *Monetary Authority of Macao*, 18.
16. Islam, M. A. (2003), Exchange rate policy of Bangladesh: not floating does not mean sinking, occasional paper series, Centre for Policy Dialogue (CPD), Bangladesh.
17. Islam, M. A. and Hassan, M. K. (2004), An econometric estimation of the aggregate import demand function for Bangladesh: some further results, *Applied Economics Letters*, vol. 11: 575-580.
18. Ivohasina F. R., and Hamori, S. (2005). Import demand function: some evidence from Madagascar and Mauritius', *Journal of African Economies* vol. 14 No. 3, pp. 411-434.
19. Johansen, S. (1988), Statistical analysis of co-integration vectors, *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 12: 231-254.
20. Koyck, L. M. (1954). *Distributed Lags and Investment Analysis*. Amsterdam: North-Holland
21. Min, B. S., Mohammad H. A., and Tang, T. C. (2002) 'An analysis of South Korea's import demand', *Journal of Asia-Pacific Affairs*, vol. 4, No. 1, pp. 1-17.
22. Mohamed, H. A., and Othman, J. (2001) 'Aggregate import demand and expenditure components in five ASEAN countries: an empirical study', *Jurnal Ekonomi Malaysia*, vol. 35, pp. 37-60.
23. Mohammed, H. A. and Tang, T.C. (2000). Aggregate imports and expenditure components in Malaysia: a co-integration and error correction analysis', *ASEAN Economic Bulletin*, vol. 17, pp. 257-69.
24. Narayan, P. K. and Narayan, S. (2005). An empirical analysis of Fiji's import demand function', *Journal of Economic Studies*, vol. 32, No. 2, pp. 158-168.
25. Ogundele, F. (2012), trade liberalization and import demand for rice in Nigeria: a dynamic modelling. Nigeria Institute for Social and Economic Research (NISER), Ibadan, Oyo State, Nigeria.
26. Ogbonna B. C. (2016). Estimating aggregate import-demand function for Nigeria revisited, *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*. Volume 18, Issue 3.Ver. I (Mar. 2016), pp. 64-72.
27. Omoke, P. O. (2012). "Aggregate import demand and expenditure components in Nigeria". *Economica* 8(1).
28. Xu, X. (2002) 'The dynamic-optimizing approach to import demand: a structural model', *Economics Letters*, Vol. 74, pp. 265-270.
29. Santos-Paulino, A. U. (2002). The effects of trade liberalization on imports in selected developing countries. *World Development*, 30, 959-974.
30. Shuaibu, M. I. and Fatai, B. O (2014), On the stability of Nigeria's import demand: do endogenous structural breaks matter? *Journal of Reviews on Global Economics*, 3, 228-240.
31. Sinha, D. (2001), A note on trade elasticities in Asian countries, *International Trade Journal*, vol. 15(2): 221-237.
32. Shrestha, M. B. and Chowdhury K. (2005) 'ARDL modelling approach to testing the financial liberalization hypothesis', *Economics Working Paper, Series 2005*, University of Wollongong.

33. Rijal, A., R. K. Koshal., & C. Jung. (2000). Determinants of Nepalese imports. *Journal of Asian Economics*, 11, 347-54.
34. Tang, T. C. (2005), Revisiting South Korea's import demand behaviour: a co-integration analysis, *Asian Economic Journal*, vol. 19(1): 29-50.
35. Tang, T. C. (2003) 'An empirical analysis of China's aggregate import demand function', *China Economic Review*, vol. 12, No. 2, pp. 142-63.
36. Tang T. C. and Nair, M. (2002) "A co-integration analysis of Malaysian import demand function: reassessment from the bounds test", *Applied Economic Letters*, vol. 9, No. 5, pp. 293-296.
37. Umoru D. and G. Akhabue (2017), Estimation of Effects and the Threshold of Fiscal Deficit Financing for the Nigerian Economy: An Econometric Re-evaluation of Recent Trends *International Journal of Social Sciences & Educational Studies*, Iraq. Vol. 4, No. 3, 68–86. December.
38. Umoru D. and G. Nwokoye (2018), FAVAR Analysis of Foreign Investment with Capital Market Predictors: Evidence on Nigerian and Selected African Stock Exchanges. *Academic Journal of Economic Studies*, Romania. Vol. 4, No. 1, 12-20.

Appendix

A1: Unit Root Results

Variables	ADF		PP	
	Level	Difference	Level	Difference
<i>M</i>	-0.359	-6.431	-1.254	-12.432
<i>Y</i>	-1.267	-9.362	-2.167	-9.362
<i>P</i>	-1.953	-7.351	-2.953	-14.356
<i>C</i>	-0.672	-3.589	-1.872	-12.137
<i>I</i>	-1.335	-4.260	-1.965	-19.260
<i>X</i>	-2.749	-5.791	-2.749	-8.791
<i>R</i>	-1.358	-9.723	-1.258	-15.623
<i>T</i>	-0.491	-6.491	-2.136	-9.279
<i>N</i>	-0.627	-4.872	-1.145	-13.146
<i>O</i>	-1.253	-9.134	-1.279	-20.925

Source: authors

A2: Co-Integration Results for ECM (9)

Hypothesis	Statistics				
H_0	H_1	Trace	CV@5%	Max eigen	CV@5%
$r = 0$	$r = 1$	36.438	28.473	25.372	15.792
$r = 1$	$r = 2$	29.367	21.591	19.725	13.654
$r = 2$	$r = 3$	10.571	14.239	6.389	10.531

Source: authors

A3: Co-Integration Results for ECM (10)

Hypothesis	Statistics				
H_0	H_1	Trace	CV@5%	Max eigen	CV@5%
$r = 0$	$r = 1$	41.032	32.173	24.192	21.951
$r = 1$	$r = 2$	35.112	26.523	18.364	14.357
$r = 2$	$r = 3$	24.073	10.592	5.427	2.0596

Source: authors

A4: Co-Integration Results for ECM (11)

Hypothesis	Statistics				
	H_1	Trace	CV@5%	Max eigen	CV@5%
$r = 0$	$r = 1$	26.341	12.725	15.471	12.921
$r = 1$	$r = 2$	17.592	9.941	11.233	8.569
$r = 2$	$r = 3$	3.456	3.726	2.495	2.351

Source: authors

Unit Root Test: Unit root test results shown in Appendix 1 indicate that at 5 % level of significance all variables were non-stationary at level as values at level do not exceed critical values of ADF and PP tests namely -3.27 and -5.39 for intercept and trend option at 1 % level respectively. Nevertheless, all variables became stationary at first difference which implies that our variables are all [I (1)] variables.

Co-integration Test Results: The trace statistic and the mag eigenvalue test rejects null hypothesis of $r = 0$ against $r = 1$ at 5 % level of significance for ECM (9) as shown in Appendix 2. Results shows two co-integrating relations. Also, for ECM (10), trace statistic and maximum eigenvalue statistic for ECM (10) shows three co-integrating vectors at 5% level. The trace statistic for ECM (11) shows two co-integrating vectors while maximum eigenvalue statistic validates three co-integration relations at 5 % level.

Error Correction Estimates: In analysis of the error correction results, note that ^{bbb(bb)} indicate significance of estimated coefficient @1%(5%) respectively. Theoretically, *ECC* is expected to be $[-1 < ECC < 0]$, and in reality all estimated error correction coefficients (*ECC*) for ECM (9), ECM (10) and ECM (11) are individually negative and statistically significant. These estimated *ECC* coefficients conformed to economic theory, with implication that the process of adjustment towards equilibrium whenever there is a perturbation to Nigeria's demand for importation as driven by changes in real income, relative prices, final consumption demand, investment expenditures, export overheads, foreign reserves holding, trade liberalization policy, nominal exchange rate and oil revenue converges in the long run. This also validated absence of autocorrelation in the ECMs.

The F-statistics (571.0) with probability 0.000, (224.56) with probability 0.000 and (389.5) with probability 0.000 indicate that the overall ECM estimation for ECM (9), ECM (10) and ECM (11) are significant at 1 % level and have strong explanatory power. For example, ECM (9) explains 79.4%, ECM (10) explains 65.2 % and ECM (11) explains 87.9 % individually. The LM (Ramsey reset) tests reported these statistics 0.062 (0.690) for ECM 9, 0.043 (0.092) for ECM 10 and 0.09 (0.064) for ECM 11 respectively. The high probability values associated with the LM statistics show estimations are devoid of problem of serial correlation.

A5 reports EC estimation results of aggregated import function (6) and as shown, the results substantiate results of Koyck transformation. Income coefficient is 0.378 with an insignificant t-ratio of 1.023 even though Nigeria's import demand is income inelastic. This could be pointing to slow growth rate of the Nigerian economy in recent time which perhaps have prevented her from significant purchase of capital goods in the world market. The coefficient of relative prices is positive and insignificant with a t-ratio of 1.178. This is an indication that Nigeria's imports demand are not responsive to relative price changes. The positive sign is not in conformity with economic theory. This could be due to export promotion policy of Nigeria.

A5: Results of ECM (9)

Variables	Coefficients	t-statistics
$D(Y_t)$	0.378	1.023
$D(P_t)$	0.012	1.178
$D(\delta_0)$	-1.242 ^{bbb}	-11.160
$ecm(t-1)$	-0.794 ^{bb}	-2.759
<i>Adjust R²</i>	0.794	
<i>Serial C.</i>	0.062 (0.794)	
<i>F stat</i>	571.0 (0.000)	
<i>Ramsey R.</i>	0.690 (0.593)	

Source: authors

A6 shows EC estimates of disaggregated import function where real income is disaggregated into final consumption spending, investment spending and exports overheads. The results show 0.019, 0.143 and 0.017 changes in import demand in relation to percentage change final consumption, investment expenditure and export overhead respectively. The results predominantly imply that import demand is significantly responsive to changes in final consumption expenditure and exports. Specifically, a 10 % increase in final consumption and total overheads on export of goods and services are accompanied by 0.19 % and 0.17 % increase in Nigeria's importation respectively.

A6: Results of ECM (10)

Variables	Coefficients	t-statistics
$D(C_t)$	0.019 ^{bbb}	5.789
$D(I_t)$	0.143	1.421
$D(X_{t-1})$	0.017 ^{bb}	2.510
$D(P_t)$	0.019	1.583
$D(\phi_0)$	1.827 ^{bbb}	3.592
$ecm(t-1)$	-0.792 ^{bbb}	-4.162
<i>Adjust R²</i>	0.652	

<i>Serial C.</i>	0.043 (0.082)
<i>F stat</i>	224.5(0.000)
<i>Ramsey R.</i>	0.092(0.675)

Source: authors

A7 shows EC estimates of the structural import demand function. The results unambiguously reveals significance of one-period lag of reserves holding coefficient of 1.053 with a t-ratio of 5.942. This positive result is vast. In effect, our empirics uphold a case for accumulation of official remittances needed to strengthen the country's import funding.

Trade liberalization policy is significantly positive with a coefficient of 0.027 and a t-ratio of 2.756. So, a 10 % import tariff reduction stimulates elasticity of importation by 0.27 %. This denotes fruitful effect of the Nigerian trade liberalization policy on imports as against import restriction and protection policy which negates allocative and technical efficiencies and international competition due to imperfect agency relationship within the local industry but rather promotes monopoly control that induces high prices and hence superfluous profits as scarcity of local supplies cannot satisfy demand. This in turn attract rent-seeking behaviour of existing firms which leads to depletion of resources and as an effect repudiates attainment of market led economy.

As obtained in estimation of Koyck's transformation, coefficient of nominal exchange rate is 0.037 denoting that 10 % devaluation is complemented by a 0.37 % rise in Nigeria's importation. However, the coefficient is statistically insignificant with t-statistic of 0.051. While coefficient of oil revenue at current year fails significance test, coefficient of previous year oil revenue passes significance test with t-ratio of 2.095.

A7: Results of ECM (11)

Variables	Coefficients	t-statistics
$D(R(-1))$	1.053 ^{bbb}	5.942
$D(T)$	0.027 ^{bb}	2.756
$D(N)$	0.037	0.051
$D(O_t)$	0.014	0.283
$D(O(-1))$	0.016	2.095
$D(\Theta_0)$	1.950 ^{bbb}	3.629
$ecm(t-1)$	-0.879 ^{bbb}	-4.792
<i>Adjust R²</i>	0.793	
<i>Serial C.</i>	0.09 (0.794)	
<i>F stat</i>	389.5(0.000)	
<i>Ramsey R.</i>	0.064(0.593)	

Source: authors

The coefficients of relative prices was consistently positive and insignificant while the coefficient of aggregated real income was also insignificant. In final analysis, both error correction and Koyck's results show Nigeria's imports are significantly responsive to foreign reserves holding, final consumption and import tariff reduction, a proxy for trade liberalization policy.

УДК 33

Эконометрическая переоценка поведения Нигерии в отношении спроса на импорт: динамический анализ Коука и ответные политические меры

Давид Умору ^{a,*}, Ефоса Осаямен А. Евбуомван ^b, Бенедикт Имимоле ^c

^a Университет Эдо, Айямхо, Нигерия

^b Школа экономики энергетики, Варри, Эффурун, штат Дельта, Нигерия

^c Университет Амброуза Алли, Экпома, Эдо штат, Нигерия

Аннотация. В настоящей работе на основе динамики распределенной модели лагов в соответствии с преобразованием лагов Коука первого порядка оценены функции спроса на импорт для Нигерии с использованием годовых данных за 2000-2017 гг. Оценка GLS проводилась двумя способами: оценка без каких-либо ограничений, наложенных на коэффициенты лага, и оценка путем ограничения весов лага Коука для удовлетворения прежнего предположения о гладкости.

В целом, авторами демонстрируется, что поведение Нигерии в отношении спроса на импорт в значительной степени зависит от наличия иностранных резервов, политики снижения тарифов и расходов на конечное потребление. Реакция импортного спроса на государственную политику по импорту является динамично противоречивой. Такое колебание может быть вызвано чувствительностью спроса Нигерии на импорт в связи с изменяющимися экономическими обстоятельствами, вызванным недавними ценовыми потрясениями на нефть и социально-экономической уязвимостью страны.

Ключевые слова: импортный спрос, Коука трансформация, распределенный лаг, конечное потребление, Нигерия.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: david.umoru@edouniversity.edu.ng (Д. Умору)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 123-131

www.vestnik.sutr.ru

UDC 331.44

Professional Burnout of Personnel is a Key Problem in the System of Human Resources Management

Elena K. Vorobey ^{a, *}, Anna V. Trutt ^a

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

This article discusses the professional burnout the staff, introduced by X. Freudenberger in 1974. In this study, the syndrome is considered through the prism of the organization's management as a key problem of modern human resources management. Definitions of professional burnout of the organization's employees are given from the point of view of scientists dealing with problems of psychology, sociology and management. Five key stages in the growth of mental stress associated with professional activity are described, i.e. the burnout stages according to the works of George Greenberg. The main components of professional burnout are described. Modern studies are generalized and an approach to the classification of symptoms of professional burnout is proposed. Conventionally they are divided into groups, which include socio-behavioral, physical, psycho-emotional and intellectual symptoms. The most probable organizational factors that could lead to the professional exhaustion of company employees and negatively affect the performance of their work are considered and classified. Each of the three groups of these organizational factors is described. Measures to eliminate and prevent professional burnout proposed. These measures are based on the latest research of this problem by scientists – psychologists.

Keywords: professional burnout, burnout, exhaustion, stress, professional deformation, burnout syndrome.

1. Введение

Как известно, человек большую часть своей жизни проводит на работе, которая, как правило, сопровождается большим количеством обязанностей, ответственностью, эмоциональным напряжением и прочими стрессовыми факторами, ведущими к одной из основных проблем в системе управления персоналом – профессиональному выгоранию [1]. Многие ученые отмечают, что на сегодняшний день быстро меняющаяся внешняя среда становится все более и более стрессогенной [2]. В связи с этим проблема профессионального выгорания становится все более и более актуальной.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали последние труды российских и зарубежных ученых в областях психологии, социологии, менеджмента в части управления персоналом и организационной культурой. Необходимая аргументация теоретических выводов достигается посредством применения общенаучных методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, научной абстракции и конкретизации.

* Corresponding author

E-mail addresses: dissovet-econom@sutr.ru (E.K. Vorobey), neraida90@list.ru (A.V. Trutt)

3. Обсуждение

Под профессиональным выгоранием понимается синдром, который может развиваться при хроническом стрессе на работе и ведет к истощению эмоционально-энергических и личностных ресурсов сотрудника [3].

Изначально тема профессионального выгорания пришла в научную организационную психологию из психиатрии, но по сей день она не утратила своей актуальности. Ученые из разных областей анализируют как психологическое содержание данного синдрома, так и его возможную соотнесенность с другими, анализируемыми в организационной психологии, понятиями, такими как, например, увлеченность персонала работой, факторами организационной среды, оказывающих значительное воздействие на эмоциональное состояние работника и результативность трудовой деятельности персонала, в целом [4].

Впервые термин «психологическое выгорание» был введен Х. Френденбергером в 1974 г. Под психологическим выгоранием ученый предполагал психологическое состояние здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами в эмоционально нагруженной атмосфере при осуществлении профессиональной деятельности [5].

В 1976 году социальным психологом Кристиной Маслач было дано название данному состоянию – синдром физического и эмоционального истощения, который включают в себя дизадаптивное поведение, развитие отрицательной самооценки, негативного отношения к работе. В самом начале исследовательского пути синдром выгорания подразумевал изнеможение и подсознательное ощущение болезни. Позже, учитывая ритм жизни, симптоматика расширилась за счет элементов психосоматики. И в научном мире стали говорить о связи данного синдрома с психосоматическим самочувствием, относя его к состояниям предболезни. В Международной классификации болезней СЭВ отнесен к рубрике Z73 – «Стресс, связанный с трудностями поддержания нормального образа жизни» [6]. На сегодняшний день ученые пришли к единому мнению и определили психологическое выгорание как состояние физического, умственного и эмоционального истощения, проявляемое, прежде всего в профессиях социальной сферы. [7] В 1983 году ученый Е. Махер обобщил данные своих предшественников и составил перечень симптомов профессионального выгорания, в которых относятся утомление, истощение, усталость, бессонница, негативное отношение к клиентам и коллегам, злоупотребление кофе, алкоголем, табаком, наркотиками, нарушения аппетита, раздражительность, тревожность, напряженность, беспокойство, перевозбуждение, гнев, цинизм, апатия, пессимизм, депрессия, переживание чувства вины и зависимости, а также чувство бессмысленности и безнадежности [8].

Джордж Гринберг выделил пять этапов нарастания психического напряжения, связанного с профессиональной деятельностью, и обозначил их как «стадии выгорания»:

Таблица 1. Стадии профессионального выгорания [9].

Название стадии	Характерные особенности
«Медовый месяц»	Человек доволен собой, своей работой, даже чувствует энтузиазм идти дальше, но постоянные стрессы отбирают удовольствие от проделанной работы, уровень энергии постепенно снижается
«Недостаток топлива»	Нестабильный сон, усталость, необходима дополнительная мотивация к действиям, падает продуктивность, дестабилизация самоорганизации, человеку тяжело сосредоточиться на задаче.
Проявление хронических симптомов	Человек загоняет себя в глухой угол чрезмерными нагрузками, работает через силу, что приводит к физическому измождению, организм становится восприимчив к различным заболеваниям. На этой стадии проявляется синдром менеджера (ощущение постоянной нехватки времени).
Кризис	Частичная или полная потеря работоспособности вследствие обострения или появления хронических заболеваний. Острое переживание неудовлетворенности жизнью и собственной неполноценности
«Пробивание стены»	На работе ничего не клеится, карьера на грани завершения, больного окружают сплошные проблемы, впечатление, что все катится в тартарары. Физическое и эмоциональное истощение дошло степени провоцирования опасных для жизни заболеваний.

Современные ученые, как правило, выделяют три компонента профессионального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений [4]. Все симптомы профессионального выгорания можно условно разделить на 4 группы: физические, социально-поведенческие, психоэмоциональные и интеллектуальные. Более подробно проявления этих симптомов описаны в [таблице 2](#).

Таблица 2. Проявления симптомов профессионального выгорания [10].

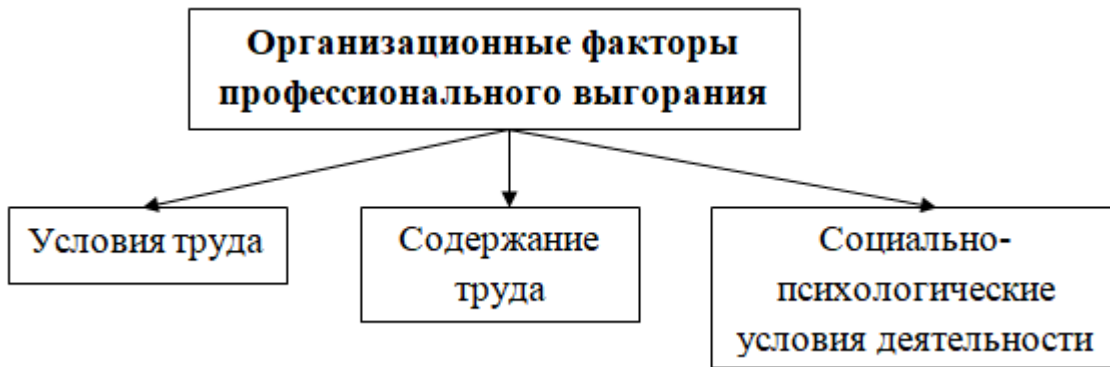
Группа симптомов	Проявления
физические	Хроническая усталость, слабость и вялость в мышцах, частые мигрени, снижение иммунитета, «ноющие» суставы и поясница. Нарушения аппетита, сна. По ощущениям: затрудненное дыхание, одышка; тошнота, головокружение, чрезмерная потливость, дрожь; повышение артериального давления; язвы и воспалительные заболевания кожи; болезни сердечно-сосудистой системы
социально-поведенческие	Стремление к изоляции, сведение общения с другими людьми к минимуму, уклонение от обязанностей и ответственности, желание обвинить окружающих в собственных бедах, проявление злобы и зависти, жалобы на жизнь и на то, что приходится работать круглосуточно», привычка высказывать мрачные прогнозы. Рабочее время более 45 часов в неделю; во время работы появляются усталость и желание отдохнуть; безразличие к еде; малая физическая нагрузка; оправдание употребления табака, алкоголя, лекарств; несчастные случаи - падения, травмы, аварии и пр.; импульсивное эмоциональное поведение.

психоэмоциональные	Ощущение беспомощности и безнадежности; агрессивность, раздражительность; тревога, усиление иррационального беспокойства, неспособность сосредоточиться; депрессия, чувство вины; истерики, душевные страдания; потеря идеалов, надежд или профессиональных перспектив; увеличение деперсонализации своей или других - люди становятся безликими, как манекены; преобладает чувство одиночества.
интеллектуальные	Падение интереса к новым теориям и идеям в работе, к альтернативным подходам в решении проблем; скука, тоска, апатия, падение вкуса и интереса к жизни; большее предпочтение стандартным шаблонам, рутине, нежели творческому подходу; цинизм или безразличие к новшествам; малое участие или отказ от участия в развивающих экспериментах - тренингах, образовании; формальное выполнение работы [11].

Современная литература предлагает различные пути борьбы с профессиональным выгоранием, но, зачастую, причина данного явления находится на порядок выше и кроется в ряде организационных факторов. Таким образом, прежде чем бороться с выгоранием сотрудников на уровне персонала, представляется целесообразным рассмотреть возможные организационные факторы, способные повлечь за собой, как следствие, профессиональное истощение сотрудников.

Рассмотрим подробнее каждую группу организационных факторов, способных привести к профессиональному выгоранию.

1) Условия труда. Большинство исследований феномена профессионального выгорания говорят о том, что выгоранию значительно способствуют повышенные нагрузки в деятельности и сверхурочная работа. Перерывы в работе оказывают значительный благоприятный эффект и в разы снижают уровень профессионального выгорания, но временно: уровень выгорания частично повышается через три дня после возвращения к работе и полностью восстанавливается через три недели [12]

Рис. 1. Классификация организационных факторов профессионального выгорания (разработано автором)

2) Содержание труда. Данная группа факторов организационного поведения включает количественные и качественные аспекты работы с клиентами организации: количество клиентов, частоту их обслуживания, степень контакта с ними. Непосредственный контакт с клиентами, острота их проблем обычно способствуют возникновению выгорания. При этом отмечается, что любая критическая ситуация с клиентом, независимо от ее специфики, является стрессом для работника, отрицательно воздействуя на него и приводя в конечном итоге к выгоранию [13]. При этом важный фактор, влияющим на профессиональное выгорание является степень самостоятельности и независимости сотрудника в своей деятельности, предоставленная ему компанией возможность принимать важные решения и непосредственно влиять на конечный результат своей работы. Большинство исследований в области профессионального выгорания однозначно подтверждают отрицательную корреляционную зависимость между самостоятельностью принятия решений и выгоранием [14].

3) Социально-психологические условия. Данная группа организационных факторов является наиболее значимой из рассматриваемых в контексте выгорания. Зачастую важную роль для сотрудника играет социальная поддержка со стороны коллег и начальства, а также других лиц (семьи, друзей и т. д.). Практически во всех исследованиях, посвященных этой проблеме, отмечается отрицательная зависимость между выгоранием и социальной поддержкой [15]. Причем отмечается, что для сотрудников организации наиболее значимой является именно поддержка от руководства. Межличностные конфликты в коллективе между сотрудниками одного уровня гораздо менее психологически опасны, чем конфликты с людьми, занимающими более высокое профессиональное положение. Социальная поддержка может быть своеобразным буфером между стрессорами и результатами их деятельности и показателями состояния. Работники, получающие эту поддержку, могут лучше сопротивляться стрессовым воздействиям и тем самым быть менее подвержены выгоранию.

4. Результаты

Влияние социальной поддержки распространяется на все компоненты выгорания, но наиболее тесная связь отмечается с эмоциональным истощением и деперсонализацией. Ряд исследований показывает, что инструментальная, информационная и эмоциональная поддержки, особенно в условиях ролевого конфликта и большого объема работы, имеют более тесную связь с выгоранием [16]. Важно осознавать, что успех профессиональной деятельности и профилактики профессионального выгорания зависит от усилий каждого штатного сотрудника и руководителя. Именно поэтому важно следить за тем, каким профессиональным настроем делятся коллеги и руководство друг с другом, принимая во внимание тот факт, что ответственность лежит на всех не только за собственное профессиональное здоровье, но и за то влияние, которое сотрудники, так или иначе, оказывают друг на друга [17].

Первым этапом профилактики и лечения профессионального выгорания персонала должна стать диагностика организационных проблем. Следующим – работа непосредственно с сотрудником.

По мнению доктора психологических наук, профессора А.Г. Караяни, все меры устранения и профилактики профессионального выгорания можно условно разделить на три базовых уровня: 1) тактический, 2) оперативный и 3) стратегический. Тактический уровень предполагает купирование наиболее ярко выраженных симптомов, которые могут мешать установлению контакта с сотрудником, испытывающим данный синдром, из-за которых ему сложно управлять своим поведением. Оперативный уровень связан с созданием на работе у сотрудника неагрессивной социальной среды и приемлемого режима трудовой деятельности. На этом этапе важно исключить переработки, работу сверхурочно, в выходные. Стратегический уровень работы с профессиональным выгоранием состоит в создании профессионально-психологического «бронжилета», защищающего человека от неблагоприятных внешних обстоятельств [18].

5. Заключение

Для того чтобы предотвратить профессиональное выгорание персонала, руководителю важно не только видеть те проблемы, которые возникают в организации, но и уметь предлагать приемлемые конкретные варианты решений, которые могут способствовать повышению эффективности, а также оптимизировать работу кадровой службы. Персонал должен видеть заинтересованность руководства в их деятельности, чувствовать свою важность и принадлежность к большому механизму предприятия. Необходимо также уделять время для формирования социально-благоприятного климата в коллективе, создания корпоративной этики и культуры. В качестве профилактики профессионального выгорания в последнее время часто используются специальные тренинги, где в ходе анкетирования можно выявить ту или иную степень выгорания у сотрудника, если она есть. Также руководителю стоит помнить о том, что правильно выстроенный рабочий график с перерывами и сменой трудовой деятельности будет активно сказываться на персонале, что также может предотвратить появление признаков выгорания [1].

Литература

1. Семенюк Е.А. Профессиональное выгорание как одна из основных проблем в системе управления персоналом // Державинский форум. Тамбов. 2017. №4.
2. Коновалова В.В. Организационные симптомы и факторы профессионального выгорания // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2010. №5.
3. Синдром профессионального выгорания [Электронный ресурс]. URL: http://www.help-patient.ru/psychological_help/doctors/professional_burning (Дата обращения: 25.03.2018)
4. Смирнова А.Ю. Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: философия, психология, педагогика. Саратов. 2017. №2 (17).
5. Водопьянова Н.Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях // Психология здоровья. Под ред. Г.С. Никифорова. СПб. 2000.
6. Бодров В.А. Теории и модели профессионального стресса. Учебно-методический комплекс. М.: Евразийский открытый институт. 2011.
7. Водопьянова Н.А. Активная жизненная позиция личности и профессиональная адаптация в условиях социально-экономического кризиса. // Психологические проблемы самореализации личности. 2009. №2.
8. Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. № 2.
9. Синдром эмоционального выгорания: проблема нашего времени / <http://medbooking.com/blog/post/sindrom-emocionalynogo-vygoranija-problema-nashego-vremeni> (Дата обращения: 25.03.2018)
10. Как не сгореть на работе: следите за эмоциями [Электронный ресурс]. URL: <https://praktika.ru/articles/profiles/kak-ne-sgoret-na-rabote-sledite-za-emotsiyami/10-03-2017> (Дата обращения: 25.03.2018)
11. Орел В.Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. Ярославль. 2001. № 1 (22).

12. Орел В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль, 1999. №11.
13. Организационные симптомы и факторы профессионального выгорания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/organizacionnye-simptomy-i-factory-professionalnogo-vygoraniya> (Дата обращения: 26.03.2018)
14. Елдышова О.А. Синдром выгорания как форма устойчивой личностной деформации // Психологическое консультирование и психотерапия: на стыке наук, времен, культур: Материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань. 2007.
15. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. №3 (23).
16. Никифоров Г.С. Психология профессионального здоровья. Учебное пособие. СПб.: Речь. 2006.
17. Леонова А.Б., Качина А.А. Особенности синдрома профессионального стресса у менеджеров разного должностного статуса // Психология психических состояний. 2006. № 6.
18. Караяни А.Г. Профессиональное выгорание: кто виноват что делать // Инвалиды и общество. М. 2015. №1 (15).

References

1. Semenyuk E.A. Professional'noe vygoranie kak odna iz osnovnykh problem v sisteme upravleniya personalom // Derzhavinskii forum. Tambov. 2017. №4.
2. Konovalova V.V. Organizatsionnye simptomy i faktory professional'nogo vygoraniya // Kadrovik. Kadrovyi menedzhment. 2010. №5.
3. Sindrom professional'nogo vygoraniya [Elekronnyi resurs]. URL: http://www.help-patient.ru/psychological_help/doctors/professional_burning (Data obrashcheniya: 25.03.2018)
4. Smirnova A.Yu. Ol'denburgskii oprosnik professional'nogo vygoraniya: diagnostika izmeneniya psikhicheskogo sostoyaniya sub"ekta truda po kontinuumu: uvlechennost' rabotoi – professional'noe vygoranie // Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: filosofiya, psikhologiya, pedagogika. Saratov. 2017. №2 (17).
5. Vodop'yanova N.E. Sindrom «psikhicheskogo vygoraniya» v kommunikativnykh professiyakh // Psikhologiya zdorov'ya. Pod red. G.S. Nikiforova. SPb. 2000.
6. Bodrov V.A. Teorii i modeli professional'nogo stressa. Uchebno-metodicheskii kompleks. M.: Evraziiskii otkrytyi institut. 2011.
7. Vodop'yanova N.A. Aktivnaya zhiznennaya pozitsiya lichnosti i professional'naya adaptatsiya v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa. Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti. SPb. 2009. №2.
8. Leonova A.B. Kompleksnaya strategiya analiza professional'nogo stressa: ot diagnostiki k profilaktike i korrektsii // Psikhologicheskii zhurnal. T. 2004. № 2.
9. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya: problema nashego vremeni / <http://medbooking.com/blog/post/sindrom-emocionalynogo-vygoraniya-problema-nashego-vremeni> (Data obrashcheniya: 25.03.2018)
10. Kak ne sgoret' na rabote: sledite za emotsiyami [Elekronnyi resurs]. URL: <https://praktika.ru/articles/profiles/kak-ne-sgoret-na-rabote-sledite-za-emotsiyami/10-03-2017> (Data obrashcheniya: 25.03.2018)
11. Orel V.E. Fenomen "vygoraniya" v zarubezhnoi psikhologii: empiricheskie issledovaniya i perspektivy // Psikhologicheskii zhurnal. Yaroslavl'. 2001. № 1 (22).
12. Orel V.E. Issledovanie fenomena psikhicheskogo vygoraniya v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii // Problemy obshchei i organizatsionnoi psikhologii. Yaroslavl', 1999. №11.
13. Organizatsionnye simptomy i faktory professional'nogo vygoraniya [Elekronnyi resurs]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/organizacionnye-simptomy-i-factory-professionalnogo-vygoraniya> (Data obrashcheniya: 26.03.2018)
14. Eldyshova O.A. Sindrom vygoraniya kak forma ustoichivoi lichnostnoi deformatsii // Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i psikhoterapiya: na styke nauk, времен, kul'tur: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Astrakhan'. 2007.
15. Ronginskaya T.I. Sindrom vygoraniya v sotsial'nykh professiyakh // Psikhologicheskii zhurnal. 2002. №3 (23).

16. Nikiforov G.S. Psikhologiya professional'nogo zdorov'ya. Uchebnoe posobie. SPb.: Rech'. 2006.
17. Leonova A.B., Kachina A.A. Osobennosti sindroma professional'nogo stressa u menedzherov raznogo dolzhnostnogo statusa // Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii. 2006. № 6.
18. Karayani A.G. Professional'noe vygoranie: kto vinovat chto delat' // Invalidy i obshchestvo. M. 2015. №1 (15).

УДК 331.44

Профессиональное выгорание персонала – ключевая проблема в системе кадрового менеджмента

Елена Константиновна Воробей^{а, *}, Анна Владимировна Трутт^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассмотрен синдром профессионального выгорания персонала компании, введенный в научный оборот с подачи Х. Френденбергера в 1974 г. В рамках данного исследования синдром рассмотрен через призму управления организацией как ключевая проблема современного кадрового менеджмента. Даны определения профессионального выгорания сотрудников организации с точки зрения ученых, занимающихся проблемами психологии, социологии и менеджмента. Описаны, в соответствии с трудами Джорджа Гринберга, пять ключевых этапов нарастания психического напряжения, связанного с профессиональной деятельностью, т.е. стадии выгорания. Описаны основные компоненты профессионального выгорания. Обобщены современные исследования и предложен подход к классификации симптомов профессионального выгорания. Условно они разделены на группы, к которым относятся социально-поведенческие, физические, психоэмоциональные и интеллектуальные симптомы. Рассмотрены и классифицированы наиболее вероятные организационные факторы, способные повлечь за собой профессиональное истощение сотрудников компании и негативно повлиять на результативность их труда. Описана каждая из трех групп этих организационных факторов. Предложены меры устранения и профилактики профессионального выгорания, в т.ч. на основе последних исследований данной проблемы учеными-психологами.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, выгорание, истощение, стресс, профессиональная деформация, синдром выгорания.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dissovet-econom@sutr.ru (Е.К. Воробей),
nerida90@list.ru (А.В. Трутт)

Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2018, 12(1): 132-138

www.vestnik.sutr.ru

UDC 658

The Key Elements of the External Environment on the Example of LLC "Primorsky Konditer"

Svetlana V. Zheurova ^{a, *}

^a Primorsky regional educational development institute (PREDI), Russian Federation

Abstract

The author analyzes the macro- and micro-environments, key elements of the external environment on the example of a particular enterprise LLC "Primorskiy Konditer". The interrelation of the main micro- and macro-environment factors and their influence on the development of the organization are analyzed. The options of strategies of behavior of the organization are considered. The author, in relation to LLC "Primorskiy Konditer", identified and analyzed a number of factors, including: economic, social, technological, legal, demographic, cultural, political and natural. Having considered each position, the author noted that the economic factor has the greatest negative impact on LLC "Primorskiy Konditer", after which they were offered a ranking of factors having a positive impact on this enterprise. The author analyzes the activity of the enterprise "Primorskiy Konditer", as well as its competitiveness and advantages. The article contains one figure and two tables compiled by the author.

Keywords: external and internal environment, organization, enterprise, entrepreneurship, strategy, management, strategic management, factors, external and internal factors, micro and macro environment, "Primorsky Konditer".

1. Введение

Исследование внешней среды компании является важным направлением всего стратегического управления. Для того чтобы определить стратегию поведения организации и претворить эту стратегию в жизнь, руководство должно иметь более глубокое представление не только о внутренней среде организации, но и о внешней среде организации, тенденциях её развития и месте, занимаемом в ней самим предприятием.

Неслучайно, что именно внешняя среда – включает все силы и организации, с которыми фирма сталкивается в своей повседневной и стратегической деятельности. Внешняя среда по своей природе неоднородна и дифференцирована, как по силе, так и по периодичности, характеру влияния на организацию. Саму внешнюю среду подразделяют на макросреду (или макропогружение) – среду косвенного воздействия, и микросреду (или микропогружение) – среду прямого воздействия.

2. Материалы и методы

Основными материалами для написания данной статьи явились статистические данные о деятельности предприятия, рассматриваемого в статье, а также влияние факторов внешней среды на эффективность работы организации. При написании статьи был

* Corresponding author

E-mail addresses: svtzhurova@mail.ru (S.V. Zheurova)

применен комплекс общелогических методов, таких как анализ, синтез, сравнение, методы индукции и дедукции.

3. Обсуждение

На рисунке 1 представлена схема взаимосвязи основных факторов микро- и макросреды.

Рис. 1. Взаимосвязь факторов микро- и макросреды (Составлено автором).

Причём макроокружение по отношению к предприятию выступает как причина и условия ограничения (или наоборот возможности расширения) деятельности; как предпосылка, вызывающая необходимость изменений на предприятии. Состав же микроокружения определяют потребители, конкуренты, поставщики, посредники, контактные аудитории и т.д. [1; 2].

В данной статье была поставлена задача рассмотреть внешнюю среду на примере: ООО «Приморский кондитер». В 1990 году фабрика выпустила около 13.000 тонн изделий, увеличился ассортимент, поменялось оборудование. С 2013 года, «Приморский кондитер» осуществляет свою деятельность как общество с ограниченной ответственностью. В настоящее время предприятие развивает собственную фирменную торговую сеть, а это 6 фирменных магазинов в ряде городов: Москва, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Иркутск. В ходе анализа внешней среды ООО «Приморский кондитер», были рассмотрены макро и микро-компании, а для оценки состояния макроокружения были выделены основные факторы макросреды, оказывающие влияние на развитие рынка кондитерских изделий.

Таким образом, в составе макроокружения были выделены следующие позиции: демографические, экономические, политико-правовые, социально-культурные, технологические и природные факторы.

Так, например, демографические факторы, отрицательно воздействуют на организацию, что объясняется сокращением численности населения, превышением

смертности над рождаемостью, большим оттоком населения, сокращением трудоспособного населения, находящегося в категории «старше трудоспособного» [3].

Экономические факторы до 2014 года благоприятно влияли на экономику Приморского края, что объяснялось проведённым в 2012 году Саммитом АЭС. Введённые в 2014 году санкции против России повлияли на экономику данного региона, но, тем не менее, он продолжает стабильно развиваться, что оказывает благоприятное воздействие на организацию [4].

Изучая политико-правовые факторы, необходимо отметить, что Правительством и Законодательной Думой РФ осуществляются действия по ужесточению условий для ведения кондитерского вида предпринимательства.

В свою очередь, 23 марта 2016 года деятельность предприятия была приостановлена на 14 дней, так как Роспотребнадзор усмотрел нарушения в работе аммиачной компрессорной в одном из цехов завода. Так же, в результате импортозамещения за счёт расширения ассортимента конфет, печенья и шоколада, наибольшую долю на рынке Приморского края, занимает местная кондитерская продукция, около – 50 % от общего объёма продаж. Порядка 48 % Приморского рынка кондитерских изделий – занимает отечественная продукция, завозная из других регионов России, а на долю импорта приходится всего около 2 %, что даёт новые возможности компании, но так же и представляет угрозу высокой конкуренции на рынке [5].

Важным элементом ООО «Приморский кондитер» является высокая заинтересованность Администрации Приморского края в деятельности и развитии самого предприятия. В свою очередь, социально-культурные факторы говорят о появлении в обществе депрессивных настроений, падение доверия государству, экономии на всём и боязни за своё будущее.

Технологические факторы неоднозначно влияют на организацию, так как идёт рост объёма инноваций в пищевой промышленности с одной стороны, и сокращением затрат на технологические инновации, с другой стороны [10].

Что касается, природных факторов, то они весьма отрицательно сказываются на организации: увеличение забираемой воды на производственные нужды заставляют ужесточить условия использования ресурсов, вводить правительством высокие налоги и штрафы, что ведёт к доли увеличения платежей за допустимые выбросы в общем объёме платежей [6; 7].

4. Результаты

Для оценки состояния микроокружения были выделены основные факторы микросреды:

1. Основными потребителями ООО «Приморский кондитер» являются физические и юридические лица, как Приморского края, так других субъектов РФ, в наиболее экономически активном возрасте от 30 и выше лет. ООО «Приморский кондитер» сотрудничает со многими компаниями города Владивостока, а также безусловными любителями сладостей «Приморского кондитера» считаются дети и подростки;

2. Высокое качество продукции – это визитная карточка фабрики, поэтому, ООО «Приморский кондитер» придерживается ГОСТа, не допуская ни малейших отклонений от его рецептур. Вся продукция, производимая фабрикой, проходит 7 этапов контроля качества;

3. ООО «Приморский кондитер» обладает широкой сетью фирменных розничных магазинов в ряде городов Дальнего Востока;

4. В связи со спецификой осуществляемой деятельности, основными контактами аудитории являются сотрудники компании, СМИ, органы государственной власти, и всё общество в целом.

В качестве основных своих конкурентов ООО «Приморский кондитер» на рынках страны выступают:

- кондитерское объединение «Славянка»;
- «Объединённые кондитеры»;
- кондитерская фабрика «Ferrero»;
- «Nestle» Россия;
- и «Mars».

Таким образом, применительно к ООО «Приморский кондитер» был выделен и проанализирован целый ряд факторов: экономический, социальный, технологический, правовой, демографический, культурный, политический и природный. Рассмотрев каждую позицию, можно отметить, что наибольшее негативное влияние на ООО «Приморский кондитер» оказывает экономический фактор (таблица 1).

Таблица 1. Факторы влияния (составлено автором).

Факторы макросреды	Состояние фактора	Тенденции развития фактора	Характер влияния	Степень влияния (-5) (+5)	Итоговая степень влияния
Экономический фактор					
Изменение ВВП	Падение	Падение	Отриц.	-5	-2
Рост темпа инфляции	Активный рост	Рост	Отриц.	-5	-3
Падение уровня доходов населения	Активный рост	Рост	Отриц.	-5	-4
Рост безработицы	Активный рост	Рост	Отриц.	-4	-4,5
Движение цен	Активный рост	Рост	Отриц.	-3	-4
Изменение курсов валют	Рост курса иностранных валют по отношению к рублю	Маленький рост	Отриц.	-3	-3
Демографический фактор					
Сокращение численности населения	Рост	Рост	Отриц.	-5	-3
Сокращение рождаемости	Рост	Рост	Отриц.	-3	-3,4
Старение нации	Высокий показатель	Небольшой спад	Отриц.	-4	-4
Изменение возрастного состава населения	На прежнем уровне	Незначительные изменения	Отриц.	-2	-2
Миграции населения	Высокий темп	Рост	Отриц.	-3	-3
Природный фактор					
Истощение ресурсов	Умеренное	Умеренный рост	Отриц.	-3	-3
Увеличение загрязнения окружающей среды	Умеренное	Умеренный рост	Отриц.	-3	-3
Удорожание энергоносителей	Рост	Рост	Отриц.	-3	-3
Правовой фактор					
Развитие законодательства, регулирующие предпринимательскую деятельность	Бурное развитие	Рост	Полож.	+3	+3
Развитие законодательства по защите окружающей среды	На прежнем уровне	На прежнем уровне	Отриц.	-1	-1

Повышение требований со стороны гос. учреждений, след-х за соблюдением законов	Рост	Рост	Отриц.	-5	-5
--	------	------	--------	----	----

Как видно, из [таблицы 1](#), наибольшее влияние на ООО «Приморский кондитер», оказывает серьёзное влияние особенно экономический фактор, это напрямую, объясняется существующим на данный момент кризисом в стране, вызванным введёнными против России зарубежными странами санкциями, поэтому зависимость ООО «Приморский кондитер» от зарубежных поставщиков сливочного масла и какао-бобов ставит компанию в затруднительное положение, из-за сохранившейся тенденции роста уровня инфляции и курса иностранных валют по отношению к рублю.

На втором месте негативно сказывающемся на компанию влияет демографический фактор, так как рост депрессивных настроений в обществе в связи с экономической обстановкой в стране напрямую влияет на численность населения в стране, рождаемость и миграцию. В Приморье, например, наблюдается большой отток экономически активного населения, превышение смертности над рождаемостью, в связи с чем, изменяется возрастной состав населения, идёт рост населения, находящегося в категории «старше трудоспособного», – всё это может привести в дальнейшем к нехватки кадров и снижения потребительского спроса.

Ну и третье место занимают такие факторы макроокружения, как правовой, природный – степень их влияния не велика, так например, природный фактор не сильно воздействует на компанию, т.к. она уже приспособилась к воздействию этого фактора, правовые тоже не сильно влияют на данную кондитерскую компанию, как например, на другие компании этого сегмента можно смело заметить, что правовые акты в настоящий момент направлены на ряд факторов, которые оказывают положительное влияние, такие как: культурный, политический, социальный. И что характерно наибольшее положительное влияние на компанию оказывает культурный фактор, что объясняется приверженностью приморцев к продукции компании, что напоминает им вкус детства. Именно поэтому люди не изменяют своим привычкам, сформированным ещё в детстве, чем компании умело пользуются. На второй позиции стоит политический фактор, что вполне объясняет ситуация на международном уровне, т.к. государственные органы после введения зарубежными странами санкций ввели свои санкции в ответ. Началась поддержка отечественных производителей, а именно, вводились санкции против импортной продукции. Тем самым, государство начало политику на оздоровление нации, вводя высокие пошлины и налоги на продукты и сырьё, которое приносит вред здоровью человека.

Использование отечественного сырья предприятием ООО «Приморский кондитер», только оказывает положительные факторы, по использованию отечественного сырья, которое отвечает стандартам, причём большинство сырья имеет естественную природу.

Третье место занимает социальный фактор, влияние которого незначительное, но, на данный момент, в стране нестабильная ситуация, которая приводит людей к неуверенности в своём будущем и экономии на продуктах, а параллельно в обществе идёт рост уровня образования, стремление к избавлению от лишнего веса, меняется отношение к корпоративным ценностям в лучшую сторону, сохранение стиля жизни и традиций, что в целом благоприятно влияет на компанию ([таблица 2](#)).

№	Место	Фактор	Степень влияния
1	I	культурный	4
2	II	политический	2
3	III	социальный	1, 17

5. Заключение

Таким образом, на основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Предприятию ООО «Приморский кондитер» на данный момент нужно разработать стратегию, направленную на снижение негативных влияний экономического,

демографического, правового и природного факторов, где особое место должно быть уделено экономическому фактору.

2. ООО «Приморский кондитер» на данный момент нужно разработать стратегию, направленную на повышение конкурентных преимуществ за счёт технологического фактора, который в настоящее время не влияет на компанию, в стратегическом планировании – это просто необходимо учитывать.

В свою очередь, для ООО «Приморский кондитер» можно сделать ряд предложений:

- Экономического фактора: Налаживание партнерских отношений с компаниями, занимающихся доставкой товаров морским путём сообщения (используя ресурсы бизнес-идеи Порто-Франко). Заключение контрактов с российскими поставщиками;
- Демографического фактора: Выход на другие региональные рынки страны, а также рынки стран АТР, разработка совместных программ и особенно молодёжных программ;
- Правового фактора: Проверка всех подразделений на соответствие Законам, стандартам и нормативам России;
- Природного фактора: Тщательная проверка природных ресурсов, например, вода, используемых в производстве готовой продукции, на экологическую чистоту, поддержка проектов, направленных на очистку окружающей среды и её охрану;
- Культурного фактора: Поддержка продукции, которая является родным брендом, а также рассмотрение новых способов использования культурных традиций и обычаев в дизайне продукции ООО «Приморский кондитер»;
- Политического фактора: Использование ресурсов, не входящих в запрет, который наложен государством, поиск новых и налаживание новых отношений с дистрибьютерами стран АТР;
- Социального фактора: Поддержка социальных проектов, которые разработаны и реализованы государственными органами на местном и региональном уровнях;
- Технологического фактора: Выделение средств на новые разработки и совершенствование существующих товаров.

Литература

1. Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. М.: АН и ПЭВ, 2009, 246 с.
2. Анискин Ю.П. Организация и управление малым бизнесом. М.: Финансы и статистика, 2005. 151 с.
3. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальное решение. Пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998.
4. Малое предпринимательство в России 2016 год. Статистический сборник. Росстат. М. 2016.
5. Россия в цифрах: Крат. стат. сб. Госкомстат России. М. Финансы и статистика, 2015.
6. Третьяк В.П. Кластеры предприятий: пути создания и результативность функционирования. М., 2006.
7. Петров М.Н. Основы экономики и предпринимательства. СПб.: Издательский дом «Герда», 2001. 320 с.
8. Портер М.Э. Конкурентная стратегия, Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 454 с.
9. Ялов Д.А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием. Фонд ЦСР «СевероЗапад». СПб., 2006.
10. Ясин Е.Г. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. Под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Бучева. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2003, 220 с.

References

1. Asaul A.N. Organizatsiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti. M.: AN i PEV, 2009, 246 p.
2. Aniskin Yu.P. Organizatsiya i upravlenie malym biznesom. M.: Finansy i statistika, 2005. 151 p.
3. Druker P. Effektivnoe upravlenie. Ekonomicheskie zadachi i optimal'noe reshenie. Per. s angl. M.: FAIR-PRESS, 1998.
4. Maloe predprinimatel'stvo v Rossii 2016 god. Statisticheskii sbornik. Rosstat. M. 2016.

5. Rossiya v tsifrakh: Krat. stat. sb. Goskomstat Rossii. M. Finansy i statistika, 2015.
6. Tret'yak V.P. Klastery predpriyatii: puti sozdaniya i rezul'tativnost' funktsionirovaniya. M., 2006.
7. Petrov M.N. Osnovy ekonomiki i predprinimatel'stva. SPb.: Izdatel'skii dom «Gerda», 2001. 320 s.
8. Porter M.E. Konkurentnaya strategiya, Metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 454 p.
9. Yalov D.A. Klasternyi podkhod kak tekhnologiya upravleniya regional'nym ekonomicheskim razvitiem. Fond TsSR «SeveroZapad». SPb., 2006.
10. Yasin E.G. Maloe predprinimatel'stvo v Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee. Pod red. E.G. Yasina, A.Yu. Chepurenko, V.V. Bueva. M.: Fond "Liberal'naya missiya", 2003, 220 p.

УДК 658

Ключевые элементы внешней среды на примере: ООО «Приморский кондитер»

Светлана Викторовна Жеурова ^{а,*}

^а Приморский Краевой институт развития образования (ПКИРО), Российская Федерация

Аннотация. В статье автором анализируется макро- и микросреда, ключевые элементы внешней среды на примере конкретного предприятия ООО «Приморский кондитер». Анализируется взаимосвязь основных факторов микро- и макросреды и их влияние на развитие организации. Рассматриваются варианты стратегий поведения организации. Автором, применительно к ООО «Приморский кондитер», был выделен и проанализирован целый ряд факторов, среди которых: экономические, социальные, технологические, правовые, демографические, культурные, политические и природные. Рассмотрев каждую позицию, автор отметил, что наибольшее негативное влияние на ООО «Приморский кондитер» оказывает экономический фактор, после чего им было предложено ранжирование факторов оказывающих положительное влияние на данное предприятие. Автором анализируется деятельность самого предприятия ООО «Приморский кондитер», а также его конкурентоспособность и преимущества. Статья содержит один рисунок и две таблицы составленные автором.

Ключевые слова: внешняя и внутренняя среда, организация, предприятие, предпринимательство, стратегия, управление, стратегическое управление, факторы, внешние и внутренние факторы, микро- и макросреда, «Приморский кондитер».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svtzheurova@mail.ru (С.В. Жеурова)